

Прогулки по холмам Времени

Никогда не надо отвергать своё прошлое как устаревшую некогда модную шубу... Прошлое, как и ледниковый период, может в любой момент возвратиться, а вместе с ним обычно материализуются и его полезные на все времена артефакты.

Это случилось в начале третьего тысячелетия нашей эры, на закате 20NN года, в эпоху безвременья и национального позора, незадолго до седьмой избирательной кампании по очередным, «судьбоносным» выборам президента РФ.

Это было в первых числах ноября. Шел дождь, переходящий в мокрый снег. В такую погоду серый мглистый день подобен крошечной тьме, такой удобной для грабежа и насилия.

В тот день я шёл на рынок, чтобы закупить на неделю доступные по цене продукты. Финансовый кризис, охвативший утопающую в нефтедолларах страну, отступить не собирался и порождал в нищей стране численность олигархов-миллиардеров...

На улице давно уже была другая эпоха, люди, мечтавшие когда-то о космических путешествиях, стали мечтать о золотых унитазах и о членском билете престижного фанклуба.

Мой путь пролегал мимо детской площадки и ряда мусорных контейнеров близ неё, где каждое утро в течение двух десятилетий рылись в мусоре полуживые одинокие старухи и бездомные алкоголики второго поколения.

Запах тлена и распада витал тогда повсюду: во дворах, в городе, по всем городам и весям – словно ангел смерти пролетел над новой Россией и лишил оставшихся в живых всего божьего и человеческого.

Отходы, продукты человеческой физиологии и вещественные доказательства бездуховной эпохи, следы зверских преступлений интернациональных банд под эгидой так называемых «новых русских» – всё беззастенчиво и нагло сваливалось в дворовые мусорные контейнеры.

Среди давным-давно просроченных продуктов из коммерческих ларьков и супермаркетов – вздувшихся банок с тушёнкой и килькой в томате, покрытых зелёной и белесой плесенью варёных колбас, среди полусгнивших яблок и мятых помидоров, дотошные старухи и бомжи-старьевщики часто находили в мусорных контейнерах фрагменты человеческих тел.

Случалось, находили там и трупы изнасилованных школьников и школьниц, в узлах с тряпьем находили трупы новорожденных и еле живых младенчиков...

Сколько раз я проходил быстрым шагом мимо это страшного места, а на этот раз застыл как вкопанный: перед моими глазами высилась гора из книг, как будто чей-то огромный самосвал свалил груды разноцветного бумажного кирпича рядом с мусорной свалкой. Рядом с книгами валялись на мокром асфальте толстые журналы, подшивки газет и специальные архивные папки с бумагами. Здесь же валялось несколько пар мужской обуви, из которой две пары мужских туфель были новыми.

Рядом, на одном из мусорных контейнеров лежала верхняя мужская осенне-зимняя одежда в весьма хорошем состоянии, два серых плаща на подкладке, зимнее пальто с каракулевым воротником, одна шапка-ушанка из мерлушки, две фетровых и одна вельветовая шляпы, изношенные перчатки и кашне...

В этой выброшенной на свалку груды книг и вещей прочитывалась ещё одна из сотен тысяч печальных вестей – ещё один советский интеллигент ушёл в мир иной, оставив после себя то, что живым стало ненужным.

...Сколько раз проходил я мимо этих мусорных контейнеров, мимо этой недостойной внимания свалки «культуры повседневности». А в этот памятный день вдруг остановился у этой огромной груды книг и замер на месте, поражённый неожиданным, давно забытым наваждением и тем воистину нездешним странным состоянием, похожим на временное помутнение рассудка, или точнее, на божественную эманацию, которая обычно ему предшествует...

Тело вдруг ощутило удивительную лёгкость парения, оно, вопреки всем физическим законам и закону гравитации утратило вес, стало невесомым. Лёгкое головокружение прекратилось, и наступила необыкновенная ясность восприятия увиденного видения...

Некто незримый и всемогущий вмиг смахнул перед моим взором картинку реального, косного и грубого мира. Белая и влажная снежная кисея сменилась на знойное, бежевое марево, на

электронный туман, который по уверениям астрофизиков воздействует на деформацию пространства-времени. И сразу откуда-то подул легкий ветерок и сквозь розово-бежевую пелену стали проступать черты иного мира – до боли знакомые очертания Вечного Города, города богов и людей.

На месте далёкой иглы Останкинской телебашни и полосатой трубы Северной ТЭЦ возник в своём первозданном античном величии Капитолийский холм. Вместо типовых блочных, девятиэтажных жилых домов шестого микрорайона явственно обозначилась окраина Рима, перегон Аппиевой дороги между Фундами и Террациной и кладбище вдоль неё с мраморными памятниками и надписями на них времён императора Диоклетиана и его преемников. Один из больших Погостов древнего мира, где неуёмное тщеславие и гордыня, где страх перед смертью и забвением ищут хотя бы условного бессмертия.

Некрополь близ Рима. Город мёртвых в десяти стадиях к югу от крепостной стены Андриана... Стрела времени, изменив всем законам природы Мгновенной Вечности, вернулась на свою исходную позицию и проявила живую картинку древнего мира...

Я оказался перед тремя мраморными надгробиями трёх славных римских граждан, живших свыше двух тысяч лет назад – сапожника, раба-подисеква и учителя грамматики.

На богатой даже по нашим меркам беломраморной семейной усыпальнице с барельефом сапожника, который обладал весьма импозантной внешностью, выбита надпись:

D M C JULIUS HELIUS SUTOR A PORTA
FONTIMALE FECIT SIBI ET JULIAE FLACCILAE
FIL ET C JULIO ONESTIMO LIBERTO
LIBERTABUSQUE POSTERISQUE EORUV V F

«*Богам Манам (богам мертвых). Гай Юлий Гелий, сапожник от Фонтинальских ворот, соорудил (надгробие) себе и дочери Юлии Флакцилле, вольноотпущеннику Гаю Юлию Онестиму и вольноотпущенницам с их потомками; соорудил при жизни*».

Это был весьма, весьма трезвый, точнее трезвомыслящий и дальновидный для своего времени сапожник.

Судя по надгробной надписи, сапожник Гай Юлий Гелий принадлежал к тому мыслящему меньшинству граждан, которые во все времена держали нос по ветру и жили по принципу: *времена меняются, и мы меняемся вместе с ними.*

Время правления императора Каракаллы в основном было мирным и созидательным. При нём в Риме возникло множество храмов, алтарей, рынков и театров. Процветали ремёсла и торговля. Были построены термы, великолепные римские бани, где бассейны и залы с различными температурами, массажные комнаты, палестры.

У сапожника Гелия не было сына, и он через сооружение прижизненного семейного склепа создал из своих вольноотпущенных рабочих и подмастерьев своего рода профессиональную семью и одновременно проявил входящую тогда в моду благотворительность, обеспечил потомков своих вольноотпущенных могилой славных предков. Однако не все состоятельные римские ремесленники воздвигали себе надгробия при жизни, а только самые прозорливые, а также те, кто следовал мудрой сентенции: *какая жизнь, такая и смерть. Никто не знает своего последнего часа, но все знают, что достаток в семье шаток даже в недалёком будущем, в любой момент можно разориться и пополнить ряды городских бродяг.*

У сапожника Гелия было много причин опасаться за своё будущее. Не всё так хорошо обстояло в Империи, как казалось. Строительство грандиозных сооружений в Риме опустошило имперскую казну, ремонт Аппиевой дороги, соединяющей Рим с Капуей, император делал за свои деньги. Ухудшилось снабжение Рима продовольствием, провинции отказывались кормить жителей мегаполиса. Стали стремительно расти цены на всё, армия не получает в срок жалованья, что порождает военную анархию нестабильность императорской власти...

Эпоха завоеваний сменилась обороной дальних рубежей империи, многие провинции остались без защиты военных гарнизонов, ибо резко сократилось число легионов. Никто не хотел поступать на военную службу, быть опоясанным военным поясом, *militari cingulo insigniri*, и сгинуть где-то там, на краю ойкумены, в студёных северных лесах в битве с варварами, «склавами-рабами, ариями-руссами».

Давно замечено: с развала армии начинается развал империи. Римляне, не желая служить в армии, всё чаще вербуют в неё жителей провинций. Но не все провинциалы желают умирать в интересах империи, даровавшей им право свободных граждан. Жителей Александрии, которые воспротивились дополнительному набору в армию, пришлось усмирять силой. До начала необратимого падения Римской империи оставалось чуть больше полувека...

Падёт Рим, будут разрушены дворцы, рынки, термы и некрополи, но надгробие сапожника Гелия никто не посмеет тронуть, ибо свой обет этот славный римлянин исполнил охотно, радостно, достойно (*solvit, libens, laetus, merito*). Это надгробие стало местом почитания тех людей, кому не были чуждыми благотворительность и человеколюбие...

Самым скромным по размерам и по художественному исполнению был надгробный памятник учителю грамматики:

«Богам Манам посвящено. Домиций Исквилин, учитель грамматики, грек, 101 года, здесь погребён, да будет тебе земля легка»

Боги подарили Домицию долгую жизнь, он стал одним из главных свидетелей медленного и уже заметного распада Империи, её внутреннего загнивания. С каждым прожитым в Риме годом, ему всё больше претила растущая страсть жителей к грубым развлечениям, кровавым представлениям, низменным наслаждениям, разврату с его содомией, к праздному, пустому досугу.

На закате жизни Домиция резко возросло население Рима, в последний год жизни учителя, оно достигло полутора миллиона человек; заодно возросла численность плебса, социальных паразитов, бездельников, мошенников, ростовщиков и разного рода «рогатых ангелов». Рим, в глазах просвещённого грека, стал похож на некую ферму по производству человеческого отребья, биологического мусора. Римское общество из носителя высокой культуры «Пакс Романа» стало пропагандистом психологического уродства, инцеста, изощрённых извращений и животных форм поведения, ведущих человека к деградации и вырождению.

Домиций один из первых заметил в римлянах резкий спад интереса к знаниям; в обществе исчезла потребность читать серьёзные книги, заниматься искусствами и наукой. Когда же Домиций стал свидетелем сжигания «ненужных» книг для обогрева общественных бань, стало понятно, что, таким как он, пришла пора умирать.

В тот чёрный для римской культуры день он сказал своим ученикам: «Истинно говорю вам: пришел конец Великому городу. Увы, плохая трава быстро растёт. Вижу руины заросшие чертополохом. Горе, горе тебе *Aeterna urbis*, город Великий! Любая книга имеет свою судьбу, но такой страшной судьбы книг в Империи я не ждал. Без книги нет учёбы, без знаний нет у человека достойного будущего. Ведь, не для школы, а для жизни мы учимся! О времена, о нравы! Не нужна будет грамматика и станет ненужной письменность. И всякий житель империи забудет латинский язык. Одичают многие, а многие будут убиты. ...*O tempora, o mores! Ad mortem te, Catilina, iussi consulis jam pridem oportebat, in te conferri pestem, quam tu in nos omnes jam diu machinaris. O tempora, o mores!* Вот, что хотел я сказать».

За год до смерти, приход которой он чувствовал, им была написана книга пророчеств, где было написано:

«Скоро, скоро придут к нам иноверцы алчные и ненасытные, и отнимут у нас плоды трудов наших. Горе нам, ибо нынче земля рождает людей слабых, ничтожных, но жестоких друг к другу. Они губят себя и убивают своих братьев, уничтожают народ, гибнут от пороков, болезней, от печали и тоски. Богам скучно с такими людьми – и боги ушли от нас. Всё пошло на убыль, всё – в ущерб. Всё наше имение досталось лукавым пришельцам. Земля стареет, она устала от людей.

Уже сегодня христиане открыто молятся над костями мёртвого галилеянина и лобызают сухие кости мертвецов. И не к добру вчера у девственной сивиллы Доротеи родился от прекрасного олимпийского бога глухонемой сын...

Бойтесь чужой веры как троянского коня! Ещё раз говорю вам, умолкнут скоро пророчества, ибо в наше время пророку лучше быть глухонемым. Всё пройдёт, всё погибнет. Всё уничтожат христиане, бесчисленные и неуловимые. Нет у них отечества, нет границ. Они наполнят скоро собой наш мир, они будут повсюду среди нас, в наших городах, крепостях, муниципиях, советах, декуриях, в сенате и на форуме. Скоро они породят огромные толпы не критичных людей, носителей индуцированного бреда, мрачных маний и разрушительных заблуждений.

Они погубят наши города, и мы ужаснёмся своему одиночеству – молчанию культурного мира, остановится без нас всякая жизнь, поражённая как проказой – философией смерти угрюмых галилеян...

Бойтесь, как смерти, смиренных на вид галилеян из Иудеи. Они скоро как саранча наводнят империю, и будут повсюду делать свои дела разрушения. С пошлой уверенностью в своей правоте, грязные, немые и зловонные, лобызавшие кости своих «святых» преступников, распятых на крестах, они будут с ненавистью выбивать глаза нашим богам, лишать их носов, рук ног, осквернять священные лоно улыбочивых наших богинь. Они будут в огне выплавлять серебро и золото из одежд наших богов и чеканить звонкие монеты для подкупа продажных сенаторов.

Пройдёт время, и они изобретут на основе прошлого опыта насилия самые изощрённые пытки живых людей. Из светлого лучезарного космического креста они сделают другой, Черный Крест, символ смерти. Осеняя себя крестом, они пойдут по Черной дороге в иные земли грабить и убивать чужие народы...

Они подкопают крепостные стены Империи изнутри, а варвары разрушат их извне.

Чёрные монахи бросят в огонь наши архивы, чертежи дворцов и акведуков, диковинных машин и механизмов, атласы по анатомии и навигации, поэмы Гомера и Гесиода, Анакреона и Овидия, книгу по астрономии «Небесные явления» учёного и поэта Араха, «Анналы» историка Энния, «Георгику» Вергилия – поэму о земледелии...

Галилеяне сделают из нашего светлого мира угрюмый и мрачный склеп. Они одни из первых сожгут наши священные книги и свитки, сожгут библиотеки в Риме, в Антиохи, в Александрии. Они разрушат наши музеи, ограбят и осквернят наши храмы и разобьют на куски прекрасные изваяния лучших мастеров Эллады и Рима, уничтожат священные для каждой семьи восковые подобию, дорогие сердцу маски славных предков, пойдут в огонь лики наших прекрасных героев и мудрецов из крашеного воска и благородного дерева.

Они оболгут нашу веру, извратят нашу историю, нашу культуру, обычаи, сожгут наши священные рощи и вырубят саллюстиевы сады...

Потом галилеяне, эти наследники капернаумских рыбаков, эти немые «ловцы человеков» овладеют душами наших несчастных, одичавших детей и внуков, вывернут их души наизнанку. И станут торговать как свёклой в зеленой лавке нашими грехами, идеями спасения и бессмертия. Они белое превратят в чёрное, трусость в подвиг, священное проклятие в молитву. Они станут учить любить врагов и предавать домашних своих...

Римляне, помните: меч ничто, дух воина – всё! Если воин слаб духом, то никакое оружие ему не поможет. Дух наших воинов укрепляют наши боги. Римляне, – мы потомки своих Богов. Религия галилеян – это слабость и уродство, она воспитывает трусость мысли и безволие. Религия галилеян – это религия смерти, она заставляет мысленно пить кровь человека и есть человеческое тело, плоть своего бога, называет этот обряд духовного людоедства причастием. Наше многобожие – это сила и красота, оно не требует человеческих жертвоприношений, оно славит высокий дух героев и красоту тела богов и богинь. Римляне, помните: выбирая богов, мы выбираем свою судьбу. Наша беда в том, что стали забывать и предавать своих богов, своих предков.

Они будут сжигать нас за веру на кострах, а их главные епископы будут грешить с блудницами, молодыми монахами и монашками. За толстыми стенами они украдкой будут заводить любовные шашни и блуд – дочерей с отцами, братьев с сёстрами, блуд чёрного монаха и палача с маленькой, тонкой, бледной и покорной девочкой, беззубого и лысого черного инквизитора-инкуба с бесстыдной юной монахиней...

Галилеяне истолкуют наших богов как злых бесов, влекущих людей на погибель. Прекрасного олимпийского бога Диониса-Вакха в своих больных фантазиях они превратят в смрадного Ночного Козла, *Nyxus Nocturnus*. Юных менад – в старых ведьм, игривых фавнов и весёлых сатиров – в уродливых и мрачных демонов; пухленьких, розовощёких эротов – в трёхлетних хвостатых черных бесенят, пасущих стадо бугорчатых жаб. Наши прекрасные храмы и колонны из белого мрамора они превратят в чёрные утёсы; лазурное море – в гнилое болото...

В бесславии, в безмолвии, чуждые и ненужные всем, страшно одинокие должны мы будем терпеть до самой смерти: должны будем прятать в пепел последний красный уголёк, чтобы новым поколениям было чем зажечь спасительный светильник.

С того, чем мы кончим, начнут они. Может быть, когда-нибудь они скажут о нас: «Обо всём, во что мы только верили, они давным-давно знали. Мы были бы никем, если не стояли на плечах этих древних гигантов».

Когда-нибудь через два тысячелетия люди откопают священные кости Эллады и Рима, обломки божественного мрамора, отыщут в наших могилах полуистлевшие страницы наших книг и снова будут с нами, а мы с ними».

Учителя грамматики Домиция похоронили как почётного гражданина города с большими почестями, но не за заслуги в деле образования и просвещения, а за его рекордное долголетие, – редко какой римлянин мог дожить до ста одного года в этом одном из лучших миров.

.....

Некрополь близ Рима. Город мёртвых в десяти стадиях к югу от крепостной стены Андриана, за которой в дымке виднеются здания Пантеона, Табулария – библиотеки и хранилища государственных бумаг и термы Каракаллы. Там шумит и беснуется Вечный Город, а здесь камни мёртвых призывают живых к рассудку: «Спешите медленно». *Festina lente! Festina lente...*

Пока живые в городской суете творят через чужую кровь свою славу, здесь в обители мёртвых неспешно утверждается бессмертие великого Ничто. Некрополь – это граница двух миров, где эфирные, нечёткие образы ждут часа своих земных воплощений.

Здесь мыслеобразы, сбросив хламиды косной материи, преображаются. Тени далёких, забытых предков вновь проявляются в реальности, через пневму, через сиферот, через творческий первоогонь, создающий космическую симпатию и очарование всех вещей.

Мне кажется, что я здесь когда-то был, а, может быть, видел это место во сне. И эту главную римскую дорогу, ведущую в Неаполь, и этот верстовой столб с надписью титула императора Каракаллы, имевшего в 19-й раз власть народного трибуна, и этот огромный городской некрополь. И это скромное надгробие над могилой сотника восьмой центурии Публия Рурика Аквила.

Надгробие Рурика? Рюрика? Уж не предка ли этих норманнских вождей, которые полонят через восемь веков Русь и станут называть себя потомками самого Цезаря?

Где, в каком музее или историческом заповеднике видел я эту знакомую до боли в сердце могилу центуриона щитоносцев Палантинской когорты Анатолия Эгеона Электрида, и этот воздвигнутый им незадолго до своей смерти вызывающе роскошный саркофаг со странной надписью: **«Здесь лежит прядь дивных волос Арсиной Божественной. Ушла Арсиноя к богам, мать её ждёт – Артемида, а я, Анатолий, громко стенаю о ней».**

Вокруг ни души. Вот ласточки со свистом проносятся над мильным, верстовым столбом главной римской дороги и тонут в небе. Между беломраморными надгробиями растут маки, одуванчики, дикорастущие нарциссы и маргаритки. Над могилой трубача X (десятого) сдвоенного легиона Луция Целия Барона кружатся могильные черные бабочки. К чему бы это? И что это значит?

А над гробницами сапожника Гая и учителя грамматики Домиция резвится стайка чудных синих стрекоз, но никто не посмеет мне сказать, что это самые обычные стрекозы из подотряда равнокрылых, что это лютки-дриады. Давно здесь не было стрекоз, даже самых обычных, ибо нет уже в окрестностях Рима кристально чистых водоёмов и священных ручьев.

Большая клоака Рима отравила Тибр и правый его приток Кремеру, засыпаны строительным мусором ручьи и родники, всё загажено вокруг огромным желудочно-кишечным трактом, подземным Большим каналом Вечного города...

Нет, скажу я вам, это совершенно другие стрекозы. Это особенные стрекозы. Таким существам нет места в этом мире, они из иных сфер. Я это давно понял, задолго до дня своего рождения...

Как страшно быстро летит время, даже звёзды боятся его разрушительной силы... Вечный Миг и Мгновенная Вечность...

Несколько ударов сердца, несколько секунд, ничтожно малый отрезок времени, но и этого достаточно для того, чтобы мир изменился. Стайка синих стрекоз, немного покружив над родными могилами, вдруг всполошилась, устремилась в сторону Аbruции и исчезла.

С юга, со стороны Неаполя дохнул лёгкий ветерок и принёс все запахи солнечного юга – аромат сладкой мякоти тыквы, жасмина и лаванды... Я отвернулся от могил и подставил лицо ветру. Там на юге синели мягкие линии холмов, на которых живописно виднелись небольшие селения, а на склонах – тёмные кипарисы, сады, виноградники и оливковые рощи.

Вдали, у большой римской дороги, примерно в десяти стадиях от некрополя, на окраине селения Ариция виднелась небольшая таверна грека Мирмекса со скотным двором и навесом для кур и гусей. В таверне угощают козьим сыром, копчёным окороком, душистой зеленью с оливковым маслом, белыми лепёшками и довольно терпким местным вином.

Есть в той таверне отдельная комнатка для знатных гостей, где подают к столу напиток богов. Есть у бородатого, похожего на фавна, кабатчика глубокий погреб, где в зернистом снегу под толстым слоем толчёной пемзы хранятся до особого случая необыкновенного вида бутылки из

мутного, слегка радужного стекла, покрытые благородной плесенью, седые от старости. К тонкому, изящному горлышку каждой бутылки привязана кипарисовая дощечка, на которой нацарапаны на воске условные буквы, сорт вина и дата выдержки...

И лежат там, среди множества винных амфор, три десятка замшелых бутылок, с чёрным, как дёготь, и душистым, как амброзия, огненным, столетней выдержки, времён императора Трояна, крепким вином – антосмием, Anthosmium, annorum centum. После такого вина покажутся кислой водичкой, все вина – икарийское, лаценское, маронейское, хиосское и даже библосское...

Два кубка антосмия с каплей драгоценного аравийского киннамона мгновенно снимают накопленную за день усталость, изгоняют уныние и повышают бодрость духа. Выпьешь кубок этого напитка богов и сразу же вспомнишь забытый ещё в юности застольный стих эллинского поэта Гедила:

**Выпьем! Быть может, какую-нибудь ещё новую песню,
Нежную слаще, чем мёд, песню найдём мы в вине.
Лей же антосмий, лей его кубками мне, повторяя:
«Тей и будь весел, Гедил!» - Жизнь мне пуста без вина.**

Выпьешь бокал хиосского, или кубок фалернского вина и вспомнишь тех, кого забыл и не смог навестить по причине вечной занятости в течение двух тысяч лет...

...Выпить залпом три бокала антосмия, вскочить на иллирийского горячего жеребца и помчаться быстрее ветра в сторону Неаполя, к италийскому Новгороду.

Там, во время жатвы винограда, когда целый день звучат гимны богу Вакху по всему весёлому побережью Партенопей, там собирается римская аристократия на один из последних своих пиров...

Там, на берегу Неаполитанского залива, недалеко от селения Байи, есть маленькое поместье и вилла, где всегда юная хозяйка Арсиноя высекает из мрамора прекрасное тело олимпийского бога с лицом, полным неземной печали.

.....
Знатные римские дамы утверждали, что одно время аристократка, дочь римского сенатора Арсиноя была ревностной христианкой, но вскоре случилось в её жизни нечто такое, что заставило её снова стать язычницей, сменить грубое монашеское одеяние на тонкий и нежный пеплум, в которой она снова стала похожа на прежнюю афинскую девушку.

Она покинула суетный, жестокий и праздный Рим, чтобы отдохнуть от последних тревожных лет жизни в церковной общине в сельской тишине в служении музам, натурфилософии, в постижении божественного учения Гермеса Трисмегиста.

Ревностные христианки, в основном монашки, называли Арсиною храмовой блудницей, Белой Дьяволицей, прибывшей в Неаполь из Египта, чтобы построить в Риме на деньги богатых любовников храм Реи-Кибелы, чтобы под её эгидой от бесовского блуда рожать бронзовых и мраморных голых и бесстыдных истуканов...

Говорили также, что снова вернуться к вере предков Арсиною убедил молодой жрец храма Диониса – теург, астроном, учёный-алхимик и адепт сокровенных знаний, прибывший из Александрии. Этот жрец якобы убедил Арсиною в своей обновлённой вере, способной воскресить умерших богов и героев, поднять упавшую нить прежней здоровой и светлой жизни, разогнать варварскую тьму, сходящей на Рим и Элладу...

Друзья-теурги видели в ней преображённый образ Реи-Кибелы, Богини всех божеств, Боны Теа, а также той новой Исиды, «которая имеет тысячу имён».

Друзья-философы, сторонники идеи вечного перевоплощения, считали Арсиною одной из дочерей Атланта, героя-гиперборея, отца арийцев и дочь царя Левкиппа, возлюбленной Аполлона, женой Алкмеона, того самого который подарил ей ожерелье самой Гармонии...

Друзья-историки воспринимали Арсиною как вполне реальную правопреемницу египетских фараонов из династии Птолемеев, историческую Арсиною Седьмую и Последнюю в романском мире, чей культ по праву уже был установлен в Египте, и где она была объявлена Богиней Филадельфой, «любящей своего брата и всех героев Земли».

Известно также, что друзья-поэты и музыканты, риторы и спортсмены, эти героические дети Аполлона и музы Талии хотели быть при Арсиное корибантами, куретами, кабирами, тельхинами

и дактилями, её вечными спутниками, верными служителями и героями-любовниками, так как считалось, что быть всегда рядом с Арсиной – это значит быть всегда молодым и активным. Это можно было бы назвать очередным мифотворчеством, если бы не свидетельство другого свидетеля эпохи, одного из друзей Арсиной, историка и поэта Мелеагра.

Он, как и Филодем, был уверен в божественном происхождении Арсиной, которое часто проявлялось в ней даже в мелочах; особенно поражало историка её умение управлять временем и возвращать прошлое в ярких и впечатляющих картинах-видениях.

В своих «Размышлениях», вспоминая об отдыхе близ Байи на вилле Арсиной, он клянётся всеми богами, что сам и другие гости не раз видел на берегу Неаполитанского залива Навсикаю, дочь царя Алкиноя, едушей на колеснице в окружении своих прекрасных юных прачек. Видели там пьяного старца Силена, который безуспешно волочился за вакханками. Бежал и падал в песок, а те, убегая, смеялись над ним...

Обитатели виллы не однажды видели блуждающую у моря бедняжку Ариадну, отчаянно зовущую к себе красавца Тесея, горько льющую слёзы: «Вернись Тесей! Вернись желанный!»

Волосы её развевались на ветру. Она била себя ладонями в грудь и взывала к богам вернуть ей возлюбленного: без него она жить не может, без него нет у неё в этой жизни утешения. И боги вняли её мольбам и послали ей утешителя.

Все, кто был тогда на террасе, видели, как сошёл с лазурных небес в виноградном венце прекрасный и смуглый бог, сорвал с неё чёрную тунику и пояс, прижал её дрожащую от страха к своим могучим чреслам, нанизал на своего могучего красного приапа и вознёс её ввысь всепобеждающий Вакх. А вокруг кружились сатиры и вакханки, они весело давали неопытной Ариадне советы и от души любовались как исступленно, красиво, неистово и страстно сопрягаются дева и бог...

Прошлое по желанию Арсиной иногда возвращалось и вселяло надежды, а иногда, возвращаясь, мстило. И тогда казалось, что боги никогда не вернуться. Так, Мелеагр с болью пишет о том, как в Хиосе был убит прачками древний бог Тритон, внук Посейдона. Благочестивые христианки, увидев на берегу моря слабого, больного и старого человека с рыбьим хвостом, с плавниками, в рыбьей чешуе, обступили его и стали колотить его вальками. До смерти, как бешеную собаку, забили его подлые бабы, убили последнего из могучих богов Океана...

Там, в Байи, на Капри, на побережье между Везувием и Мизенским мысом остался в сохранности последний уголок Эллады, греческих обычаев и традиций. До сих пор можно встретить на морском берегу Навсикаю на колеснице в окружении своих юных служанок-прачек. Там же иногда можно увидеть бедняжку Пасифаю, которая до сих пор томится грешной любовью к быку и рвет для него на лугу нежной рукою свежую сочную траву. «Ходит за стадом она по пятам, позабыв о супруге, ибо теперь для неё бык драгоценней царя».

Есть там меж темных скал зелёные лужайки, на них пасутся козы и овцы. И там врезается в море высокий мыс, а посередине мыса растёт древний платан, на мшистых корнях которого часто сидят отрок и отроковица, Дафнис и Хлоя. В кипарисовой роще белеет мраморный Пан с девятиствольной свирелью в руке. По вечерам хорошо слышен далёкий и чистый звук пастушьей свирели.

.....
Там, в Байи можно неплохо отдохнуть душой и телом. Славятся там своей целебной силой горячие источники. Сколько раненых воинов залечили свои раны в этих живительных водах.

Арсиной давно ждёт в гости центуриона щитоносцев Палантинской когорты Анатолия, сотника восьмой центурии Публия Рурика Аквила и молодого философа и поэта Домиана Марцелина, которым надо срочно отдохнуть на вилле после тяжёлого похода...

Ждёт их Арсиной, друзей своей юности, а их всё нет и нет. Где они? Что с ними? Нет от них весточки. Где они? Люди не знают, а боги, которые всё ведают, как правило, о судьбах людей молчат...

Перебравшись на виллу близ Байи, Арсиной решила сделать на клочке своей земли заповедную зону эллинского мира. Создать все условия для возвращения богов, с их идеей вечной жизни, бесконечных расставаний и возвращений, смерти и воскресения, чтобы в грубую реальность вернулось всё, что когда-то было и не было, но которое всегда есть и будет между нами и среди нас. Арсиной решила бороться с опасными элементами самоунижения и самоотрицания в эллинской культуре в условиях жесткого прагматизма Рима, жирующего за счет всего порабощенного мира.

Сюда, на залитое солнцем побережье между Везувием и Мизенским мысом, ещё не проникли из Палестины двуличные, лукавые, немые и дурно пахнущие галилеяне со своим новым богом Йешу, здесь ещё мало было истеричных монахинь и кающихся блудниц.

Арсиноя решила воскресить здесь здоровую оргастическую религию Диониса, соединив её с философией жизни, с физикой Демокрита. По её мнению такой сплав рациональной науки и экзальтированной религии должен был очеловечить человека. Создать в нем стойкую веру во внутреннее единение с житнетворным божеством и тем самым уничтожить непроходимую пропасть между богами и людьми.

Она решила приостановить крах Легенды о совершенном Человеке, вернуть из прошлого полубогов и героев, вернуть старинную, наивную, светлую веру в буквальный реализм антропогонического мифа. Она решила вернуть тех прекрасных олимпийских богов, которые беззаветно боролись за гармонию установленной ими власти, той разумной упорядоченности, которая выражена в слове «Идеальный космос».

Разумеется, Арсиноя не могла полностью остановить распад старого мира, однако смягчить этот распад, не допустить жалкой и постыдной смерти этого великого мира, было ей по плечу. В этом плане здесь было много проблем. Надо было избавиться от «шлаков» ранних, архаичных верований и заблуждений, возникавших у людей, которые в силу разных причин оказывались в условиях длительной изоляции. Некоторые старые легенды нуждались в переработке, некоторые подлежали немедленному забвению.

В некоторых легендах предстояло заменить культ непритязательной, чересчур щедрой и даже преступно расточительной и любвиобильной Венеры на культ жесткой Кибелы, с её мрачным и требовательным Эротом, с её жёстким принципом самоограничения, – обузданием необузданной страсти, необходимого для выведения особой здоровой породы людей. Из легенд старого золотого времени, Арсиноя решила убрать те сюжеты, в которых звучали мрачные мотивы людоедства. Нет, считала она, не украшают богов и полубогов такие герои как Тантал, угостивших небожителей мясом своего сына Пелопа, или как Атрей скормивший брату Фиесту мясо его детей...

И пусть астрономы и звездочёты будут тысячу раз правы, утверждая факты каннибализма космических светил, что якобы звёзды пожирают друг друга, захватывают силой чужие планеты и поглощают их, продляя тем самым своё свечение – пусть будет так! С этим возможно ничего не поделаешь, ибо это законы Гераклитова космоса, законы иной жизни.

Но человек, живущий под эгидой богов и Творца мира не должен впрямь смотреть на человеческое мясо как на составную часть пищевого кода. Не должен превращаться в монстра, впадать в безумие и окончательно терять бессмертие своей души. Арсиное необходимо было покончить раз и навсегда с теми людоедскими мотивами, которые преобразились позднее в ритуальное, сакральное человеческое жертвоприношение с последующей, весьма сытой, трапезой.

Арсиное был глубоко неприятен обряд символического поедания галилеянами «тела и крови» Учителя Йешу. Вот почему она, незадолго до своего ухода в эмпиреи, упразднила в храмах Артемиды Эфесской, Кибелы и Адонису в Риме принесение в жертву кровь животных и птиц, отныне богам стали приносить только священные травы и цветы, фрукты, мёд и молоко.

Арсиноя изъела из древних легенд сюжеты ритуального поедания женской плоти или фаллоса мёртвого героя как крайнего выражения экзальтированной любви и страстного, более полного обладания телом партнёра, когда в процессе еды якобы разыгрывается символическая смерть и воскресение объекта пищи... Гнусно всё это и мерзко!

Арсиноя считала, что именно наличием множества таких каннибальских сюжетов в легендах и верованиях людей, что именно такими отвратительными ритуалами и обрядами была так безнадежно испорчена жизнь людей.

Увы, мир идеальных людей, героев-созидателей невозможен без обуздания сил разрушения, ибо сам героический мир становится со временем дерзким и агрессивным. Основным смыслом жизни всех художников-демиургов всегда было поклонение красоте, и через красоту – Творцу Вселенной. Это изначально была своеобразная религия Всего Прекрасного в мире.

Арсиноя считала, что всё прекрасное создано по разумению Творца и является земным воплощением Его воли. Для усмирения сил зла и насилия боги посылали в этот мир красоту, воплощая её в облике прекрасной женщины, несущей с собой любовь, смерть и вдохновение. Прекрасное в женщине и музе вдохновляет героев на новые подвиги и созидание, оно становится прекрасным, беспокойным и тревожным началом.

Прекрасное начало всегда воплощалось в олимпийских богинях, и являлось принципом космической жизни. Арсиноя считала, что она станет в новой жизни одной из муз-вдохновительниц, созидательниц, что она, как и боги с богинями, сможет управлять этой красотой, дарить её щедро другим, изливать красоту и любовь на людей достойных её красоты и любви.

Она будет щедрой и мудрой Афиной и с помощью резца сделает своего героя прекраснее всех и телом и духом, завьёт его кудри наподобие цветка гиацинта. Она преобразит своих героев внешне и внутренне, и тогда их красота станет божественной, станет некой тончайшей субстанцией, обладающей небывалой силой.

Арсиноя наделит своих героев-друзей той внутренней красотой, которой когда-то наделяли олимпийские боги певцов, поэтов и музыкантов, красотой поэтического мудрого вдохновения. Она, Арсиноя станет для них Артемидой-Охотницей, станет их музой и покровительницей изящных искусств, и тогда поэт, певец, музыкант и философ станут обладать пророческим даром, ведая не только прошлое, но и будущее.

Всё в этом мире в её заповедной зоне как в лоне будет пронизано преклонением и восхищением перед этой внутренней и внешней божественной красотой, обладающей колдовской силой. Вот тогда люди, как и прежде, станут силой своего духа и воли передвигать скалы и менять русла рек, воздвигать мегалиты и гигантские храмы. Вот тогда и вернутся великие боги, а с ними вернётся и Великий Пан.

... Приятно ходить по широкой аллее, между двумя бархатистыми стенами вековых кипарисов, кидаящими на белые плиты чёрную, как уголь, почти ночную тень. Приятно слышать звон ключа посвященного богам и видеть мягкую зелень вокруг и рощу, где, как под зелёным навесом, блестит земляничник, слышать, как дышит лавр, розмарин и тёмнолиственный мирт, как хрупко растёт тамариск и букс под густою листвою, как скромный раkitник растёт и грезит о снеге сосна. Приятно стоять в прохладном сумраке кипарисов, где веет Зефир дуновением целительно нежным и пробегает волной трепет в листве и траве...

Хорошо сидеть в уютном дворике жреца Илиодора. Именно здесь часто случаются пиры эллинской мудрости. Вдыхать глубоко знакомый, тонкий и свежий запах гиацинтов и слушать под журчание фонтана философские эклоги знаменитого теурга Порфирия.

Сначала, как заведено, он будет жаловаться, что ему надоела философия, что он от неё безумно устал как от болезни, схожей с вечными муками деторождения. Сколько в ней шелухи мудрости, ненужной зауми, но ядро её, однако, почти смертельно для многих...

И с этим ничего не поделаешь. «Век простоты миновал. Сложная жизнь настала. В Риме жестоком мы обитаем, в городе, взявшем себе всё изобилие Земли». Порфирий не может обходиться без цитат из творений великих мужей. Всякий раз его монолог имеет эпиграф, который и определяет сложность или простоту выбранной темы.

Порфирий будет говорить сегодня тихо, никого не слыша и не видя, устремив свои бездонные голубые глаза в морскую даль:

— Откуда этот свет озаряющий душу? Не знаю. Мне говорят, что боги покинули нас, что наши души погасли. А я говорю вам: Бог не приходит и не уходит. Он только является нам, является как Свет. Вот Он. Он здесь и всюду. Он отрицание всего, что есть. Он — великое Ничто. Он — всё. Он наполняет мир, наполняет атомы своим дыханием, даёт им желание двигаться и искать себе пару в сонме других. Он озаряет материю — Идеальный Хаос. Ничего нет, если Он есть...

У всех одна душа, у всех людей, у всех бессловесных тварей. Все мы вместе покоились некогда в немеркнущем свете Творца Вселенной. Но взглянули мы в миг Творения с высоты духа в косную материю, и каждый увидел в ней как в зеркале собственный образ. И душа сказала себе, что может она и желает быть свободной, как и её Творец. И пала душа в материю.

С тех пор каждой душе хочется быть Богом, но напрасны её томления: она скорбит по горным высотам, нет на Земле ей покоя, и жаждет она вернуться в Единое лоно. И так вот восходят и снова нисходят мириады душ по лестнице вечных рождений и смерти и нет им покоя во веки веков. Тоскуют и плачут они без Отца своего, тоскуют о Нём. Не потому ли весь мир и звёзды и море, растения, животные и люди — это призраки жизни, это сны природы о своём Творце. В своих снах природа создаёт формы подобно скульптору, она лепит их одну за другой и роняет из своего материнского лона одну за другой.

Я говорю вам: вселенная подобна сети заброшенной в море, в море пространства и времени. Там, в подвалах Мировой Души таятся семена жизни, идеи-формы всего, что есть, было и будет. Там

собраны матрицы всего живого, там таится Логос – зародыш каждой травинки, дерева, бабочки, дикого вепря, лани и олимпийского светлого бога.

Что значит моя мысль перед Ним? Создавший всё, сам Он – ничто из всего, что Он создал. Он выше всякого бытия, выше всякой жизни. Отдай Ему всего себя и всё, что у тебя есть, и ты почувствуешь, что Он и ты – одно целое. И тогда душа твоя посмеётся над собственным телом, она станет Светом, и вспомнит, что она всегда, во веки веков была, есть и будет Богом...
...Не страшись смерти, бессмертна душа твоя...»

Видит Бог, хорошо здесь, в Байи, на вилле Арсиной Божественной. Остаться здесь навсегда и уснуть навечно. Но неумолима Судьба, не примет она наши желания, скупа на благосклонность и в любой момент может измениться направление стрелы времени, и вмиг исчезнет навсегда вся эта красота мира, как будто её и не было. И от этой мысли становится немножко грустно на душе и обидно за тех, кто это не понимает, и понимать не хочет. Огромный ковчег медленно погружается в чёрную бездну, но никто этого не заметит – каждый занят своим делом.

Хорошо на вилле Арсиной Божественной. Здесь всё устроено для размышления и созерцания, для высоких дум о Вечном смысле. Отсюда с высокой террасы, на которой проходили когда-то пиры эллинской мудрости, мне видно всё, отсюда слышен чёткий, размеренный шум моря, тихий лепет дубрав, пение птиц, голоса людей, лай собак, бляенье ягнят, мычание коров.

Вижу Павсикаю со своим любимым быком на берегу залива. Вижу, с какой любовью она моет его мощный торс и крутые бока прохладной морской водой, как одевает ему на рога изящный веночек из фиалок и ландышей, с какой любовью обнимает его могучую шею и нежно целует его горячие влажные ноздри.

А там, где разросся под дубами душистый чабрец, где бьёт под обрывом ледяной ключ и неистово звенят цикады, вижу мраморного Пана, и стоящие перед ним на жертвеннике восемь больших лоханок с молоком и мёдом и большую чашу с благовонным оливковым маслом. Там активно и дружно работают дикие пчёлы, стремясь быстрее вернуть себе украденную у них людьми взятку...

Вижу на лугу стадо коров и стадо коз. Вижу сидящую в тени под могучим платаном отроковицу, умело сплетающую веночек из мирта, весеннего левкоя, нежного нарцисса и гиацинта. Рядом с отроковицей вижу юношу, вижу, как он с нежностью сыплет ей на кудри лепестки дикой розы, слышу, как умоляет деву послушать его игру на флейте, а она не хочет, боится, что звук флейты привлечёт чье-то чужое внимание.

Слышу их забавную, милую и старую как мир, любовную болтовню, эту классическую прелюдию любви всех времён и народов. Слышу их игривые пререкания, полные внятных намёков и вполне конкретных обязательств и взаимных условий договора, конкретный анализ в конкретной обстановке – слышу страстный и спешный торг на рынке земной любви:

– Я сделаю всё для тебя! Спальню тебе я построю, новый дом, новый хлев и сараи! У меня есть богатое стадо коров. Есть выгон большой, есть рощи с орехом. Зовут меня Дафнис, Номея мне мать, а Ликид – мой родитель.

– Да ты из хорошего рода, но и я не из худших родов. Зовут меня Хлоя, отец мой зовётся Меналком. А рощу свою покажи мне и где покажи мне усадьба...

– Потом покажу, успокойся. Дай я тебя поцелую. Дай посмотреть на тебя и на то, что скрываешь под платьем...

– Дафниспусти! Почему ты к сосцам прикоснулся? Паном великим клянусь: я дрожу, голова закружилась. Вынимай свою руку обратно! Убери свой приап, ты запачкаешь новое платье. Что это? Пояс сорвал ты с меня! Зачем это сделал, негодник? Платье ты мне разорвал, и осталась я вовсе нагою...

– Яблочки, Хлоя, твои, как я вижу, сегодня спели. Милая Хлоя, не трусь! Платье другое тебе подарю и куплю тебе пояс красивый! Не медли, родная, не мучь понапрасну. Навзничь ложись, раздвинь свои крепкие ножки, впусти меня в лоно своё, в нём я хочу утонуть...

– Тише, злосчастный! Со мною ведёшь ты себя как с нестельною тёлкой. Ну, как я в разорванном платье с козами в дом возвращусь, и что я отвечу отцу?

– Платье тебе подарю я красивей, чем это! Эросу тёлку зарежу, корову отдам Афродите! Будешь женой ты и матерью наших младенцев.

– Всё ты мне дашь, говоришь, а завтра не дашь мне и соли. Ладно, сдаюсь. Прости ты меня, Артемида, что к советам твоим равнодушна. Ах, Дафнис, любимый, мне сладко, мне больно. Прощу тебя, тише входи – не рви мне утробу на части, на розе не мни лепестки. Видишь, в крови

вся пушистая шкура, её нам вовек не отмыть! Как сладко, как быстро и хочется снова. Девушкой в лес я пришла, а домой возвращусь я женою...

– Розы роятся из крови, из слёз анемон вырастает, из семени юноши – нежный родится нарцисс. Это как первый мой дар приношу я Пифийской богине. Такие дары приносить ей согласен я с Хлоей всегда, днём по четыре захода, а ночью по десять...

Недолго, недолго наслаждались Дафнис и Хлоя своими цветущими и юными телами, недолго нежно шептались между собой, недолго нежились. Блеяли, оставленные без присмотра козы, стали разбредаться по лугу и уходить в священную рощу коровы. Мало времени для любви у людей. Никто из них не может жить одной только любовью.

Первой поднялась Хлоя, обмылась в ручье, и пошла в разорванном платье, без пояса, почти обнажённая, к своему стаду. Стыд затаился в её глазах, но на сердце было легко и радостно. Вторым поднялся со смятой травы Дафнис, и тоже пошёл к своему стаду. Он чувствовал себя мужчиной, победителем и обладателем той, которую хотел и которую познал. Оба были счастливы, ибо не ведали того, что будет с ними завтра.

Но я знал их будущее, знал, что они наплодят много детей, маленьких пастушков и пастушек, но ни они, ни их дети, внуки и правнуки никогда не станут героями и полубогами. Афродиту и Зевса сменят Кибела и Серапис, а им на смену придут невежественные галилеяне-рыбаки с всеобщим своим равенством и со своей умильной любовью к врагам, убивающей в человеке волю к борьбе с торжествующим злом.

Наступит эпоха среднего человека, эпоха мелких людей и ничтожных лукавых вождей. Не будет Героя и не будет совершенного Человека. Несчастен тот народ, который нуждается в героях, дни его сочтены, память о нём сотрётся...

Ничего не останется от Дафниса и Хлои, даже праха. Останутся от них лишь эфирные образы в моей душе, и их любовная болтовня в рукописи поэта Феокрита.

Ничего не останется от полубогинь Навсикаи и Ариадны, кроме красивых легенд. Ничего не останется от Арсинои, этой храмовой проститутки в её классическом идеале на уровне общих высших божественных существ, кроме нескольких, изваянных ею невиданной красоты нескольких скульптур олимпийских богов. Ничего не останется от прекрасного тела Арсинои, кроме нескольких пшеничного цвета локонов, помещённых центурионом Анатолием в роскошном мраморном саркофаге и нескольких рукописных фрагментов об этой божественной женщине из сочинений писателей и поэтов её времени.

Всегда грустно смотреть на пожар уходящего дня, всегда мучительно трудно оставаться человеческим...

... Бог мой Бессмертный и Крепкий, отзовись! Дай мне незримый знак присутствия своего. Пусть дыханием твоим станет лёгкое дуновение ветерка, пусть будет слышна лёгкая поступь Твоя по плавным линиям эфирных холмов пространства-времени.

Бог мой и Создатель этого хрупкого мира! Отзовись! Страшен гул возмущённого Везувия и огонь планетарных катастроф, но и страшно злоеущее белое Безмолвие, страшен мёртвый штиль в ожидании урагана.

Но что? Что-то изменилось вокруг, что-то затрепетало в моей душе. Затрепетала вдруг серебристая листва олив, полетели вдоль аллей, как легкие разноцветные бабочки, лепестки отцветших роз, воздух наполнился запахом мяты и чабреца и других священных жертвенных трав и цветов, а со стороны спокойного, безмятежного моря, совсем близкого и далёкого раздался вдруг знакомый, вполне знакомый голос.

Кто-то звал меня по имени на языке моих предков, не по латыни, не на арамейском, а по-русски, звал требовательно и настырно:

– Нестор, а Нестор! Ваша светлость! Ты слышишь меня? Иди ко мне!

Кто-то звал меня по имени на языке моих предков, не по латыни, не по арамейски, а по-русски, звал требовательно и настырно:

– Нестор, а Нестор! Ваша светлость! Ты слышишь меня? Иди ко мне!

... И как только услышал я этот требовательный зов со стороны Неаполитанского залива, так всё и растаяло в белесой дымке. И опять вместо зелёных олив и платанов возникли перед глазами черные и голые деревья, навес для мусорных контейнеров, а рядом с ним огромная куча книг и

папок. Рядом с этой грудой печатной продукции стоял пенсионер Сандро Болт и при помощи сапожного ножа ловко разделявал, точнее, потрошил как тушки увесистые книги.

–Эй, Нестор Иванович! Ваша Светлость! Ты, чё? Оглох, что ли? Зову, зову тебя, а ты стоишь как обдолбанный! Плыви ко мне, ваша вечность! Смотри, какая прелесть на снегу лежит, у меня всё нутро поёт, когда вижу этот хлам – у меня же нюх на чужие заначки, на заныканное бабло и на золотые тугрики. Ты знаешь, Нестор, куда эти интеллигенты заначки от жён своих прячут? В толстые книжки! Под корешки! Засовывают туда бумажные купюры и даже завёрнутое в бумагу золотишко. Под корешки толстых талмудов! Ты иди, сюда, не бойся. Выбери себе по душе книжки, остальные я пушу под нож. Авось, что-нибудь найду на опохмел души!

–Мне своих книг хватает. Книг много, а квартира маленькая – ни повернуться, ни развернуться, тесно мне от книг. Многое, что здесь валяется, у меня есть. Зачем мне вторые экземпляры? – резонно ответил я и взял одну из толстых архивных папок с наклейкой на верхней крышке «Княж-Погост».

– Лучше бы книг было мало, а жилой площади было много! Лишние квадратные метры сейчас умные люди сдают и имеют солидную прибавку к пенсии! Лишние, двадцать четыре тысячи рублей в месяц никогда не помешают, Нестор! – смеясь, заметил Болт и схватил за крышку переплёта свою очередную, увесистую жертву под названием «Византийское искусство».

Болт умело и ловко шмонал и потрошил осиротевшую и никому ненужную библиотеку. Он делал своё дело с какой-то упоительной страстью. Было видно, что перед этим шмоном он основательно выпил, был возбуждён, от него разило крепким запахом дешёвого портвейна. Он самозабвенно, с полной отдачей сил орудовал сапожным ножом, как будто спешил выполнить и перевыполнить план, так раньше работали слесари-сборщики на поточной линии в надежде на обещанные начальством премиальные и тринадцатую зарплату. Он брал книгу за верхнюю крышку переплёта, брал её, как кролика за одно ухо, книга покорно раскрывалась, в распаханном виде на миг повисала в воздухе. Потом, как росчерк холодной стальной молнии, следовал взмах ножа: вш-ш-и-и-ик! – и пухлый тяжёлый фолиант покорно обнажал изнанку позолоченного корешка, и трепетал как жирный сазан с распоротым брюхом.

Ещё взмах ножа. Вши-и-и-ик! – и распластана как белуга толстенная «Энциклопедия афоризмов». Вши-и-и-ик! Вши-и-и-ик! И лишилось твёрдого переплёта «Русское устное народное творчество». Ещё раз блеснула стальная молния – вши-и-и-ик! – и брошена в лужу «Битва народов». Вши-и-и-ик! – и распался на две части однотомник пухлой «Истории древнего мира». Вши-и-и-ик! Вши-и-и-ик! Вши-и-и-ик! – и летят в грязную снежную жижу «История Европы», «История СССР», «История науки и техники с древнейших времён», «Московская старина», «Русская старина», «Занимательная минералогия» Ферсмана, «Астрономия» и «Очерки о Вселенной» Айзека Азимова. Летят в лужу лишённые переплётов старые и новые подписные издания Толстого, Тургенева, Гончарова, Бунина, Симонова, Чаковского, Маяковского, Уткина и Твардовского...

И летят, падают на землю из распаханых и распластованных книг, как потроха из вспоротых рыб, поздравительные открытки с днем 8 Марта, с Первомаем, с днем Победы и с 7 ноября, очередным юбилеем ВОСР, с днём рождения и бракосочетания. Выпадают из книг на свет божий давно вскрытые и забытые конверты и письма, засушенные цветки и листки отрывных календарей прошлых лет бездарно утраченного времени, вырезки из газет, старые фотографии, кулинарные и медицинские рецепты и конфетные фантики...

– Шевелись Нестор, шустри, а то мусоровоз сейчас подъедет и заберет это богатство на мусорный полигон. Ты веришь, сейчас книжки даже кочегарки не берут! Вот дожили! Всё на нефти да на газе держится! Ты бери, бери, Нестор. Книжки хорошие, совсем новые. Впереди зима, от нечего делать читать будешь и меня вспоминать. Хотя, скажу тебе, читай, не читай, а кушать всегда хочется. Книгами сыт не будешь. Вот видишь, человек имел много книг, целую библиотеку, а копыта отбросил, и не нужны теперь никому эти книги. Говорят, он умер от тоски, есть такая болезнь, затяжная, хроническая хандра, когда жить не хочется. Дураком он был, этот профессор. Никогда не надо падать духом! Вот, например, я...

– При нынешней власти особенно не заживёшься. Наши олигархи у кого угодно отобьют желание жить и рожать...

–Это как посмотреть, Нестор Иванович. Жить в достатке и богатстве все хотят: и совки и демократы, а вот размножаться, заводить спиногрызов раньше времени желающих мало. Откладывают это дело на «потом». Почему? Да потому, что спиногрызы им жить нормально мешают. Дети и старики – вот кто им мешает. Это не я сказал, а мой Князь. Знаешь, что он мне недавно заявил? Я, говорит, батя, не имбецил, я не дурак, чтобы жениться. Пусть женятся учителя,

мыслители и пророки-патриоты, а у меня целое стадо тёлочек, самых разных на любой вкус. Хочешь, и тебе парочку привезу, когда мамки не будет. Ха-ха-ха!

И что же ты думаешь, Нестор Иванович, ваша вечность? Привёз-таки одну девчущку. Лет, так, шестнадцати, а может постарше. Подарок мне, проказник, накануне дня рождения сделал! Привёз эту тёлочку прямо ко мне домой, на квартиру! Вот тебе, батя, бери, говорит, пользуйся! Да поспеши, говорит, пока мамка в школе её подружек русскому учит! Так вот, слушай дальше. Она, эта тёлка, хоть и школьница, десятый класс ещё не закончила, мне внучкой годится, а вот обслужила она меня, Нестор Иванович, по полной программе! Как выпускница медвуза! Ха-ха-ха! Вначале ломалась, не хотела, просила удвоить плату, но Князь что-то шепнул ей на ухо, и она как шелковая сделалась. И так мне было с ней легко, веришь, в любой позе! Я с ней свою юность вспомнил, когда на всякую щепку залезть был готов. Тогда я всадником был, а сейчас она на мне скакала! Ой, класс-девка, ой, какая лихая наездница! Она меня на двадцать лет моложе сделала! Вот, что значит профессионалка! С ней я мужиком Геркулесом себя почувствовал! А ведь мне уже восьмой десяток пошёл, Нестор Иванович! Да! Никогда не думал, что такое золотое время на дворе наступит! Даже жить заново захотелось, Нестор Иванович! Надо жить на полную катушку, ваше величество, пользоваться радостями жизни! А ты, Нестор, как книжный червяк, по жизни как по паркету ползаешь. Вот скажи мне, ваше высочество, история – это наука или сплошной трёп, или нудное перечисление событий? Ну, скажи мне, зачем мне нужна историческая Клеопатра, когда я, старый пенсионер, один раз в неделю имею по полной программе прехорошенькую десятиклассницу, и всего-то за сто баксов?! Сегодня, ваше величество, другое время, другие ценности, иные нравы...

–И какие же? Какая сейчас на дворе мораль?

–Такие же, как две тысячи лет назад, ваша светлость! Ты, Нестор Иванович, должен знать эту формулу любви к жизни. Её ещё Чингисхан любил повторять, а потом Адольф Иванович, Иосиф Виссарионович! Мало стать первым, нужно, чтобы все остальные сдохли. Вот формула жизни! Но я с этой формулой согласен только отчасти! Почему? А потому! Нужна конкуренция! Без неё нет борьбы, нет интереса к жизни. Я – циник, но циник умный. Есть циники и умные циники, богатые циники, которые всегда найдут компромисс. Циники – самые надёжные партнеры по бизнесу, который называется жизнь...

Я осмотрелся и понял, что эта домашняя библиотека была выброшена на улицу родственниками владельца не случайно, видимо её решили или сдать в наём или пустить её в продажу на рынок вторичного жилья.

В основном это была художественная, научно-популярная и «устаревшая» справочная литература, учебники и учебные пособия для средней и высшей школы, словари и справочники по разным отраслям знаний. Валялись среди книг и подшивки старых газет, множество разрозненных номеров «толстых» журналов и поэтических альманахов. Одним словом, кто-то свалил во двор нашего огромного дома около мусорных контейнеров ставшую ненужной чью-то домашнюю библиотеку вместе с архивом.

...Несколько папок с документальными материалами и рукописный дневник из четырёх общих тетрадей валялись под открытым небом среди сотен томов книг разного содержания.

А Сандро Болт, орудуя сапожным ножом, между делом продолжал откровенничать:

–Этих молодых тёлочек, в Перловке, в посёлке Дружба вдоль Ярославского шоссе как собак нерезанных. Они там шеренгами стоят и ждут, не дождутся своих клиентов-благодетелей.

– Кто такой Князь? – спросил я, перелистывая богато иллюстрированную книгу «Правители России» в твёрдом вишнёвого цвета переплёте и золотым корешком.

–Это мой сынишка Андрей! Князем его величает наша местная молодёжь. Он у молодых бизнесменов в авторитете ходит, его уважают. Андрей в нашем городе два района в руках держит – Шарাপовку и Сукромку. Его там так и величают: князь Сукромский и Шараповский. Да! А недавно он подмял под себя ещё один городской район, и скоро станет князем Челюскинским. Вот так! Знай, наших героев, Нестор! Пришел праздник и нашу улицу.

У него общее дело с нашим уважаемым бизнесменом в посёлке Челюскинском. Ты его, Нестор, должен знать, он недавно в Совет депутатов выдвигался – долларовый миллионер, строительной фирмой владеет. Он ещё у себя в посёлке собрался открыть магазин для бедных. Его фамилия Буданов Владимир Николаевич, как у того полковника из Чечни, только имена разные. Наш Буданов вместе с Айвазяном вместе на выборы шёл. Солидный дядька. Ты видел его особняк около Лесного института? Нет? Пойди, посмотри! Царские хоромы. Это он моему Андрею помог

купить в Королёве трёхкомнатную квартиру в элитном доме, дачный участок около МКАДа и «Мерседес» последней марки с кондиционером. Да! Мой Андрей в последние годы круто пошёл в гору...

– Слышал я об этом Буданове кое-что. Это же наш местный цыганский барон. Не знаю, каким именно бизнесом он занимается, но ходят слухи, что у него есть свой подпольный бизнес, – перебил я пьяную похвальбу Сандро Болтунова.

– Да ты я вижу, Нестор, со своей русской историей в старческий маразм впал! Наш Буданов – это не ваш Буданов. Наш Буданов – другой, хороший. Наш Буданов в Чечне не служил, и никого не убивал. Наш благодетель с криминалом и с продажной юстицией ничего общего не имеет. Ах, что там говорить. Кто смел, тот и съел! Мир изменился круто за последние десять лет! Ты вспомни, Нестор, в какой заднице мы были в 90-е! А сейчас как живём?! Посмотри, как много машин стоит в нашем дворе, и столько же машин на платных автостоянках! И почти у всех иномарки – вольво, мерсы, майбахи, фольксвагены, ситроены, ландроверы-внедорожники! Смотри, какая жизнь вокруг и радуйся, историк хренов!

– Я помню всё, и никогда это не забуду, Болт! Ты слышишь, Болт, никогда и никогда не прошу тем, кто ради корысти погубил великую нацию...

– Да кто ты такой, Нестор! Много на себя берёшь. Твоё время прошло, твоё место знаешь где? Не знаешь? На свалке истории! Так говорит моя супруга Нинка, моя родная НКВД! Ха-ха-ха! Нестор, дорогой, ты только не обижайся! Не повезло тебе в жизни, Нестор, не повезло! Не всем же быть удачливыми. Ты только никому не завидуй и гневайся. Зависть – большой грех, сам знаешь, от неё одни преступления, воровство и убийства. Лучше возьми, Нестор, вот эту папку, в ней денег не оказалось, зато много вырезок из старых газет с компроматом и журналистскими расследованиями. Ты любишь, я знаю, читать эту муру. А мне это не интересно и как-то ни к чему. Что было, то прошло. Я, слава Богу, живу, на хлеб с маслом денег хватает, а на коньячок, икорку красную и табачок душистый мне Князь каждый месяц деньгу подбрасывает! Чего Бога гневить! Чего злобствовать, обличениями заниматься, мемуары писать, не давать жить другим, и тревожить сон покойников?

Я открыл поданную Болтом папку и ахнул. В ней были тщательно подобранные по тематическому принципу статьи печатных средств информации, касающиеся экономических преступлений ельцинского режима в 90-е годы XX века. Здесь были сведения о вывозе за рубеж стратегического сырья из СССР, о вывозе капитала и «золота партии» в швейцарские банки. Здесь были газетные статьи о разграблении золотого запаса СССР, о краже министром финансов РФ Фёдоровым золотых монет и драгоценностей из так называемого обменного фонда Госбанка, о разворованных чиновниками миллиардах долларов внешнего займа и о многом другом, что определило эпоху ельцинизма, как самую гнусную, постыдную и преступную из всех предшествующих эпох. Я сразу же вспомнил это страшное смертоносное для многих сограждан прошлое.

Это была самая позорная эпоха в истории России нового времени. Это были «лихие» 90-е, когда советский народ во главе с коммунистической элитой, партийной номенклатурой в одночасье сменил коммунистическую идеологию на идеологию консюмеризма. Это было время торжества «новых ценностей», торжества алчного эго над коллективными национальными интересами.

Нация в одночасье сошла с ума, и поклонение Золотому Тельцу стало основным смыслом жизни вчерашних бесребренников и беззаветных патриотов. Всё, что раньше было связано с образованием, просвещением и классической культурой было названо «ненужным хламом», обладание торговой палаткой и ларьком стало цениться выше, чем обладание дипломом кандидата и доктора наук. Люди, которые достигли материального успеха, стали освобождаться от домашних библиотек и старой мебели, мешавших делать «евроремонт». Люди, которые стали жертвой мошенников федерального и международного масштаба, сделались нищими бродягами без жилья и средств существования. Те, кто продолжал работать, не получая зарплату, уходили в запой, в безумие или в попутный преступный бизнес...

В 90-е годы на дворовые свалки и в мусорные контейнеры кроме книг и журналов выбрасывались полуживые и мёртвые новорожденные младенчики, расчленённые трупы негодных свидетелей, трупы изнасилованных девочек и девушек. В те годы стало нормальным хоронить своих бедных родственников в больших, чёрных пластиковых мешках для мусора.

Сегодня, на исходе первого десятилетия двадцать первого столетия российское общество во главе с либералами и новыми коммунистами постарались построить глянцево-фасад «новой России», создали несколько убогих мифов о стране, которой по сути уже нет...

Поток воспоминаний о прошлом прервал радостный крик Сандро Болта:

–Нашёл! Нашёл, черт подери, нашёл! Нашёл, Нестор Иванович, пятьсот рубчиков в одной бумажке! И знаешь, Нестор, где этот физик-химик и писатель-воспоминатель заначку от жены прятал? Под кожаным корешком «Истории Земли»! Толстенный талмуд, тяжёлый зараза, я его развернул гармошкой – из него поздравительные открытки выпали, засушенные цветочки, и ни хрена толкового! Я её тогда, родимую эту историю, ножичком и полоснул! Переплёту жилы подрезал, тут корешок и вскрылся, как брюхо под скальпелем, а оттуда сложенная вчетверо купюра! Вот она родимая! Угощаю тебя сегодня, Нестор, коньяком. Сегодня я богатый.

Прошло пять дней. Все эти дни я усиленно занимался обработкой семейного архива подобранного на свалке. Работа, я скажу, не из самых радостных занятий, нелегко читать документы эпохи, которая и по тебе проехала мощным катком, измяла, покорежила, запугала, но жить оставила. Помню, что устал я от разбора этих бумаг страшно, морально был убит ими, ибо в них отобразилось зло человека против другого человека. Мне нужен был глоток свежего воздуха, нужно было отвлечься от прошлого и успокоиться. Однако, уединиться мне не удалось. Во дворе дома, под купой весёлых, стройных берёз, где стояла самодельная скамейка, бросился мне навстречу пьяный и заплаканный Сандро Болт:

–Беда! Беда, Нестор Иванович! Выручай, голубчик мой, дружище мой, выручай! Андрея моего повязали. Гады-менты ему наркотики в машину подбросили. А потом нашли, суки, своих же понятых, на их глазах достали несколько пакетиков из-под переднего сидения и составили акт изъятия. Парню грозит большой срок. Понимаешь? За систематическое распространение и сбыт наркотиков. Бред какой-то! За систематическое распространение. Ты понимаешь? Рецидивиста из него хотят сделать? Какой беспредел в стране! Какой произвол! Что делать, Нестор Иванович, помощи, подскажи! Может Путину жалобу написать, может депутата Госдумы, правозащитника, к этому делу подключить? А? Что скажешь?

–Увы, ох и ах, Александр Иванович! Рад бы твоему Андрею помочь, а не могу. Нет у меня друзей в органах МВД и ФСБ, не парился я в бане с местными, областными прокурорами в баньке, не пил с ними пиво и водку, не ел шашлычков...

–Да будет вам, Нестор Иванович! Чего скромничать. Вы же когда-то работали в Госдуме, со многими журналистами знакомы. Есть там у вас знакомый депутат от коммунистов Госдумы Илюхин, а в «Новой газете» журналист Юрий Щекочихин, а в газете «Подмосковье» молодой журналист, азербайджанец Фарид...

–Были, да сплыли. Виктор Иванович Илюхин умер недавно, этой весной якобы от сердечного приступа. После опубликования им в печати открытого письма президента по поводу расстрела пленных польских офицеров в Катыни. Явно, ему помогли умереть. Юру Щекочихина убили давно - семь лет назад. За одно из громких журналистских расследований. Журналист Фарид убит в Москве за серию очерков о Чечне. Твоему Андрею, Александр Иванович, сейчас нужен хороший адвокат, со связями и знакомствами, который везде нужных людей имеет, в Прокуратуре, в МВД и во властных структурах, который знает, когда, где и кому какую сумму нужно принести в своём кейсе. Кстати, что ещё, кроме продажи наркоты, твоему Князю следователь инкриминирует? Незаконное хранение оружия? Сопrotивление сотрyдникам милиции?

– Организация подпольных притонов... Или что-то в этом роде. Точно не помню. Одним словом, незаконный секс-бизнес. Хава-пава!

–Андрей был сутенером?

–Нет! Нет! – отчаянно замахал руками Болт, – избавь бог, какой из Андрюши сутенёр! Да, было дело. Иногда развозил он в свободное от работы время проституток по домашним адресам их клиентов. Привозил девочек домой к своим мамам отдохнуть от трудов грешных. Ну и что? У нас это частным извозом называется и законом не запрещено. В нашем дворе много бомбил, почти все наши мужики у путан в таксистах ходят, это очень выгодно. Проститутки на такси денег не жалеют. Знают, что время – деньги! Мой Андрей выше сутенёрства, оно не в его характере. Андрей – талантливый бизнесмен. Здесь, Нестор Иванович, что-то другое. Кому-то Андрей со своим бизнесом дорогу перешёл. Скорей всего, строительной кампании «Стройтекс». Да, да! Чует моё отцовское сердце, чует! Она в Перловке сейчас ведёт строительство элитного жилья. У Язуы почти всё застроено «Стройтэксом», сейчас жилищные магнаты осваивают территорию посёлка «Дружба», вдоль Ярославского шоссе. Там, где у нас сейчас находится ярмарка, рынок сексуальных услуг под открытым небом. Там новый Секс-Черкизон! От него жители посёлка вот уже пятнадцать лет воем воют, и ничего сделать не могут. Там ужас, что творится! Там ведь сущий бардак! Там собрались проститутки всего нашего Севера и Сибири, от школьниц-

семиклассниц до замужних и разведёнок, все сюда в Москву устремились за большими деньгами. Да. Я там был. Я всё видел. Там, на «Дружбе», десятки стихийных свалок. Под каждым кустом горы мусора, пищевых отходов, бутылок, пивных банок, одноразовых шприцов, женских прокладок и презервативов. Там драки каждый день, там бандиты устраивают разборки, стреляют из травматического оружия. Я к чему это всё говорю? А к тому, что там нельзя вдоль шоссе строить жилищный массив! Ни в коем случае! Там будет сплошная онкология. Да! Там нет экологии, Нестор Иванович! Мой Андрей это понимал. Андрей даже свой бизнес-проект представил местной власти по благоустройству посёлка. Ему даже в банке «Легион» льготный кредит под него обещали!

– И что же, Андрей на том месте решил построить? Автосервис, мойку и монтаж шин? – полюбопытствовал я, листая роскошный, богато иллюстрированный альбом «Родное Подмосковье».

– Какая мойка? Какой монтаж шин?! Этих автосервисов у нас в районе как грибов после дождя! – возмутился Болт и продолжал напористо и вдохновенно, – Для моего Андрея такие проекты унижительны, у него иной масштаб, другая планка, так сказать. Андрей на месте этого дикого Секс-Черкизона решил построить для водителей современный оздоровительно-восстановительный центр «Отдохни!». Есть такой молодёжный журнал с таким названием. Да! Ментель-пентель! Хава-пава! Типа оздоровительного профилактория, такого как в старые времена при крупном заводе или фабрике. А при этом центре, на въезде в Москву, Андрей задумал устроить большую улавливающую автостоянку на тысячу машин.

А в самом центре, равный по площади нашему «Экобазару», он решил устроить сеть душевых кабин, несколько саун и русских бань, массажные кабинеты и номера-купе для богатых клиентов. Ну, сам понимаешь, всё на высшем уровне, как на Западе. Оздоровительный центр, он же и мотель. Чтоб всё было в ажуре, на высшем уровне, законно, и, как говорит наш президент, в рамках правового поля. Чтобы всё было прозрачно и честно. Честно делать бизнес, честно платить зарплату людям, честно платить налоги государству. Да! Массажные кабинеты восстанавливают силы водителей, номера-купе для сексуальных услуг тоже нужны. Без них нельзя, они снимают напряжение нервной системы мужчины, делают их уверенными в себе. Как же без них! Андрей уже подготовил заявку на изготовление в Швеции сорока секс-кабин и двадцати номеров-купе сексуальных услуг со всеми удобствами, кондиционерами и специальными креслами, как у гинекологов и стоматологов, с разными ремнями и прибабасами. Всё чистенько, благородно, гигиенично, по доступным ценам. Для студентов и рядовых военнослужащих большие скидки, но только в секс-кабинах, где можно сидеть или стоять. Все услуги по доступным ценам, по часовому тарифу, на любой вкус, на выбор. Всё по закону. Всё согласовано с местными властями, одобрено в Министерстве области. Андрей проделал огромную работу, и вот на тебе! На самом взлёте подбили моего ясного сокола. Подло подбили! Гнусно подставили. Подбросили наркоту. Какая беда! Какая катастрофа!

– Да, Александр Иванович, да! Беда в твой дом пришла. Я бы сказал, Андрей её сам позвал, так сказать спровоцировал. И фирма «Стройтэкс» и тем более госпожа Батурина здесь ни причём. Не этим акулам строительного бизнеса твой Андрей дорогу перешёл, а королеве рынка сексуальных услуг Северо-восточного округа Москвы Маринке Стюардеске У неё сеть элитных борделей в Москве и в Подмосковье, в тех городах, где имеются подпольные казино для солидных людей. Маринка Нестерова – жёсткая баба, битая баба и крышует её бизнес, говорят, сама генеральная прокуратура и один из генералов ФСБ. Об этой бизнесвумен наши СМИ говорят с придыханием и уважением. Весь московский бомонд и так называемая элита пользуется услугами её вышколенных и хорошо обученных девиц. Маринка Стюардеска безжалостна к своим конкурентам, она не отнимает у них бизнес, не разоряет их, не отправляет через суд в зону на длительный срок, она их просто уничтожает физически. Это о ней даже сочинили, ставший модным сегодня шлягер. Там есть такие слова:

От Москвы до Воркуты:

Там, где я - в отстое ты!

Я давно предупреждала -

Не замай моей мечты...

– Нестор Иванович! А ты то, книжный жук, откуда всё об этой этой Маринке знаешь?

– Успокойся, не от верблюда! Прессу надо читать, Александр Иванович, газету «Московский комсомолец», «Комсомольскую правду», «Аргументы и факты». В библиотеку нужно ходить, она

рядом с нашим домом. Нужно слушать радио «Эхо Москвы», а не смотреть по ящику сериал «Ментовские войны» и всякую чушь из жизни звёзд шоу-бизнеса. Перловка и посёлок «Дружба» сегодня являются сортировочным, пересыльным пунктом живого товара. Это епархия Маринки и ей решать, что здесь строить, а что нет. Здесь идёт отбор русских девушек для зарубежных публичных домов, и для московских борделей разного класса. Там же, в посёлке «Дружба» живет ещё один цыганский барон и акула наркобизнеса Михай со своим криминальным табором. Кстати, он и его подручные, так называемые «честные дети и внуки советского кузнеца Будулая, являются конкурентами твоего цыганского барона из посёлка «Челюскинский». Вполне возможно, что Андрей зашёл в чужую сферу интересов...

– Андрей меня во все детали своего бизнеса не посвящал. Да и поздно уже об этом вкаты. Нужно чем-то сыну помочь. А чем я, бедный пенсионер, могу помочь? Вот, ты говоришь, Нестор Иванович, нужен адвокат, нужна взятка, нужны большие деньги, чтобы менты закрыли дело за недостаточности улики? Лады! Допустим, продадим мы с Нинкой всё, что у нас есть. Продадим квартиру Андрея в Королёве. Продадим его иномарку и дачу в ближнем Подмоскowie. Отдадим эти деньги судье, прокурору и следователю, а они, суки, возьмут и кинут нас. Деньги возьмут и ничего не сделают. Где гарантия? Назначит судья Андрюше такой запредельный срок, что мы никогда не увидимся с сыночком своим! Что тогда делать, Нестор Иванович, что? Вешаться?

– Могут и кинуть, Александр Иванович. Такое уже было в судебной практике. Было. И не раз. Не ты первый, не ты и последний. Вешаться в таких случаях не надо. Если твой Андрей ни в чём не виновен, если менты действительно ему подбросили наркотики, то тогда все средства хороши для борьбы с негодями от закона. Тогда ты, Александр Иванович, имеешь полное право на возмездие. Надо набраться гражданского мужества и совершить хоть раз в жизни гражданский и отцовский поступок. После прочтения сурового приговора, встань в зале суда и громко прокляни поимённо судью, прокурора, следователя и всех носителей беззакония и зла. Но только поимённо и только по делу. Ты понял?

– Проклясть судью?! Проклясть власть?! Никогда! Ни за что! Меня же схватят в зале суда и убьют в тот же день в полицейском участке! – вскричал Болт, с ужасом отстраняясь от меня, как от прокажённого.

– Если боишься за себя больше, чем за сына, тогда никого не вини и не проклинай. Только тогда не говори мне и людям, что твой Князь Сукромский и Шарাপовский безвинный страдалец, чуть ли ни агнец Божий. Если ты только о себе думаешь, мне тебя не жалко. Самое мерзкое в человеке – это трусость. За ней стоит слепая законопослушность, отсутствие веры в наказание и воздаяние.

Если ты боишься умереть за других людей, за своих собратьев по крови и даже за своего родного сына, то, как ты можешь вообще жить на этом свете? Не сопротивляющийся насилию и злу – раб в кубе, он хуже жвачного скота. Ибо вожак стада и любая корова защищает ценою жизни своё чадо. А ты испугался какого-то судью. Знаешь, кто ты после этого? Ты – жалкий старый Болт, болтун и фамилия твоя – Болтунов! И не надо мне тут вкаты о Христе, в которого ты не веришь, не надо мне говорить о семи заповедях и семи смертных грехах. За последние двадцать лет вы, россияне-марсиане, со своей кашей в голове мне надоели. Я устал от вас всех. Прости Болт и прощай. Мне не о чем с тобой говорить и нечего советовать...

Прошло полмесяца. Дело бизнесмена Андрея Болтунова было закрыто. Его отец по кличке Сандро Болт снова воспрянул духом, стал оптимистично смотреть на мир и учить соседских старух умению жить и вертеться. Но не долго шумел он в нашем дворе, не долго приставал с пьяными исповедами к знакомым прохожим, не долго приставал к молодым женщинам со своими сальными намёками и гнусными предложениями. Он вдруг как бы исчез вообще из жизни нашего двора, и я грешным делом, подумал: уж не умер ли наш неутомимый Потрошитель выброшенных на свалку книг? А потом до меня дошли слухи, что у Сашки Болтунова случилось великое горе – убит бандитами его сын Андрей по кличке Князь. Скоро дотошные журналисты поведали городу и миру о том, что в ближнем Подмоскowie местным управлением ФСБ раскрыта преступная группа торговцев и распространителей наркотиков.

По этому делу был арестован и зам. начальника УВД нашего района, который стоял во главе банды торговцев кокаином в посёлке «Дружба» и одновременно имел свою долю на рынке сексуальных услуг в Перловке, в фирме Марины Нестеровой-Стюардески. Вслед за ним Следственным комитетом Прокуратуры РФ были арестованы работники областной прокуратуры за крышевание игорного бизнеса в области...

Андрей Болтунов, князь наркотического рынка и рынка сексуальных услуг, молодой волк российского капитализма и пионер русского бизнеса был похоронен с большой помпой криминальной братвой г. Королёва на Волковом кладбище рядом с Волковским шоссе, в престижном и дорогом месте около новой Часовни по православному обряду. Прошло всего два месяца со дня его убийства, но порой кажется, что это было давно, а иногда думаешь, что этого никогда не было, не было ни князя Сукромского, ни этих пятнадцати миллионов человек, ушедших до срока из жизни во имя торжества демократии в этой несчастной стране.

Иногда, мне кажется, что они и не рождались вообще на белый свет, они как тени исчезли навечно из Истории, в мгновение ока пропали для свидетелей эпохи. А вместе с ними исчезли их человеческие естественные страдания и страдания, причинённые им злыми людьми. И лишь запечатлённые в книгах имена некоторых ярких индивидов станут нарицательными для читателей будущего, будут объявлены плодом буйного воображения автора. И это будет справедливо, ибо, по сути, все мы, ныне существующие, тоже являемся плодом чьего-то Воображения и метаморфоз...

Совсем недавно, накануне Нового года Сандро Болт был сбит насмерть машиной, когда перебежал улицу Лётную. А во всё виновато спиртное. Будь оно неладно! В тот злополучный для этого угасающего семейства день Сандро Болт опять нашёл на свалке в корешке толстого фолианта крупную купюру и безмерно обрадованный побежал за бутылочкой в магазин круглосуточной торговли на автобусной остановке напротив своего дома. Он так спешил, ему так хотелось выпить, что он утратил обычную свою бдительность: попытался быстро прошмыгнуть под носом двухсекционного автобуса и попал под иномарку шедшую на обгон.

Удар был сильный, смерть Сандро была мгновенной. Какая лёгкая смерть, такую смерть ещё надо заслужить. Недаром покойный, находясь под сильным кайфом, любил петь с балкона своей квартиры песню о комсомольцах Гражданской войны, в которой любимая девушка желала своему красному другу: «...если смерти, то мгновенной, если раны – не большой». Рана была большой, множество ушибов и переломов костей, но его смерть, говорят, была мгновенной.

После этого на этом месте на улице Лётной для пешеходов был установлен знак перехода, теперь здесь автомашины или замедляют ход, или останавливаются, пропуская перед собой бестолковый и спешащий люд. В этом отношении жизнь и смерть Сандро не были напрасными. Не нами сказано: чтобы десять человек жили благополучно, сто человек должны умереть.

Сталин на скотоферме

Я отношусь к тому поколению, чьё детство пришлось на последние годы правления Сталина. Он умер, когда я уже учился в третьем классе школы № 1 в станице Пролетарской (бывшей Великокняжеской). Я хорошо помню день похорон Сталина. Помню как безутешно и надрывно ревели два паровоза – один маневровый на элеваторе, другой – проходящий, который тянул грузовой состав на Элисту и Сталинград. Паровозы выли, надрывая свои железные утробы, а люди на станции останавливались, снимали головные уборы, стояли склонив голову, некоторые, оглядываясь по сторонам, украдкой крестились.

Когда мой отец перебрался с семьёй в город Зерноград, гипсовый бюст Сталина, который стоял в фойе научной библиотеки Селекционной опытной станции, послужил мне натурой, на которой я самостоятельно постигал технику рисунка. Бюст Сталина заменил мне гипсовую голову Аполлона Бельведерского, без которого и поныне не обходится ни одно художественное училище.

Но, увы, мой рисунок, по замечанию старшего библиотекаря, оказался плохим. Изображённый мною Сталин не соответствовал образу великого вождя, он был похож на тщеславного и самовлюблённого дурачка Козьму Пруткову: низкий, покатый лоб питекантропа, кривой нос и вздутая левая щека, и надменный взгляд, устремлённый поверх голов в бесконечность. Нет, не помогла мне «лягушачья перспектива», не смог я изобразить Сталина божественно величественным и одновременно человечным, не смог. Мудрый библиотекарь, инвалид войны, посоветовал мне этот рисунок уничтожить, что я и сделал с большой неохотой – мне было жалко рвать весьма дефицитный тогда ватман. С тех пор прошло десять лет.

О феномене Сталина и обо всём прочем, что с ним связано, я серьёзно задумался где-то в середине 60-х годов XX века, а точнее летом 1966 года среди бескрайних просторов степного севера Казахской ССР. Тем летом мы, студенты старших курсов историко-архивного института трудились в одном из богатых многонациональных зерновых совхозов – в Ордена Ленина зерновом совхозе «Кийма», который расположился на правом берегу реки Ишим близ Атбасара.

Давно это было, но помню имена почти всех героев своего повествования. Помню бесчисленные стада овец, мчащиеся по ковыльным просторам табуны коней. Помню необычно красивые, фантастические и фантазмагорические закаты, степные пожары, пылевые бури и суховей Кара-Кума. Помню запах красного ковыля, тырца и типчака, горячий дух выжженного солнцем разнотравья – шалфея, дикой люцерны, жабрицы и овсеца пустынного. Как сейчас вижу темные кустарники таволги и караганы в каменистой степи среди острых выступов слоистых песчаников и сланцев и дурманной, горький запах полыни и солонечника в солончаковых низинах...

До сих пор бластится мне во сне и наяву весенняя казахская степь, седые волны ковыля, красные и жёлтые бутоны тюльпанов и оранжевые чаши дикого мака, дурманящие соблазном любви ароматы разнотравья и тревожный шорох ветра в ушах. Стремительна как любовный акт весна, изнурительно как непосильная ноша знойное лето. Горячий ветер, горячий хрустящий песок на зубах, пыльные бури, часы усталой расслабленности, когда отдано всё, и отдавать больше нечего. До сих пор стоит перед глазами горячий охряный простор, переходящий под неистовым полуденным солнцем в желтый и лимонно-жёлтый цвет, цвет сумасшествия и влюблённости, цвет домов скорби, бессмертия и жизненной истины, богатства и духовности, священный цвет, обозначающий женственность земли, цвет дураков, шутов и философов. В метафизике цвета все художники отдают предпочтение желтому и лимонно-жёлтому цвету, в нём вся энергия солнца, всё тепло мира и очень весомая доля сумасшествия на грани гениальности...

.....

Помню, как на грузовых машинах въезжали мы глубокой ночью в посёлок Кийма, как свет фар выхватил из кромешной тьмы арку с надписью: «Хош кылдыңыздер!» и широкую улицу с домами и глинобитными хибарами с плоскими крышами...

В ту пору в Кийме было три жилых зоны: собственно зона казахов, коренных жителей и зона пришлых людей, которая в свою очередь состояла из группы жилых домов поволжских немцев и посёлка специалистов-интернационалистов, русских, белорусов, украинцев, татар и чеченцев. Самой лучшей, чистой и уютной оказалась немецкая жилая зона. Там стояли аккуратные щитовые сборные домики с шиферными, двускатными крышами, около которых были разбиты зелёные палисадники с культурными цветами и спускающимися к Ишиму приусадебными огородами. Там царила немецкая чистота и порядок. Оттуда аппетитно пахло вяленой рыбой, наваристой ухой и свежеспечённым хлебом.

В казахской зоне, в самом ауле, все жилища были старого типа, как и двести лет назад. Это были шшалы из дёрна, сложенные из саманного кирпича или камня с плоской земляной крышей, покрытой тальником, травой, засыпанной землей или глиной, с зимней печью – казандыком и обогревательной стеной, разделявшей жилые комнаты от помещения для скота. Около шшал стояли привезённые с летних стойбищ огромные юрты, в которых доживали свой век дряхлые скотоводы. В казахской зоне было грязно,

Интернациональная часть жителей ютилась в жилищах разного типа, жили в каждом доме несколько семей, жили скученно и в грязи. Самый большой и добротный дом был у директора совхоза – рубленый дом сибирского типа с двускатной крышей, богатым подворьем, привезённый сюда из Восточного Казахстана ещё в первую мировую войну каким-то русским купцом. В другом рубленом доме находился клуб совхоза, там же была почта и контора совхоза.

Сталина поруганного, в позе поверженного врубелевского Демона, я увидел в 1966 году на скотоферме Ордена Ленина зернового совхоза «Кийма», во время закладки фундамента под новый коровник.

Дело в том, что среди прочих объектов социального назначения (трёх жилых домов и банно-прачечного комбината), мы строили для совхоза также и новый каменный коровник взамен камышевого. На строительстве коровника я работал на растворном узле – готовил цементный раствор для всех строительных объектов совхоза. В один из жарких трудовых будней мне захотелось отойти «по маленькой нужде».

В Кийме, как и в других казахских аулах, общественных туалетов тогда не было. Нужду аборигены справляли, где придётся, в любом месте. На скотном дворе люди бегали за угол, к общей навозной куче. Но я побежал дальше, к старым, сломанным и ржавым комбайнам и битым грузовикам.

Там, на кладбище сельхозтехники, в густых зарослях чертополоха я и увидел Его, гипсового четырёхметрового гиганта, поверженного, обгаженного, униженного и жалкого. Его руки и ноги были перебиты, голова едва держалась на ржавых проволочных жилах. Бросался в глаза обрывок

тонкого троса, петлѣй обви тонкого троса, петлѣй обвитого на искрошенной гипсовой шее. Видимо его стащили с постамента и волокли на скотоферму с помощью трактора... Внутренний голос (голос памяти?) не позволил мне помочиться на поверженного кумира. Мне сразу вспомнился день его официальной смерти, ревущие паровозы, и притихшие люди, вопрошающие робко друг друга: «Как мы теперь без Него жить будем?».

.....
О гипсовом Сталине, выброшенном на зады скотофермы, я рассказал однажды директору совхоза Абаю Кунанбаеву, заметив при этом, что нельзя, изображение выдающегося партийного деятеля и генералиссимуса, предавать глумлению и подвергать осквернению в такой низкой форме. Я сказал этому казахскому партийному руководителю, что такие формы развенчания культа личности, низводят до уровня скотов в первую очередь тех, кто с культом личности борется. Не Сталин оказался выброшенным на скотный двор, а оказались на задворках истории как раз те, кто с ним боролся. Где сейчас Хрущёв-Отступник, верный слуга Сталина? На кладбище. Над его могилой стоит довольно неэстетичное надгробие, а в нише лежит круглая лысая голова реформатора-волонтариста.

Плохо, когда идеологическое окружение великого вождя так легко поступает своими партийными принципами. Обычно такая неустойчивая свита короля всегда готова из-за личной корысти на предательство государственных и национальных интересов. Сама создаёт культ личности, и сама же его осуждает. Народ очень болезненно переживает такие резкие идеологические кульбиты, как-то надо мягче производить ниспровержение старых кумиров. Не давать дурного примера потомкам... Я бы предложил захоронить изваяние Сталина...

Абай Кунанбаев с моими доводами как бы согласился, но идею о захоронении фигуры поверженного кумира не одобрил:

– Слушай, ты в Москве на большого человека учишься, вот и учи. Набирайся в Москве ума-разума, а здесь никого не учи! Ты понял? Здесь нам решать, кого, где и как хоронить на нашей земле, где лежать каменному Сталину, а где стоять железному Ленину. Иди, глупый человек, с миром, не мешай нам жить и работать. Ты понял?

Парторг Имран Кунгаев выслушал меня внимательно. Чувствовалось, что само присутствие гипсового Сталина на скотном дворе было ему не по душе, но указание областного комитета партии касалось только сношения памятников Сталину, в нем не было директивы, касающейся утилизации снесѣнных скульптур и бюстов великого вождя. Кто спорит, гипсового истукана надо было уничтожить сразу же после его свержения с пьедестала в 1961 году, но местная партийная элита с этим не спешила, ибо во главе партии по-прежнему оставались явные и тайные приверженцы сталинизма. Прошло три года, и вот Хрущёв, этот ярый критик культа личности и деятельности Сталина, сам объявлен Коммунистической партией волонтаристом, прожектѣром, невежей и самодуром, смещѣн со всех занимаемых постов и отправлен на пенсию. После свержения Хрущёва-Отступника, этого злостного нарушителя ленинских норм социалистической демократии и принципов партийного руководства, советское общество раскололось на «верных ленинцев» и на «верных сталинцев». В политической атмосфере страны повеяли сквознячки инакомыслия, западного либерализма, троцкизма, ренегатства и соглашательства на уровне откровенной измены социалистическому Отечеству.

– Сдался тебе этот каменный Сталин. Тебе, что делать больше нечего? Оно тебе нужно? – с каким то укором в голосе спросил меня молодой парторг.

– Дело не во мне, и не в тебе как парторге, дело в исторической справедливости и в человеческой этике. Это, во-первых, а во-вторых, ещё мудрецы древнего мира говорили: не слово и не закон управляют миром, а знаки и символы.

– Как это понимать? Причѣм здесь гипсовая фигура около скотного двора? Какая здесь связь? – не понял парторг совхоза.

– Самая прямая связь, Русланович. Согласись, Сталин – это символ нашей Победы, знамя целой эпохи, создатель могучего советского государства. Так? Так! Представь, если взять и выбросить на помойку знамя полка или армии, да ещё во время отступления? Что будет? Позор будет! Это же будет, как говорил Сталин, идеологический удар в спину! И в один миг не будет ни полка, ни армии. Даже в самых безысходных ситуациях, в кольце окружения и массовой потери личного состава, командиры пытались любой ценой сохранить знамя и символы своего воинского подразделения. Было? Было, и не раз! Или, в конце концов, надёжно спрятать его, чтобы знамя, особые отличия, символы и знаки не достались на поругание врагу. И такое было во время войны.

–Тоже мне, нашёл пример! Никто не собирается отрицать заслуги Сталина, партия осудила чрезмерный культ его личности. И я с этим полностью согласен, мне не за что обожествлять его! Он вместе с Берией выслал нас, чеченцев, моих родителей вместе со мной, маленьким ребёнком сюда, в казахские степи на верную смерть. Он выслал сюда крымских татар, кубанских казаков, поволжских немцев и даже тех, кто не по своей воле оказался в немецкой оккупации. Сколько их здесь до сих пор доживает свой век?!

– Моему отцу и деду тоже не за что любить Сталина. Мой отец чуть не умер во время голода в 1933 году. Но мстить мёртвому льву, таким образом, мне кажется мелочным и низким для грамотного и цивилизованного человека. Мне кажется, Имран Русланович, поверженного идола следует зарыть в землю для археологов будущего. Зарыть без помпы, без глумления, тихо, но достойно его рангу, и так сказать, по-человечески. По-людски...

– Что ж, давай хорони символ эпохи, но меня в эту затею не втягивай. Сам рои яму, сам вези «покойника», сам хорони. Одним словом, будь могильщиком сталинизма. Но прошу тебя, без шумихи и без политики. Немцев-механизаторов к этому делу не привлекай, они ни за что не возьмутся транспортировать изваяние. Они, как и троцкисты, ненавидят Сталина больше, чем Гитлера. Обратись за помощью к нашим аксакалам, у одного из них есть верблюд и арба. Есть у нас тут такой древний дед, с него пыль веков сыплется. Зовут его Исатай Назырбаев. Он у нас в районе знатный чабан, орденоносец, депутат райсовета и шаман по совместительству. Он мудрый старик, но балуется наркотиками, дурман-травку покуривает. Пойди к нему. Он тебе о многом расскажет. А если придёшься ему по душе, то и поможет.

Я выпишу тебе деньги в счёт наглядной политической агитации в клубе и по благоустройству территории скотного двора. Нет, не так! За благоустройство усадьбы совхоза и прилегающих к ней территорий. Так звучит солидней. И денег будет больше. Да, ещё и наряд-задание на уборку участка по ремонту сельхозтехники выпишу. В него же включим заодно и сбор металлолома, и его сдачу на станцию Жаксы. Дальше действуй сам. Делай тихо, чти сухой закон, не устраивай поминок по вождю и никакого пьянства. Слышишь? Прошу тебя, не в службу, а в дружбу. С аксакалами беседуй уважительно, внимательно слушай их, не лезь первым в беседу, не спеши задавать вопросы, пусть они тебе сами задают: зачем пришёл? От кого пришёл?»

Парторг совхоза оказался прав: казахские аксакалы, потомственные скотоводы и пастухи не терпят суеты и не уважают суетливых людей. Обсуждение с аксакалом любой проблемы требует вступительного диалога, так сказать, увертюры к разговору с её обязательной вежливостью, являющейся одной из форм древнего этикета. Никогда не надо начинать разговор с конкретной просьбы или предложения, не надо сразу брать быка за рога. После приветствия, нужно справиться у хозяина дома о его здоровье, о здоровье его жены, чад и домочадцев, спросить хозяина дома, не болеет ли его скот, пожелать при этом большого приплода, пожелать дому хозяина мира, достатка и благополучия.

После этого следует сообщить хозяину, что ты пришёл не сам по себе, а по рекомендации очень уважаемого в округе человека, который в свою очередь очень-очень уважает хозяина дома, высоко ценит его как человека благожелательного и отзывчивого. Потом следует вторая часть прелюдии, час устной и краткой автобиографии, состоящей из ответов на вопросы личного характера, хозяину хочется знать, с каким человеком он имеет дело. Вопросы могут быть разными, но чаще всего они типовые: род занятий предков, социальное положение, состав семьи, чем владеют родители, имеют ли они свой скот и свою, хотя бы приусадебную землю, кем ты являешься сам на данный момент и кем желаешь быть завтра. Занятие, скажу вам, не самое приятное: рассказывать о себе, чуть ли ни исповедоваться перед чужим человеком, однако, на всё пойдёшь ради очередного идефикса.

Древний чабан был явно разочарован моей биографией. Во мне он видел всего лишь хилую завязь плода, у которого почти нет шансов стать в скором времени добротным, зрелым, полезным фруктом. В его глазах я был изначально плодом падалицей, наследником без наследства, продолжателем рода неудачливых неимущих.

У моих родителей за душой ничего было, они ничем не владели, у них не было даже маленькой отары овец, не было коз и коров, гужевых и ездовых лошадей. В глазах старейшины славного рода скотоводов я был никем, нищим перекасти-полем, удел которого – стать мужем нищенки и плодить с нею новую когорту нищих:

–Тяжелы золотые халаты богатых, страшен, покоен и краток их сон, но страшней всего капкан бедности – кто в него попадёт, тот уже никогда не вырвется из нищеты... честным путём. Тебе

долго-долго учиться надо! Тебе надо большим начальником быть. Не станешь начальником – пропадёшь! Чем больше власть – тем полнее и слаще чаша жизни. Запомни это.

– Не могут все люди стать начальниками, – попытался возразить я. – Нет господина без рабов. Так устроено любое общество...

Древний скотовод удручённо покачал головой, в его глазных щелках, как мне показалось, промелькнули искорки жалости. Неужели я стал чем-то симпатичен этому аксакалу в засаленном халате? Вряд ли. Хотя всё могло быть, что я знал о нём? Ничего. А он меня видел насквозь, и, может даже, видел моё будущее. Как и многим старейшинам древних родов, Исатаю Назырбаеву была свойственна атараксия, божественная невозмутимость, безмятежное спокойствие Эпикура и мудрый скептицизм Демокрита:

– Тот, кто так считает, тот всегда будет бедным стригалём овец и помощником пастуха до конца дней своих! Такой человек никогда не будет баем, вождём, большим уважаемым человеком. Такому нищему и пустому человеку никто свою дочь замуж не отдаст. Какой из раба муж? Какой из раба отец? Какой дед? Какая от него польза родным и потомкам? Кто из его внуков скажет гордо своим внукам: «Мой дед был помощником пастуха!» Даже старый рабочий конь полезнее молодого раба. От рабочей скотины только польза и никакого вреда. От человека-раба – один позор и вечная неурядица. Тебе трудно будет жить, студент! Ой, как трудно!

– Власть не оберегает человека от страданий, болезней и смерти. От страданий, причиняемых ему злыми людьми, – возразил я аксакалу, пытаюсь защитить достоинство трудящегося советского человека, неимущего интеллигента и пролетария. – Взять хотя нашего последнего царя. Убили самого и всю его семью, почти всю родню, надругались над их трупами, одних сбросили в шахту, других расчленили и сожгли. Рабочему человеку тоже трудно жить, но если у него есть специальность, если он в чём-то мастер, то он тоже всюду и всегда и всеми уважаемый человек. Без рабочего человека мастера и учителя, вокруг нас была бы одна степь, пустыня. Кстати, Исатар-ата, великий Сталин был сыном сапожника, и не скрывал этого...

– Последний белый царь добрым был, он не был батыром. Им жена-чужеземка помыкала. Это нехорошо. Ни один бог такое смирение перед женщиной не потерпит! А вот Сталин – это настоящий красный батыр! Его все боялись. Даже взгляда его боялись! Мне здесь ссыльные многое о нём рассказывали. Кто к нему в немилость попадал, те руки на себя накладывали, сами вешались и стрелялись. А на вождя пальца не могли поднять. Вот так! С ним они были воинами, а без него они – сейчас никто, чувяки изношенные, халаты дырявые...

Батыр Сталин – достойный уважения человек. Он не мешал нам жить, он щедро награждал достойных, а наши акыны пели ему хвалу. Акына Джамбула Джанбаева я знал лично, великий был акын.

А знатный чабан Иса Базакбаев моим другом был, наши семьи часто невестами обменивались. Ему батыр Сталин много наград давал, много орденов, большую премию выдал, много денег дал. В Кремле обедом кормил и вином угощал.

Говорил ему батыр Сталин: хочешь Иса, в Москве жить? А Иса отвечает: нет, дорогой батыр Сталин, не хочу, шумно здесь, суэта кругом и воздух тяжёлый. Хочу, говорит, жить на своём стойбище Тойпак или в ауле Кийма, своим делом заниматься. Хочу, говорит, дорогой наш батыр, твоё белокаменное подобие у себя иметь, чтобы никогда с тобой не расставаться, вместе с тобой, говорит, вместе встречать каждое утро, и каждый вечер провожать усталый день, смотреть вместе с тобой на красный закат.

Прикажи, говорит, искусным мастерам на эти деньги, которые ты мне дал в награду за труды, изготовить свое белокаменное подобие. Прикажи, говорит, большим начальникам поставить своё подобие в Кийме, рядом с моей, говорит, родовой юртой. Батыр Сталин засмеялся и говорит ему: хорошо, Иса, пусть будет по-твоему. Это теперь твои деньги, и ты волен распоряжаться ими по своему усмотрению. И сделали изваяние великого Батыра и установили его в Кийме, но только не у юрты Исы Базакбаева, а у клуба, в центре аула. Вначале Иса артачился, шумел, хотел, чтобы Батыр рядом с его юртой стоял, а потом успокоился. Каждое утро приходил к памятнику, кланялся ему, древние молитвы творил, о чём-то разговаривал с ним, может, вместе с ним совет держал, потом шёл по своим делам. И вечером так же, как и утром. Счастливо жил славный чабан и сталинский орденосец Иса Базакбаев. Огромным почётом пользовался он, огромные отары овец имел, табун лошадей имел, и дожил бы он до наших дней, если бы не царь Никита. Оговорил Никита великого Батыра, выставил его имя на всеобщее осуждение и велел сломать все его большие и малые подобия. И трусливые люди темными ночами, как воры и конокрады, снесли их и надругались над ними. Снесли памятник батыру Сталину и в Кийме, и оттащили его колёсным

трактором за скотный двор, за навозную кучу. С того дня захворал душою славный чабан Иса, перестал выходить из юрты, не захотел больше смотреть на этих гнусных людей, загрустил, затосковал и от этой тоски и умер...

Запомни мои слова, студент: после батыра Сталина не будет больше у нас великих вождей. Ушло время, батыров, пришло время учётчиков-говорунов, время писцов и секретарей, время сусликов и хорьков. Возьми хотя бы царя Никиту. Плохим он был вождём, суетился много, на одном не сидел, болтал много и не по делу, всем советы давал, учил нас, как детей расти, в каких богов верить, как хлеб убирать, как скот пасти.

Всех учил, а сам ничего не умел! Во все дела свой нос совал и всем мешал жить. Где, скажи студент, его обещанный коммунизм, где молочные реки и кисельные берега? Нет его. Уже у многих людей трава на щеках выросла, а коммунизма нет, и вообще не предвидится. Обманул нас царь Никитка, опозорил нас перед миром и сам опозорился...

Нет, не батыр Никита Хрущёв, не ясный сокол, а так себе... вздорная, жирная, гневливая баба в шляпе и в штанах.

Беда нам от царя Никиты. Зачем распахал он под пшеницу наши пастбища? Зачем вспахал нашу степь? Падает, падает поголовье скота, нечем кормить его зимой, негде пасти летом. Гниёт в гуртах влажное зерно, стало меньше в магазинах хлеба, не стало в продаже мяса. Очереди за хлебом, молоком и мясом в городах. Пыльные бури заносят песком наши аулы, скудеет земля без травостоя, всё больше становится солёных озёр, мелеют и высыхают реки, каждое лето горит степь и огонь уничтожает посевы пшеницы. Почти исчезли сайгаки, а с ними лисы и волки.

Зачем согнал сюда царь Никита со всего света разных людей? Людей без памяти, без обычаев и почитания старших. У новосёлов дурной глаз и грязный язык. Их души разъела злобная зависть и непомерная алчность. Они пьянствуют, воруют днём и ночью, дерутся друг с другом, и чешут блуд с кем попало, даже со старухами.

Пришельцы-новосёлы из разных мест заразили наших женщин дурными болезнями. Наши женщины стали трудно рожать. Много рожениц умирает во время родов, много стало умирать младенцев-мальчиков. Всё больше рождается девочек с дурной кровью и вздорным нравом. Новосёлы развратили наших девушек, многие из них стали продажными девками. Нам говорят, лечитесь у врачей, мойтесь в бане, держите в чистоте тело. Но зачем это нам нужно? Наши предки были батырами без врачей и бань. Травы степные, кумыс и мёд, мясо барашка и солёный сыр – вот наши лекарства. Старый шаман с большим барабаном от бога неба Тенгри и с пучком сухих трав от богини Ушай – вот наш доктор! Вот и ты, студент, с товарищами своими приехал сюда. Мы тебя звали? Мы тебя просили здесь кошары и шошары строить? Баню и новый магазин? За деньгами ты сюда приехал. Погулять ты сюда приехал. Хочешь внучек моих обрюхатить без калыма и женитьбы. Знаю, я вас русских людей, знаю. Обманом живёте. Сами мучаетесь, и других мучите...

Вот, так, студент! Всё видит старый Исатай, всё понимает, всё слышит, не выжил он ещё из ума и пускай скорбят его усталые ноги, но крепка ещё его правая рука.

Однако, студент, солнце уже в зените, пришла пора говорить о главном. Вот сейчас выкурю папироску с волшебной травкой, положу за нижнюю губу три шарика насвоя, его молодёжь ещё «насом» называет, и стану я ближе к своим богам, к предкам своим. И станет мне хорошо и приятно. Вот смотри, студент, как это делается. Смотри, как выйду сейчас, не выходя за порог юрты, на дорогу, уходящую в верхний мир...

После этих слов, старый чабан Исатай, бережно приподнял крышку обитого железом старого сундука, достал из его глубин красивую жестяную коробочку из-под монпансье, открыл и осторожно извлёк из неё длинную папиросу. Потом понюхал её, продул, зажал во рту, чиркнул спичкой и, прикрыв глаза, сделал три глубокие затяжки. Воздух юрты наполнился незнакомым мне странным запахом. Это был запах табачного и кисловатый запах горелого сена. Старик Исатай, немного помолчав, сделал ещё несколько затяжек и спросил:

– Ты куришь табак, студент?

– Нет, не курю.

– Ты хочешь закурить, студент?

– Нет, не хочу. Спасибо.

– Молодец, студент, не надо курить. Молодым курить вредно. Молодым нельзя пить водку и курить травку. Им надо о здоровом потомстве думать. А таким старым как я, всё позволено, всё

можно. На-ка, студент, возьми лучше насвой попробуй, один раз можно. Не умрешь! Не бойся! Положи в рот эти шарики за нижнюю губу, закрой глаза и слушай меня.

Он протянул мне три зелёных катышка, резко пахнувших куриным навозом. Я осторожно положил их в рот за нижнюю губу, и опустил веки. Голова моя слегка закружилась, в ушах возник легкий, шум моря, плеск морской волны, шорох гальки. Потом послышалась мне издалёка напевная речь. Начало напева было на казахском языке, а продолжение – по-русски: « ...О, кам, о, палмин, Чопан-ата, Буркут-баба, чильтан, кырк-гыз, аждарха-албасты, ой иясе, су иясе, Умай-баба! Ой, Султи-тура, ой Сура Сурах-ашше, Сер-ашше, херт-сурт картапусе Эрмик-Эсрель! УльгеньТебельгень...

Ой, Тенгри-калык, хозяин небес, владыка судеб людских, бог путей на пегом коне и бог путей на вороном, распределитель сроков жизни. О, владыка нижнего мира, Тамму-Эрклиг-хан и бог смерти Бюрт, скажите, где племя «белого лебедя», где быть сыну волка и женщины из Гаочана, луноподобной гуннской царевны?

На священном камне Яда написан ответ: здесь у реки на западе есть вход в нижний мир, здесь растёт темир-терек, древо мира, «железный тополь» на ветвях которого висят зародыши всех детей всякого скота. Здесь на западе, где белые боги куют в Аркаиме белое железо и называют его крепким булатом, здесь вход в могильник, где спят крепким сном все батыры и славные воины. Здесь последняя стоянка людей пришедших из страны льдов и вечного снега, укрытие наших предков и богов...

Где сейчас вечный дом красного батыра Сталина – никто не знает, не знает великий шаман и помощники его духи – чильтаны. Только боги знают. Только сам Тенгри-бог, хозяин голубого неба, да жена его Умай Плодоносная, царица жёлтой и бурой земли знают, где дремлет дух красного батыра. В трёх мирах обретаются духи судьбы, смерти и жизни, духи огня и воды, но никто не знает, где отдыхает усталая душа человека, которого никто не поминал добрым словом и спасительной молитвой предков.

Нет места душе батыра Сталина в чертогах голубого неба – не чтит богов красный батыр, не поклонялся им и не приносил священных жертв. Не лежать ему в мавзолее в среднем мире, в мире живых, ибо много ещё осталось на земле проклинающих его имя. В подземном мире спит душа батыра Сталина и ждёт своего часа. В подземном мире долго лежать ему, лежать там, где тьма-тьмущая, но всё видно, где тусклый свет своей луны и своего солнца навеивает напрасные видения. Нет, негоже лежать каменному батыру на грязном скотном дворе, и быть там зловредным духом Вупканом и Хытамом в одном обличье, в одном образе, лежать в позоре, в нечистотах и быть причиной болезней и падежа скота...

...О, кам, о, палмин, Чопан-ата, Буркут-баба, чильтан, кырк-гыз, аждарха-албасты, ой иясе, су иясе, Умай-баба! Ой, Султи-тура, ой Сура-ира, Сурах-ашше, Сер-ашше, херт-сурт картапусе Эрмик-Эсрель! Ульгень-Тебельгень...

Эй, студент, очнись! Ты слышишь меня? Я дам тебе свою двухколёсную арбу и своего верблюда Хазара, и дам тебе в придачу к ним погребальную кошму!

И ты похоронишь батыра Сталина тихо на рассвете, когда петухи Киймы будут неистово голосить, когда смиренно будут бляеть овцы и томно мычать коровы. Ты спрячешь его в подземный мир, где никто не будет глумиться над ним. Не мной сказано: осквернение священного камня – это оскорбление богов и верная гибель. Никто не знает, что ждёт человека после его ухода из этой жизни. Знает, пожалуй, тот, кто помнит себя задолго до своего зачатия. Но много ли сегодня таких людей в этом мире? Нет их. Эй, студент, проснись!

Я с трудом разлепил глаза. Головокружение продолжалось, тело покрылось испариной, во рту пересохло, меня подташнивало. Я попросил пить. Старик улыбаясь, похлопал в ладоши, кого-то позвал, и в юрту вошла девушка с пиалой прохладного кумыса. Это была одна из многочисленных внучек и правнучек уважаемого аксакала – Айшат, студентка Алма-атинского педагогического института...

.....
Гипсовый вождь был зарыт недалеко от скотного двора на высокой прибрежной круче. Место захоронения было выбрано удачно, сегодня любой смертный пожелал бы здесь найти свой вечный покой. Ещё бы! Именно здесь когда-то располагалось одно из первых семи «интеллектуальных пятен» человечества, оказавших огромное влияние на дальнейшее развитие народов Азии, Европы и Индии.

Здесь, в верховьях Ишима и к северо-западу от Атбасара, к отрогам Южного Урала, четыре с половиной тысячи лет назад существовала страна Ариев, «страна городов» Аркаим, древнейшая

цивилизация Ариев-гиперборейцев, саков, массагетов, хуннов и кипчаков. В этом культурном центре Евразии возникли первые священные письмена, знаки и символы, возникла, чуть ли ни в раннем неолите, первая древнетюркская руническая письменность. Позднее здесь возникли центры по обработке железа и цветных металлов, возникла такая же, как и у хеттов, металлургия, ремёсла и центры по подготовке оружейных мастеров, торговля и самобытная культура.

В городах-каганатах, в этих ставках кочевых феодалов имели хождение монеты местной чеканки, существовали, как в древнем Китае, школы грамотности, процветали науки и искусства. Но с тех пор прошло много времени. Всё течёт, всё меняется.

Великие государственные образования, империи и цивилизации подобны звёздным шаровым скоплениям и гигантским галактикам, которые рождаются, живут, конфликтуют между собой на энергетическом и гравитационном уровне, иногда сжирают, поглощают друг друга, стареют и умирают.

Есть только одно различие в этой аналогии – когда умирает, а потом исчезает человеческая цивилизация, наступает массовое одичание носителей этой цивилизации. В ауле Кийма, в пору моего пребывания там, ничто не напоминало о славном прошлом этих мест, «дикая степь» дремала здесь и смотрела свои древние сны. Здесь мирно уживались два общественно-социальных устройства – мир средневекового феодализма и мир большевистского реального коммунизма, своего рода социальный кентавр, у которого лошадиный круп являлся самой прекрасной частью этого причудливого существа.

Освоение целинных и залежных земель, огромный приток славянских переселенцев с их культурой и знаниями несколько не повлияло на нравы и обычаи казахов-степняков. Скотоводы распашку целины восприняли враждебно, она уничтожила лучшую часть природных пастбищ, а дары западной цивилизации, приносимые им инородцами, воспринимались ими как должное подношение, как ясак, почти равнодушно. Здесь застал я все авторитарные устои большой патриархальной семьи, полигамию советских баев, обменные браки, обмен невестами в двух семьях без калыма, обычай избегания, запрещающий невестке встречаться со свёкром...

Только природа сохраняла здесь неизменную тысячелетнюю красоту, свои причудливые восходы и закаты, тревожные запахи рискованной воли в бесконечности пространства. В хорошем месте было захоронено изваяние Сталина. Помню, помню до сих пор во всех подробностях то раннее прохладное, даже студёное августовское утро, когда на арбе аксакала Назырбаева был доставлен к заранее вырытой дагестанцем Надиром Авторхановым глубокой могиле гипсовый истукан...

Всё прошло так, как и говорил старый чабан. Тихо, буднично и пристойно. Изваяние батыра Сталина, отмытое от нечистот и обмытое известковым молоком было зарыто тихо на рассвете, когда петухи Киймы неистово голосили друг перед другом, когда смиренно блеяли овцы и томно мычали коровы.

Что было потом? Потом, на другой день была разгрузка цемента из двух крытых вагонов на станции Жаксы. Помню, была жара под сорок градусов. Цемент был доставлен прямо с завода, из печи, он был очень горячим. Он жёг нам ноги – не помогали двойные портянки и солдатские кирзовые сапоги. Мы работали почти голышом, в одних трусах, без респираторов, без марлевых повязок на ртах. Выгружали цемент из дверей вагонов в самосвалы большими совковыми лопатами, в облаках цементной пыли, издали похожими на клубы белого дыма. Нас было двенадцать человек на два вагона, по два человека на вагон. Менялись через каждые полчаса, обливались водой у водокачки, сидели в тени пыльных пирамидальных тополей. В обед пили тёплую премиальную водку и запивали её прохладным кефиром, грубо нарушая тем самым сухой закон. Долго, почти две недели смывали мы с себя в Ишиме цементную пыль. Надолго, почти на всю жизнь запоминаются такие комсомольские «трудовые подвиги»...

А потом, что было? Потом приехали в Кийму на «Волге» двое в штатском. Это были, как выяснилось позже, сотрудники Целиноградского управления КГБ Казахской ССР. Старший был казахом, младший – славянской внешности. Они приехали в субботу в полдень, и пошли сразу в клуб, где я занимался художественным оформлением наглядной агитации ко Дню урожая. Они небрежно предъявили мне удостоверения, и мы втроём пошли к скотному двору. Старший оперативник попросил меня показать место, где не так давно лежал в дерьме гипсовый Сталин. Я указал ногой на обломок саманного кирпича, на то единственное, что осталось от отхожего места под открытым небом. Оно было ликвидировано сразу же после символических «похорон» Сталина, здесь царил чистота и порядок.

Потом мы пошли на правый берег Ишима и я показал чекистам могилу гипсового истукана. На ней ничего не было, ни могильного холмика, ни памятного знака, ничего. Лишь сухие корни травы

торчали из вывернутого дёрна. Эта картина глубоко разочаровала чекистов. Молодой, славянского типа, чекист недоуменно заметил:

–И зачем надо было этот балаган городить? Проще было бы молотом раскрошить статую и зарыть щебёнку в яму прямо на месте...

– Не мог я этого сделать. У меня рука не поднялась на это глумление. Я же не курица, клюющая труп. Я был ещё ребёнком, но хорошо помню, как плакали люди, когда он умер. И когда я увидел его всего в засохшем дерьме, его жёлтую от мочи голову мне стало стыдно за тех, кто осквернил его. Вполне возможно, что среди них, были и такие мерзавцы, кто в дни похорон вождя следил за своими гражданами. За теми, кто недостаточно искренне горевал, был равнодушен, или даже радовался смерти «великого учителя и вождя всех народов». Я этого не замечал, а вот взрослые знали об этих доносителях и сексотах...

– Всё это слова, молодой человек! Признайся лучше, кто ты? Ты убеждённый сталинист? – вкрадчиво и как бы уважительно спросил меня чекист-казак.

– С какой стати мне им быть? Да и не успел я стать сталинистом. Что я мог понимать в политике? Помню только, помню до сих пор, что «Сталин и Мао смотрят на нас», что «Сталин – нашей юности полёт», что когда-то давным-давно «сидели на дереве два сокола ясных – один сокол Ленин, другой сокол Сталин»... Где сейчас эти соколы, все знают...

–Товарищ майор, да он же издевается над нами, гадёныш! – вдруг взъярился на меня младший гэбист. – Кажется, я знаю, кто он на самом деле. Это ещё один диссидент, тайный пособник сионистов с кукишем в кармане! Они сейчас в Москве из всех щелей лезут! А этот его балаган с «похоронами Сталина» есть, товарищ майор, чистойшей воды идеологическая провокация! Товарищ майор, он же нас за форменных дураков держит. Знаю я, эти все хитрозадые еврейские штучки-дрючки!

–Какая к чёрту провокация?! О чём вы говорите? Да у меня и в мыслях такого не было! – отчаянно вскричал я и, обращаясь к майору, добавил. – Неужели, товарищ майор, сегодня наши советские люди не понимают, что мочиться и тем более испражняться на статую великого человека – нехорошо, подло и мерзко? Какой пример для подражания дают молодёжи эти люди, оскверняя памятники эпохи? Безусловно, дурной, а дурной пример заразителен. Сегодня мы гадим и мочимся на статую Сталина, а завтра юные вандалы будут крушить надгробия на могилах наших отцов и дедов. Будут испражняться на них, обливать их красной краской и писать слова проклятия в ваш адрес. Ведь не нами сказано, что прошлое часто возвращается и начинает жестоко мстить настоящему. Нам сегодня нужны хорошие, удобные туалеты. При каждой стройке коммунизма, при каждой библиотеке нужен добротный туалет. Для народов стран Африки и Азии у нас деньги находятся, а советские граждане по большой нужде в заросли чертополоха ходят и листом лопуха подтираются. Вот ещё одна весьма насущная и реальная проблема коммунистической идеологии! По всей вероятности последние мои слова действовали на неутомимых стражей идеологической невинности и государственной безопасности. Наш разговор незаметно перешёл на другие более частные темы. В частности, целиноградских чекистов интересовали факты грубого нарушения сухого закона в регионе, незаконное изготовление самогона, подпольная продажа водки, распространение и употребление наркотиков. Но здесь я для них оказался плохим информатором, и разочарованные чекисты отправились в сторону усадьбы совхоза, где у них были надежные внештатные и добровольные агенты.

Что было потом? Потом наступил день отъезда. Накануне с северо-востока из Сибири приползли тяжёлые тучи, и пролился хороший дождь. Он смыл пыль с поникшей листвы чахлах деревьев, прибил к земле острые гребни песчаных барханов около домов и юрт, оздоровил воздух.

Помню в день отъезда, после торжественного собрания в клубе все пошли к школе-интернату, где мы жили всё лето и где нас ждали два грузовика с высокими бортами. На улице былолюдно, но больше всего было детей и просто зевак. Из начальства были главный инженер, главный механик, парторг и профорг совхоза...

Главный механик совхоза поволжский немец Генрих Абт дал мне в дорогу два вяленых сазана и три леща. Так он решил ещё раз отблагодарить меня за ту настенную фреску в большой комнате его дома, которую я сделал по мокрой штукатурке гуашью, где изобразил окрестности старинного Дрездена с тучными коровами и пухленькими пастушками.

– На, возьми. И не поминай лихом, – сказал он, отдал рыбу, а потом тихо добавил – Alles gut, Ende gut! Es richtig! Всё правильно, ты правильно сделал, что так глубоко и изящно урыл этого каменного усатого дядьку за околицей посёлка. Как говорится: с глаз долой из сердца вон!

Молодец, молоток! Ткнул носами коммуняк в их же собственное дерьмо! Остохренели мне до блевотины их мудрые вожди, исторические съезды и генеральные линии партии.

Сказал, пожал мне руку и ушёл в механические мастерские. После него подошёл ко мне чеченец парторг Имран Кунгаев, отвёл подальше в сторонку и стал благодарить меня за художественное оформление клуба, за наглядную агитацию ко Дню урожая, за трафареты для новых номеров грузовых машин:

– Ты знаешь, ты только не обижайся. Ладно? Я ведь хотел наградить тебя лично похвальной грамотой всего руководства совхоза. Но ничего не вышло – директор не утвердил. И всё из-за этого гипсового Сталина, будь он неладен. Ты вот, что. Ты возьми-ка лучше на память обо мне вот часы «Восток». Они хоть и старенькие, дешёвые и ремешок износился, но они, знаешь, надёжные, с пылезащитным корпусом, водонепроницаемые...

Кунгаев снял часы и ловко, незаметно для окружающих, одел на мою левую руку, в правой руке я держал вяленую рыбу. Мне вдруг стало мучительно стыдно и за себя, не сумевшего отказаться от столь сомнительного подарка, и за гордого чеченца-парторга, который вынужден украдкой, почти по-воровски, подальше от людских глаз выражать своё чувство благодарности.

– Ты знаешь, я скоро отсюда уеду. Уеду, так сказать, на свою историческую родину, в Грозный. Мне здесь ловить больше нечего. Здесь трудно делать партийный рост. Здесь надо быть казахом, а не чеченцем или русским. Мне не хочется быть здесь всю жизнь на вторых ролях. Они меня здесь всё время попрекают моими родителями. Надоело мне это...

Тут Кунгаева кто-то позвал, и он каким-то облегчением, я бы даже сказал, с нескрываемой радостью поспешил распрощаться со мной:

– Слышишь, ты не забывай меня, пиши, если что. Пиши мне в Кийму!

Потом была Айша или Айшат. Она возникла передо мной внезапно, как бы материализовалась из воздуха, возникла из эфира прямо у входа в школу-интернат. Возникла как прекрасное и соблазнительное видение. В тот день она была в новом, нарядном платье, и была хорошенькой-прехорошенькой, такой же красивой и манящей, как наша однокурсница-корейка Юлия Цой...

Говорила Айшат быстро-быстро и почему-то шепотом, часто оглядываясь по сторонам, вела себя так, будто пришла она на своё первое тайное любовное свидание:

– Здравствуйте, здравствуйте. Я к вам, я к вам. Меня дедушка послал к вам. Посылочку в Москву передать просил. Вот бидончик. В нем лекарство надо передать. Для нашей больной родственницы надо передать. Дедушка вас очень просит. Он вам арбу давал, он вам верблюда давал. Вот, бидончик возьмите. В нем сало курдючное, овечий жир. Это лекарство. А вот адрес на бумажке записан. Адрес хозяйки-молдаванки. Она живет под Москвой в большом доме. В большом посёлке, в посёлке «Дружба»...

Айшат, протягивая ко мне пятилитровый алюминиевый бидон и в четверть сложенный листок бумаги с адресом подмосковной молдаванки, продолжала нежно частить, ласково и нежно смотрела мне в глаза:

– Возьмите, прошу вас. Дедушка просит, все просят. Почтой нельзя посылать, почта долго идёт, сейчас жарко, лекарство испортится! Надо быстро-быстро. Надо поездом. Прощу вас! Вот адрес. Это где-то под Москвой, кажется в Медведково, за Лосем, посёлок «Дружба».. Я туда через год приеду! Хотите, мы встретимся? Хотите? Я буду очень рада. Возьмите бидончик! Что вам стоит?! Доброе дело душу греет, а телу силы даёт. Так мой дедушка говорит. Возьмите, пожалуйста, я вас очень прошу. Очень-очень...

Видит бог, я был очарован Айшат, почти загипнотизирован ею, но не хотел брать этот бидон с курдючным салом с собой. Внутренний голос предупреждал меня о грозящей опасности: «Будь осторожен, это опасно, не бери, не бери, не делай этого!». Но я (в который раз!) не внял голосу рассудка, дал слабину и покорно, как глупый барашек, взял этот бидон с лекарственным жиром – уж очень хорошенькой была Айшат в то мгновение, хорошенькой, сладенькой и желанной. Ох, эти мне загадочные девушки Востока, дикие цветы дикой степи, юные кобылицы на бескрайних просторах земли.

Освободившись от посылки с лекарством, Айшат успокоилась и смело отошла прочь к стайке своих подружек.

Мы же уселись на скамейки специально оборудованных грузовых машин и двинулись в сторону станции Жаксы к поезду «Караганда-Москва». Я сидел, понуро склонив голову, и зажимал между коленями бидон Айшат, а внутренний голос в такт сердца твердил и твердил: «Дурак! Дурак! Дурак! Дурак! Дурак! Дурак! Дурак! Дурак! Дурак! Дурак!»

С тех пор, о чём бы я ни вспоминал, о добрых и недобрых своих делах и поступках, каждый раз, почти автоматически включался этот внутренний, чёткий как метроном, голос безжалостной самооценки: «Дурак! Дурак! Дурак! Дурак! Дурак! Дурак! Дурак!». А потом наваливалась подсердечная тоска, и из груди вырывался беззвучный вопль вопиющего в пустыне: «Видите, я гибну. Глядите, я погибаю. Видите, я гибну. Видите, я гибну. Спасите меня! Спасите меня! Спасите меня!»

Казалось бы, отчего эти вопли души, эта беспричинная «Иовиада», разве подобен я несчастному Иову с его бесчеловечными страданиями? Я жив, здоров, дееспособен, руки целы, ноги целы, что ещё?

Вот уже сорок пять лет прошло с той поры, со дня моей целинной эпопеи, а я продолжаю вспоминать о ней, с чувством гадливого разочарования. Как будто меня кто-то сильно и основательно обманул, облапошил на всю мою оставшуюся жизнь, как будто там, в северо-восточном Казахстане я сам необратимо и почти смертельно обманулся во всем, во всех своих чаяниях и надеждах.

Дурак, дурак, дурак, – говорю я себе и спрашиваю: зачем я туда поехал? За деньгами? Да разве это такие большие деньги за такой напряжённый труд? Даже смешно о них говорить! Такие деньги, почти такие, при такой трате сил и здоровья я бы мог заработать в путевой бригаде московского метро.

Может, я поехал на целину за романтикой, за новыми впечатлениями? Если так, то всё равно я дурак, притом дурак в квадрате. Какая к черту романтика?! Мне ли быть романтиком? Мне ли, рождённому и жившему в землянке? Мне ли, который испытал на себе голод, и суровую прозу жизни послевоенных лет, быть романтиком? Однако я поехал, поддался всеобщему стадному чувству таких же, как сам провинциальных, идеологически обработанных молодых дурачков и дуручек. Я был настолько глуп и наивен, что даже не заметил самого очевидного: никто из моих однокурсников-москвичей, (ни один!) не записался в строительный студенческий отряд!

Жить и не замечать вокруг себя очевидного и тем более странного и необъяснимого, жить как во сне – обычное состояние влюблённого, но я ведь не был тогда ни в кого по-настоящему влюблён. Ну, может быть, в Таню Вутечич, в девичестве Чудинову? Ну и что? Это не даёт ни кому право быть имбецилом...

Знал ли я в ту пору о так называемом «Золотом треугольнике» в Юго-Восточной Азии, где издавна выращивается и готовится львиная доля героина? Кое-что знал, что-то слышал, но не придавал этому никакого значения. Знал ли я о Чуйской долине, где на огромных пространствах от Ташкента на западе до Алма-Аты на востоке, от киргизских гор на юге, до пустыни Муюн-Кум на севере, давно идёт скрытая битва вокруг обычного с виду сорняка, особой конопли, имеющей особые наркотические свойства, из которой делают героин?

Знал, но в основном из рассказов бывалых эков-москвичей, реабилитированных в хрущёвскую оттепель. Кое-что о «дури» рассказывал нам Варлам Шаламов в общежитии Литинститута в гостях у Новеллы Матвеевой... Потом ещё кто-то рассказывал о Чуйской долине и «коксе» на старом Арбате...

Чуйская долина в масштабах всей страны тот же «Золотой треугольник, край векового растения, самого живучего, стойкого и самого неприхотливого дающего человеку райское забвение и золотые сны. Но не только Чуйская долина была и есть родиной особой конопли. На громадных просторах Казахстана, на четырёх миллионах гектаров неосвоенной и нераспаханной земли стоит она стеной выше человеческого роста и удерживает своей мощной корневой системой надвигающиеся на оазисы пески.

Испокон веков кружатся над этими дикорастущими плантациями странного вида «хищные птицы» – наркодельцы, гонцы, группы, банды со всей страны, люди, имеющие громадные деньги, люди с капиталом, приумножающие свой капитал в тысячу раз за одну операцию. В то время когда одна огромная часть населения всей страны осваивала под хлеб целинные земли Казахстана, другая ничтожно малая часть успешно «осваивала» добычу марихуаны, приносящей доход несравнимый с добычей колымского золота.

Уже тогда, в той же самой Кийме, для человека наблюдательного и пытливого было видно, что между местными жителями, местной милицией, чекистами и заезжими «гонцами» с Кавказа, наметился тесный союз. Местные жители уже тогда занимались заготовкой сырья. На каждой чабанской точке всегда стоял стожок скошенной конопли, ждущий своего покупателя. Каждый чабан был готов к приезду милиции или «гонца», ждал, кто первый приедет. Если приедет милиция, то стожок конопли будет сожжён, если найдётся лишний литр бензина. Если приедет

«гонец», то он возьмёт уже готовый, высушенный товар, и чабан возьмёт за него водку, деньги, индийский чай. А сколько в степи стоит ещё таких стожков – один чабан знает. Что ему, трудно взять косу да скосить верхушки конопли во время цветения? Просушил, набил в мешки, отвёз в укромные местечки, спрятал. Он, чабан, каждый камешек и каждый кустик в своих владениях знает.

Настанет время, приедут из Сибири, с Поволжья, с Кавказа, из Центральной России его постоянные клиенты, обработают массу, вынут палочки и всякий мусор – и вот она, готова марихуана, а по-местному, шала. Кроме чабанов, заготовкой шалы занимается и молодёжь, она быстро поняла вкус легких денег. На эти деньги всегда строились двухэтажные особняки, покупались машины, сколачивались огромные богатства. Уже тогда к этому бизнесу привлекались даже дети и молодые девушки, которые в дни сбора зелья раздевались догола и потные бегали по зарослям цветущей конопли до тех пор, пока не покрывались с ног до головы толстым слоем пылицы. Потом эта пылица соскабливалась с их тел острым ножом – и получался самый дорогой товар. Но тогда ничего, кроме удивления, у меня этот факт не вызывал. Для меня эти занятия были одним из местных национальных обычаев, связанных с шаманством и языческих верований. Вполне возможно, что и Айшат со своими сестрёнками и братишками этим сбором пылицы занималась, когда жила у деда на стойбище...

Не раз и не два видел я стожки сушёной конопли в стойбище Тойпак, куда ездил пить кумыс. Я видел большие вязанки конопли и в юртах аксакалов, висящие на виду у всех вместе с вязанками лекарственных трав. Видел я всё это, знал, но придавал этому никакого значения, ибо продолжал жить иллюзиями, пребывал в «золотых снах» советской идеологии, которые, как оказалось позже, также губительны для наивного молодого человека, как и «золотые сны» наркотического опьянения...

Ни один студент-москвич, ни одна девушка-москвичка, никто из москвичей не поехал с нами ни за деньгами, ни за туманами, ни за этой надуманной и лукавой комсомольской романтикой, с её кострами, палатками, гитарами и бардовыми песенками о Домбае, о пиратах, пиратской бригадине, алых парусах и прочей дребеденью. Что так? Почему? Я об этом тогда как-то не думал, не размышлял, а жаль, очень жаль. Будь всё иначе, интересуй меня тогда основы высшей социологии и социальной психологии, пожалуй, не было бы в моей жизни этой трудной дороги на Княж-Погост...

Вспоминаю свою затею с «похоронами» гипсового вождя и в сотый, тысячный раз повторяю про себя и вслух: дурак! Какой же я дурак! Какой же я дурак! Какой же я всё-таки дурак! В последние годы, когда волна наркомании захлестнула всю Россию, когда сегодня наркобароны (особенно цыганские бароны) сколачивают при поддержке властей на продаже наркотиков огромные состояния, я всё чаще вспоминаю этот пятилитровый алюминиевый бидон Айшат с курдючным топлёным бариньим жиром. Вспоминаю и ругаю себя за свою идиотскую веру в человека, в гуманизм, в так называемую интернациональную дружбу и единство и за ту простоту русской души, которая хуже воровства.

Идиот, говорю я себе, зачем ты, придурок, вопреки голосу здравого рассудка, взял этот дурацкий бидон у хитрой казашки? Уже тогда можно было догадаться, что не целебный бараний жир был в этом бидоне, а большая партия гашиша, залитая доверху несвежим курдючным топлёным салом! Другой бы на моём месте обязательно справился бы у этой «цыганки-молдаванки» о здравии родственницы Айшат, постарался бы увидеть её и передать лично низкий поклон от родственников из далёкого Казахстана. А я даже не заметил ничего подозрительного в поведении этой пресловутой «молдаванки» из подмосковной Перловки, её нервной суетливости, её крайней, несвойственной южанам негостеприимности. Она, эта цыганка, даже не угостила меня чаем, даже не поблагодарила меня за доставку ценного лекарства! Напротив, она постаралась как можно быстрее выпроводить меня за пределы своей огромной дачи. Другой бы на моём месте это заметил бы, а я не заметил. И поделом мне! Другой обязательно сделал бы для себя полезный вывод, а я нет. Одним словом, я уже тогда был идеальным кандидатом в насельники Княж-Погоста...

До сих пор не пойму, как этот бидон Айши ускользнул от внимания провожающих нас аборигенов, ведь среди них точно были внештатные и добровольные осведомители и сексоты. Неужели тогда меня спас мой ангел-хранитель? Когда об этом думаешь, всегда приходит на ум мистика, которую почему-то не хочется отрицать. Попадись я в то время в лапы органов правопорядка с такой большой партией гашиша, мне бы припомнили многое, и то, что я даже и не мыслил совершать.

Если сегодня за сбыт десяти грамм гашиша дают десять лет лишения свободы в колонии строгого режима, то, сколько бы лет дали мне тогда, в советские времена за перевоз и распространение четырех килограмм гашиша? Или пятнадцать лет, или высшую меру – расстрел в подвалах тюрьмы. Стоило ли мне рождаться в таком случае? И в чём именно тогда заключался бы смысл моей жизни с точки зрения высшего предназначения человека?

Каким я был идиотом таким и остался. Имею ли я право быть свидетелем своей эпохи, кому могут быть интересны мои откровения, показания старого вырожденца, имбецила и недоумка? Никому. Однако я их пишу, так как в своё время обещал это сделать весьма уважаемым людям, я им давал клятву. А раз так, то я не хочу быть клятвопреступником, ибо это хуже измены родине...

Не знаю, может, напрасно корю я себя за своё слепое верхоглядство и затянувшуюся до неприличия социальную незрелость? Ведь откуда мне было знать об изнанке советского общежития в условиях тотального информационного вакуума? Откуда, например, мне было знать, что ещё в конце шестидесятых годов в той же Киргизии в районе Прииссыккуля, открыто и на вполне законных основаниях возделывался опиный мак. В разгар сельскохозяйственных работ на двух тысячах гектаров плантаций мака трудились даже школьники. Возделывался мак самым примитивным способом, охраны и контроля практически не было, воровали опииную маковую смолку все кому не лень, и Киргизия являлась глобальным поставщиком опия на всесоюзный рынок, стране нужна была валюта, миллионы и миллионы долларов.

Уже тогда в Киргизии и Казахстане наркомафия создала себе официальную базу, скупила на корню весь чиновничий аппарат и местные отделения КГБ и в первую очередь милицию. Опиин здесь и марихуана практически ничего не стоили, а в Москве стакан маковой соломки стоил полумесячной зарплаты простого инженера...

В конце «лихих» девяностых годов, по сведениям МВД России годовой оборот наркоторговли составил сорок миллиардов рублей, только одна Москва ежегодно потребляла шестнадцать тонн различных наркотиков.

Почти полвека прошло с той поры, когда моему поколению пришлось многое в своей жизни пересматривать самым решительным образом. Что-то нам удалось переосмыслить и переоценить, а что-то нет. Взять, например, тот же сталинизм и связанный с ним образ Сталина. До сих пор идут ожесточенные споры на эту тему. Идёт этот спор и во мне самом...

Уже давно тема русского абсолютизма, тема тирании стала волновать меня не сама по себе, а только в плоскости социальной психологии, религиозных, морально-нравственных критериев, высшей социологии с её затратной «бухгалтерией смерти», в которой прописано всё до мелочей. Например, во сколько человеческих жизней, и в какую приблизительно сумму (в золотых рублях) обошёлся народу данный вождь, тиран, царь, президент или государственный аппарат, точнее, власть. У каждого из нас свой Сталин, и в каждом из нас его образ периодически меняется, ибо меняется окружающая нас действительность.

Сегодня Сталин для меня – обычный человек, которого на старости лет, немощного и дряхлого, все предали, обманули, оболгали, извратили и отреклись.

Его предали даже те, кого он по-своему уважал и кому в чём-то и как-то доверял. Это и некогда любимая жена Надежда Аллилуева, ставшая лесбиянкой. Это и его «лучший друг», единомышленник и соратник по идее мирового господства Адольф Шикльгубер, легко соблазнённый щедрыми посулами руководителей Ордена Золотого Тельца и предавший Сталина в самый неожиданный для него момент... Гений и злодейство в политике, увы, оказались совместимыми.

Нет, мне не жалко Сталина. Не жалко хотя бы потому, что в тех бедах, которые обрушились сегодня на Россию, виновата отчасти сталинская система, породившая ренегатов и предателей нашей Родины. И сегодня мне абсолютно не жалко всех малых и больших партийных функционеров, убитых по указанию Сталина, ибо то, что они сотворили с Россией и её народом затмевает по своим масштабам все «роковые ошибки» великого тирана XX века.

Мне стыдно за них. Мне стыдно вспоминать их имена, как они быстро меняли свои убеждения и «светлые идеалы, сразу же после смены портретов вождей в своих кабинетах. Кто погубил великую державу, кто убил СССР? Двурешники и перевёртыши со Старой площади с помощью кукловодов с Лубянки. СССР убил его сынок-охранник КГБ СССР, предатель, клятвопреступник и отцеубийца. Как оказалось, именно Комитет Государственной Безопасности был главным кукловодом проклятой «перестройки–катастрофы», именно с Лубянки дирижировали массовыми беспорядками и управляли кремлёвскими марионетками, «просравшими (как сказал когда-то Сталин бандитам-подельникам) государство, завещанное нам Лениным»

Почему спецслужбы, всю жизнь гнобившие всех инакомыслящих и меня в какой то мере, созданные для защиты советской власти и коммунистических идей, стали её палачами и могильщиками? Как и когда произошло перерождение «рыцарей революции» в отпетых иуд с грязными руками, холодным сердцем и головой, занятой мыслями о продаже Родины и «золота партии», организацией оффшоров и коммерческих банков? Каким образом органы государственной безопасности превратились в рассадник государственной измены?

Нет, мне не жалко Сталина. Мне не жалко и его соратников, продолжателей его дела, его слепых почитателей и его врагов. Мне жалко только обманутых, униженных и оскорблённых тружеников, но более всего мне жалко себя и младенцев, которые только что родились на белый свет. Нет, я не романтик, я не мечтатель, не наивный дурак и прекрасодушный идиот князь Мышкин. Нет, нет, я не жалею, что зарыл истукана. Я правильно сделал, что похоронил тогда Сталина. Сталину не место на скотном дворе, но ему нет места и в моей душе...

Да, я умру. Но и король умрёт,
Его проклятьем помянёт народ,
Как я проклял его стихами!

– написал когда-то, кажется в 1952 году, «средневековый поэт Гийом дю Вентре», зэк, внук обрусевшего немца Юрий Вейнарт со своим другом Яковом Хароном, сидельцем сталинского ГУЛАГа, «спецпоселенцем» Нарымского края...

* * *

Протоколы нарымской любви.

СПЕЦСООБЩЕНИЕ

Совершенно секретно. 22 августа 1933 г.

Секретарю Нарымского Округкома ВКП(б).

Настоящим сообщаем, что 29 и 30 апреля этого года из Москвы, Ленинграда и Минска были отправлены на трудовое поселение два эшелона деклассированных элементов. Эти эшелоны, подбирая по пути следования подобный же контингент, прибыли в Томск, а затем на баржах в Нарымский округ.

18 мая первый и 26 мая второй эшелоны, состоя из трёх барж, были высажены на реке Оби у устья р. Назина, на остров Назино против остяцко-русского посёлка и пристани того же названия, Александровский район, северная окраина Нарымского округа. На остров в конце мая было высажено 6074 человека, из которых на сегодня в живых осталось 2200 человек, больше половины которых тяжело больны дизентерией, измождены и крайне истощены. Присланной из Томска на остров ржаной муки хватило на четыре недели, большая часть её насильно изъята у элементов городского типа уголовниками и припрятана на новых трудовых участках, расположенных на реке Назина за 200 вёрст от её устья.

В связи с высокой смертностью контингента острова и острой нехваткой продуктов питания настаиваем на немедленной эвакуации оставшихся в живых элементов городского типа и деклассированных элементов в посёлки других участковых комендатур УНКВД по Западносибирскому краю...

Нач. Нарым. О/О НКВД Я. Мартон

Вр. ОП. Упол. Александро-Вахтовской уч. комендатуры Н. Сатановский.

ПРОТОКОЛ

Заседания коллегии ОГПУ (судебное) от 5 марта 1934 г.

Слушали:... 18. Дело № 3444 по обвинению гр. Клюева Николая Александровича по 58-10 ст. УК РСФСР обвиняемого в составлении и распространении контрреволюционных и литературных произведений...

Постановили: Клюева Николая Алексеевича заключить в исправтрудлагерь сроком на 5 лет, с заменой высылкой на тот же срок, считая с 2.11.34г.

«Согласен» _____ Помощник начальника СПО ОГПУ Я. Горб.

«Утверждаю» _____ Начальник СПО ОГПУ Г. Молчанов.

ПРОТОКОЛ

Заседания коллегии Томского ОГПУ (судебное, особое) от 13 октября 1937г.

Слушали... 65. Дело № 47165 по обвинению особоучётного ссыльного Клюева Николая Александровича по 58-10 ст. УК РСФСР обвиняемого в составлении и распространении контрреволюционных, антисоветских литературных произведений, в личном активном участии в антисоветской церковно-крестьянской группировке

Постановили: Клюева Николая Алексеевича к высшей мере социальной защиты – расстрелу.

Резолюция: Осужден по 1 категории тройкой. Особоучётник. Конец ср. 2.11. 39 г. В дело массовых репрессий.

Справка о приведение в исполнение приговора в отношении Клюева Н.А. «Приговор приведён в исполнение 23-25 октября 1937 г.»

Зауралье. Западная Сибирь. Мрачная география со страшной историей. Безнадёжно огромное пространство, утыканное реденькими, почти голыми сосенками. Здесь много открытых бесприютных пространств. Их трудно назвать полями, это не поля, а просто огромные болотистые куски поверхности Земли.

Кое-где светлеющие берёзовые леса, берёзки кривые, небольшие, измученные жизнью. Потом, за ними опять пустые болотные низины и равнины, пространства на сотни и сотни вёрст. Всё как везде. Унылая местность, безнадёжно низкое пасмурное небо, бедные селенья, скудная природа. Перелески, болота, пустое насквозь продуваемое пространство. Река Обь, посередине реки несколько больших барж застыли в своей вековой дрёме...

Тогоурское отделение великого российского заточения. Нарымский край. Нарымская ссылка.

Глина, суглинки, пески. Пологосклонные возвышенности, между ними бескрайние низины с болотами, неспешно текущими реками и речушками, множеством притоков могучей Оби.

Заболоченные леса, лесная заболоченная зона, переходящая на севере в сибирскую тайгу из ели, пихты, кедра и сосны.

Болотные озёра и торфяные болота, то совершенно безлесные, то подёрнутые редкой щетиной угнетённых, редкостойных, низкорослых, рямовых, поёмных сосен и елей.

Лесисто-болотистая местность, суровый климат с трескучими морозами долгой зимой и тяжёлыми болотными испарениями летом, царство кровососущих насекомых, где нет места и времени для романтических чувств и нежной любви. Чудовищно огромная арена, опасной для весьма хрупкого существования всего живого, жизни. Сибирский реквием, запечатленный скупыми мазками на холсте природы в унылых картинках и образах.

Когда-то здесь отбывали ссылку декабристы, участники двух польских восстаний, народники и соучастники террористов-бомбистов, социал-демократы, профессиональные революционеры и большевики Яков Свердлов и Валериан Куйбышев.

Край крепостей-острогов, глухих прибрежных поселений, посёлков-погостов, чёрные квадраты лагерей и лагпунктов и пересыльных тюрем, чёрными бусинками нанизанные на тонкие нити зимников и русел полноводных рек.

Станция Тайга, посёлок Тайга, Тайга-погост. Большой город Томск, давняя столица этих гиблых мест. Железнодорожный вокзал Томск, пристань Томск, томская пересыльная тюрьма, городская тюрьма, кладбище и отдельно погост, для умерших в неволе или расстрелянных по суду и без суда узников.

Пристань Колпашево, поселение городского типа Колпашево, Колпашево- погост. Пристань Нарым, древняя крепость-острог, Нарым-погост. Рядом с Нарымом вдали от Оби, в глухой тайге среди болот спряталось поселение Каргасок. На севере, вниз по течению при слиянии реки Тым с Обью, стоит пристань Усть-Тым.

Ещё дальше на север, через триста вёрст по течению великой реки стоит пристань Назина, здесь же у слияния притока-реки Назины с Обью стоит поселение Назино и здесь же посередине Оби расположен огромный остров Назин, а на нём сохранился старинный сруб и Назин-погост. Справа от поселения Назина за огромным непроходимым болотом спрятался от мира крохотный посёлок остяков Благалище. Ещё дальше на север, вниз по течению Оби расположена пристань и поселение Александровское и здесь же свой погост, свои безымянные, заросшие клюквой и голубикой могилы-ямы и траншеи.

Издrevле край охотников-звероловов и рыболовов ставший в эпоху гуманизма и просвещения огромным охраняемым загоном для человеческих отар и стад. Несовместимые с жизнью места, гнилые болота, до конца испорченные и в основном нравственно неизлечимые люди, социальные имбецилы, сторожевые псы большевистского ига. Одно из самых мрачных отделений российской Неволи и всероссийского Некрополя под общим названием Княж-Погост.

Пристань Колпашево. Однажды сюда 31 мая 1934 года из Томска на буксире прибыла до предела набитая ссыльными огромная баржа. Она пришвартовалась недалеко от здания Нарымского окружного отдела НКВД, и спецпоселенцы стали сходить на берег. Среди них оказался административно-ссыльный поэт Николай Клюев. Здесь ему по приговору Коллегии ОГПУ предстояло прожить в ссылке пять мучительных лет.

Один из лучших поэтов России брошен в далёкую ссылку – в одиночество, в бездомность, нищету, голод, унижения.

Поэт Клюев оказался здесь по доносам в открытой печати советских литературных критиков Бориса Ольхового и Осипа Бескина из журнала «Печать и революция», которые назвали Клюева «кулацким поэтом и пропагандистом новобуржуазной идеологии». Это так назвать поэта Клюева, чьё творчество изначально, с раннего детства питалось родниками великой славянской культуры!

Сами же братья-писатели заклеили его как барда кулацкой поэзии, как отца кулацкой литературы, изгнали его из своих рядов, все редакции перестали его печатать. Ещё в Москве он вынужден был кормиться за счёт авторской читки своих стихов на чужих сытных застольях, а бывало, что кормился даже божьим именем на церковной паперти...

Цепочка злого политического извета дошла до самого верха, арест Николая Клюева санкционировал сам Сталин. Официальным кругам крестьянский поэт Клюев мешал осуществлять «великий перелом» хребта российского крестьянства – коллективизацию.

Когда Клюев оказался на берегу Оби и осмотрелся, увидел своим зорким и пытливым взором поэта эти угрюмые и неприветливые края, он понял, что до конца срока своего освобождения ему не дожить. Он понял это задолго до личной беседы с начальством поселения, начальником окружного отдела НКВД Мартоном и его заместителем Шкодским...

Почти сутки этапники просидели на берегу под открытым небом в ожидании своего расселения по жилым углам. Но расселяться было негде. Увы, поселение Колпашево было битком набито ссыльными, оно не вмещало их и разрасталось за счёт строительства полуземляных бараков. Не хватало землянок с печным отоплением, не было даже теплых шалашей, ям и глубоких траншей с кровлями из кустарника и хвойных лап.

Сколько суровых сибирских зим сможет пережить в землянке без нормальной пищи, света и скромных удобств городской житель, интеллигент, которому вот-вот исполнится пятьдесят лет? От силы две весны и одну зиму. Свои мрачные наблюдения и горестные заметы Клюев подробно изложил в своих письмах друзьям и близким.

«Ты знаешь, какое здесь царит страшное отчуждение. Здесь все чужие друг другу, и чаще всего, враждебные. Все в поисках жранья, которого нет, ибо Колпашев – давным-давно стал обглоданной костью. Вот он, знаменитый Нарым, думаю я. Безмерно сиротство и бесприютность, голод и свирепая нищета, я уже их чувствую за плечами. Рубище, ужасающие видения, страдания и смерти человеческие здесь никого не трогают. Всё это – дело бытовое и слишком обычное. Я желал бы быть самым презренным существом среди тварей, чем ссыльным в Колпашево. Недаром остяки говорят, что болотный чёрт родил Нарым грыжей...».

Вскоре выяснилось, что даже летом поселение Колпашево оказалось непригодным для человеческого выживания даже на биологическом уровне. К мукам хронического голода прибавились физические недомогания, нервные болезни, страшная психологическая усталость. Здесь у Клюева не было никаких иллюзий по отношению к себе.

Правда, среди обжившихся бывалых ссыльных, старожилов здешних мест находились «утешители», которые утверждали, что Колпашёв – далеко не худшее из мест всероссийского Княж-Погоста. Они говорили, что даже здесь, Нарымском округе, есть места более страшные и жуткие, страшней всех кругов ада, описанных Данте.

Как, например, остров Назин Александровского района, на северной окраине Нарымского округа, названный людьми «Островом людоедов»... По сравнению с Назинским поселением Колпашево – рай Господний, здесь, если не мучиться совестью, не страдать природной скромностью и благородством, уметь вертеться, быть жестким, находчивым, деловым и напористым, можно неплохо жить. Но Клюев знал, что даже в аду чертям, находящимся при деле, имеющим работу, живется весьма неплохо. А ему, больному, оставаться на зиму в посёлке означало верную холодную и голодную смерть. Не было ни одежды, ни пищи, ни денег, ни церковной паперти для милостыни, ни медицинской помощи...

Здесь Клюев, кержак по духу и плоти, на себе испытал самые жестокие игры жизни, их самые бесчеловечные правила, находящиеся за пределами нормального здорового понимания и ломающие механизм основных инстинктов.

Здесь Ключев увидел новую социально-общественную, иерархическую конструкцию, возникшую вопреки всем законам естественного отбора и всему ходу антропогенеза. Здесь Ключев впервые ощутил себя сиротой поневоле, оказавшимся в перманентной школе жизни, в постоянном пребывании между жизнью и смертью, без права на ошибку. Ясно, что в этих играх жизни в одиночку ничему не научишься, здесь учат выживать учителя и наставники поневоле.

Здесь, в великом Заточении, большинство, почти все, вдруг вспоминают своё спасительное животное «Я». Но не всякий индивид берёт на вооружение животные инстинкты, ибо не всякий инстинкт является гарантом выживания, иногда индивиду нужен интеллект и воля. Но при этом здесь никого не утешает высокий духовный уровень человека, оружием которого всегда была любовь к ближнему и всему живому на земле. Ключев сразу же понял, что в этих местах такой человек, носитель любви, является первой жертвой душегубов и убийц с «нормальной психикой и здоровыми инстинктами».

Здесь в Нарымском крае, в Колпашеве, как и всюду, в местах Великого Заточения на многие десятки лет утвердился бесконечный и латентный процесс отчуждения, отторжения и разъединения. О нормальном общении надо было забыть, оно было опасно и даже вредно, любой вид информации надо было получать на подсознательном, чувственном уровне животного мира, на электромагнитном, радиоволновом и химическом уровне. Надо было уметь ловить в болотно-таёжном воздухе сигналы близкой опасности, «запахи» помыслов умышленных убийств и великой охоты. Здесь обычная, нормальная речь становится всего лишь определённым комплексом звуков, выражающих идею абсолютной власти и абсолютного подчинения ей.

Здесь всё живое, в том числе и человек, как и три миллиона лет назад, неукоснительно следует по путям и тропам феромонов и священных химических частиц, чей язык оказался самым первым языком новорождённой Вселенной. Здесь сложно использовать свою веру с выгодой, здесь невозможна спасительная социальная мимикрия без сотрудничества с новой чужой верой, с идеологией насильников нового типа.

Здесь чёрно-белый цвет смерти затмевал все радуги любви. Здесь на каждом шагу возникают всё новые и новые страшные видения inferнальной повседневности. От этих видений некуда было ни спрятаться, ни скрыться, их нельзя было сразу же забыть, ибо ночью они становились сновидениями и продолжали беспокоить человека даже в глубоком забытии.

Только через творчество, через поэзию можно было освободить себя от этих видений, забыть на некоторое время о своих болях и страданиях. Давно известно, что процесс творчества порождает надежды на лучшее завтра. Вот завершу задуманное с божьей помощью, и завтра что-то изменится, что-то произойдёт хорошее и затмит весь этот повседневный ужас, и завтра обязательно начнётся новая жизнь. Но легко сказать, труднее сделать в условиях несовместимых с жизнью, непригодных для выживания на чисто физиологическом уровне. Здесь Ключев не раз вспоминал неистового протопопы Аввакума и иногда даже завидовал ему, Да, сидел великий раскольник много зим в глубокой пустозерской яме, да страдал, покорно ждал смерти. Но были у него среди стражников свои люди, и были братья и сестры по старой вере, они передавали ему бумагу и бересту, перо и чернила, они передавали на волю, распространяли по всей Святой Руси его письма-проповеди и молитвы утешительные...

А у него, поэта Ключева, нет своей глубокой зимней ямы, своего сруба, нет даже скудного пропитания, нет чернил и нет бумаги, за исключением нескольких чистых листков из ученической тетради для писем друзьям и близким. У него нет своих людей среди стражников и носителей местной власти, а друзья далеко, над некоторыми из них уже вьются красные вихри, и красная чекистка Дора вместе с чекистками Верой и Розой готовят им специальные камеры пыток на Лубянке...

И к тому же эти слухи об «Острове смерти» рядом с пристанью Назина, жуткие подробности очевидцев о быте и нравах в поселении людоедов...

И всё чаще мысли о смерти вдали от любящих сердец, о своем безвестном, безымянном месте погребения в общей торфяной яме.

«...Я сослан в Нарым, в поселок Колпашев на верную и мучительную смерть. Она, дырявая и свирепая, стоит уже за моими плечами. Четыре месяца тюрьмы и этапов, только по отрывному календарю скоро проходящих и лёгких, обглодали меня до костей. Ты знаешь, я вообще слаб здоровьем, теперь же я навсегда загублен, вновь опухоли, сильнейшее головокружение, даже со рвотой, чего раньше не было. Поселок Колпашев – бугор глины, туго набитый почерневшими от бед и непогодиц избами, дотуга набитый ссыльными. Есть нечего, продуктов нет, или они до смешного дороги...

Мерзлый Нарымский торфяник, куда стащат безгробое тело моё, должен умирить и врагов моих, ибо живому человеческому существу большей боли и поругания ни убавить, ни прибавить, – писал Клюев своему другу поэту Сергею Клычкову в июне 1934 года.

Однако Николаю Клюеву повезло. Он прожил в Колпашеве чуть больше четырех месяцев. Большую роль сыграла переписка с друзьями-поэтами, жившими в Москве и несколько заявлений во ВЦИК о переводе его на жительство в Томск. Клюеву повезло. Еще был в силе друг семьи Максима Горького Генрих Ягода, генеральный комиссар государственной безопасности, тонкий эстет и знаток русского балета, высокий покровитель деятелей пролетарского искусства и советской литературы. Это друзья-поэты замолвили через Горького перед Ягодой заветное словечко о ссыльном крестьянском поэте Николае Клюеве.

Момент был выбран удачно, ибо в августе 1934 года Генах Гиршевич Ягода возглавил образованный постановлением ЦИК СССР Народный комиссариат внутренних дел СССР, под эгидой которого оказались Главное управление государственной безопасности, Главное управление лагерей и Главное управление рабоче-крестьянской милиции. Что стоило всесильному Ягоде, строителю Беломорканала, изобретателю мощной инквизиторской машины и экономически выгодной системы исправительно-трудовых лагерей, осчастливить больного «юродивого поэта», переместить его поближе к цивилизации с её лязгом железных механизмов, угарным газом и криками маневровых и проходящих паровозов...

Клюева перевели в Томск на самый праздник Покрова Богородицы. Такой перевод он должен был принимать за высочайшую милость и величайшее снисхождение, но, сойдя с парохода на берег в ненастное и студёное утро, он понял, что вторично очутился в ссылке без угла и куска хлеба. Уныло и без всяких надежд побрёл он невиданно грязным улицам неприятного и враждебного Томска. Долго он ходил в поисках жилья, всюду получал грубый отказ, везде его встречал колючий настороженно-враждебный или боязливо-опасливый взгляд. Здесь, как и в Колпашеве, неотступно следовала за ним в драных одеждах, ветхих рубищах свирепая, голодная смерть в окружении глениной свиты – не по его летам разного рода хворей и болезней.

После долгих мытарств, Клюев чудом нашёл себе пристанище в старинном рубленом домике в глухом переулке Красного Пожарника, с кормёжкой за 75 рублей в месяц, в маленькой комнатке среди чужих, равнодушных ко всему и ко всякому людей. По-прежнему преследовали его колпашевские видения, страшные картины падения человеческого духа в смрадные общественные уборные нового коммунального быта. Продолжали болеть суставы, горячо шемило сердце, в минуты волнения холодными струйками сбегал по спине пот, кружилась голова, по-прежнему тоскливо подташнивало.

Но в Томске была больница, даже две, ссыльному Клюеву полагалась по рангу «тюремная больничка», находящаяся на «острожном режиме». В неё Клюев и попал, в эту «трупарню», именно там его хватил паралич левой половины тела, именно так его накрыло старческое слабоумие...

По выходу из больницы он был в марте 1936 года арестован и препровождён в краевое управление НКВД, при котором на улице Пушкина находилась тюрьма и жилой городок работников наркомата внутренних дел. Его обвинили в распространении антисоветских слухов о голоде в Донской области и Украине, в активном участии церковно-крестьянском заговоре против советской власти. Обвинения были абсурдными, ибо основывались на доносах местных недоброжелателей, для которых политический извет стал одним из способов существования.

В начале июля 1936 года больного, наполовину парализованного, крайне истощённого поэта чекисты привезли на телеге обратно к воротам домика Анны Исаевны, к хозяйке, властной базарной бабе, у которой он жил до ареста. Его тут никто не ждал, ибо долго не было денежных переводов из Москвы. Но даже когда Клюеву пришел почтовый денежный перевод, никто не желал ухаживать за ним. Дни и ночи напролёт лежал он в тёмной духоте, давно без бани, изредка подползая к столу, чтобы поесть. Его некому было вымыть, умыть, подстричь, некому было его накормить. Левая, изжёлта-синяя полумертвая рука висела плетью, а на распухшую ногу больно было ступить, она распухла как корчага и тяжело волочилась по полу...

К осени деньги перестали приходить, продуктовые посылки тоже. В Москве и в других крупных городах возникла новая волна террора под грозным названием «ежовщина». Многие друзья Клюева, крестьянские поэты, к этому времени уже были расстреляны, многие оказались в опале, были исключены из Союза писателей СССР по доносам своих товарищей по цеху. Но это ещё не всё. Над прежде всесильным Ягодой, высоким покровителем деятелей советской культуры нависли тучи. Он отстранён от должности наркома внутренних дел и становится наркомом связи

вместо снятого с этого поста Рыкова. Ягодой в ЦК партии не довольны, его подозревают в должностных преступлениях уголовного характера, в создании своего государства в государстве...

Наступила суровая сибирская зима, мороз под сорок градусов. Клюев без валенок, вообще без зимней обуви, ходит в стоптанных ботинках и обмотках, и в базарные дни всё реже выходит за милостыней. А когда выходит, то в основном подают картошку, очень редко хлеб, деньгами от двух до трёх рублей в зависимости от везения, терпения или щедрот подающих...

Одним словом, впереди скорая смерть на морозе. Но это всё-таки лучше, чем быть зажаренным на костре где-нибудь на участке на реке Назине, или превратиться в фарш, в начинку для пирожков в Колпашеве...

Но жизнь много страдающего человека иногда озаряется чудом, судьба посылает страдальцу последние светлые моменты, дарует ему душевный покой и теплоту любящего женского сердца.

Голодного, замерзающего, умирающего Клюева подобрала жительница Томска, славная сибирячка Мария Алексеевна Балакина, в девичестве Маша Зоркальцева. Её дом по Старо-Ачинской улице стал для Клюева последним до смертельного ареста приютом, в котором он смог погрузиться в работу, завершить начатую «Погорельщину» и написать свою самую главную поэму жизни «Песнь о Великой Матери».

Оставался, правда, неосуществлённым ещё один замысел, написать поэму о Великом Голоде, где можно было бы совместить трагедию голодомора на Украине и Дону с трагедией на острове каннибализма.

Где-то за неделю до своего последнего ареста, случился у Клюева очень важный и насущный доверительный разговор с Машенькой Балакиной, своей томской музой и спасительницей. Сама судьба устроила для этого разговора-исповеди все условия. В доме в этот день никого из лишних ушей не оказалось, даже дети Марии Алексеевны – Лиза и Сергей уехали под Томск в село Зоркальцево к родственникам.

В этот июльский жаркий день Клюев был возбуждён, накануне он видел «вещий сон», и ему не терпелось рассказать его Машеньке, услышать её мнение об этом странном сновидении, и, наконец, хоть один раз, никого не боясь выговориться от души, поделиться своими тайными мыслями о пережитом. Никогда, никогда раньше он и представить не мог, что ему придётся жить в обществе, где за иное мнение будут людей преследовать и терроризировать по всей строгости уголовного кодекса, как самых отъявленных злодеев и убийц. Никогда он не думал, что даже за невинный рассказ об увиденных и даже лично пережитых ужасах своей эпохи людей, будут преследовать как политических врагов за клевету на существующий строй.

– Машенька, ангел мой! Вы не поверите, какой чудный сон мне этой ночью привиделся. Чудный и странный. Машенька, вы верите снам?

– Раньше не верила, Николай Алексеевич, а сейчас верю, но не всяким.

– Я тоже. Ведь в сновидениях много греховного мусора, в них мало вечных истин и знаков судьбы. А вот сегодня, Машенька, моё сердечко ёкнуло. Ох, неспроста, думаю, этот сон, неспроста. Вижу, будто много нас поселенцев, очень много, и идём мы все через огромное топкое болото через тайгу к светлой опушке на край земли. Вижу, иду я по водной глади болота как посуху легко и свободно, как лёгкая пушинка на ветру. И со мной поселенцы идут через болото, кто по колено в воде, кто по пояс, кому до подбородка вода достаёт. Да. Вижу, идут они и тонут молча один за другим, и тонут, тонут смиренно и покорно, без криков и воплей, а я иду дальше и дальше, и ничего со мной не делается, и ступни мои сухие и тёплые. И вот уже все утонули, а я всё иду и иду себе дальше на север и на душе у меня светло и покойно. И вот уже водная гладь болота закончилась, и иду я босой по снежной равнине, не оставляя на снегу следов, и радуюсь: никто из солдат охраны не заметит на снегу отпечатки моих голых пяток, ни одна немецкая овчарка не возьмёт мой след.

Не знаю, сколько времени шёл-летел я над снежным саваном земли, однако достиг окаемной тундры, увидел, наконец, на горизонте свой Китеж-град. Но, как увидел, я свою мечту, свою воплощённую в вью грёзу, так сразу и утратил свою ангельскую лёгкость, стал тяжёлым, грузным, стал погружаться в тёплый пушистый снег, а потом вдруг с головой рухнул глубоко вниз, очутился в каком-то уютном, тёплом и надёжном погребке, в родной землянке с печкой и полатами.

Тут я, Машенька, голубица моя ясная, и проснулся. И понял я, что скоро уйду из этого мира, или же мне помогут бежать из него, например, с помощью пули в затылок. Понял я, что мне остается одно: зарыть свои тетради в землю, лечь на постель, сложить на груди руки и помереть тихо и быстро.

– Господи, прости и помилуй! Господи, помилуй и спаси! Что вы такое говорите, Николай Алексеевич. Сколько можно вас мучить? Вы и так испили до конца свою чашу! Никто вас не тронет, ваш срок истекает через два года. Нельзя же судить человека дважды за одно и то же!
– Они всё могут. У большевиков всё возможно! Они на всё способны. Слышал я, что Ежов решил зачистить тех «врагов народа», которых не успел умертвить в своё время Ягода. Но дело, Машенька, сейчас не в большевиках с их нескончаемым террором против собственного народа, дело во мне.

Я не заслужил лёгкой смерти, я недостоин её, Машенька. Мне стыдно, стыдно и горько за себя. Машенька, родненькая, я не тот, за кого себя всё время выдавал! Какой из меня «новокрестьянский, народный поэт»? Какой из меня выразитель народного сознания? Какой из меня духовный наставник и ревнитель старой веры, последователь протопопа Аввакума? Я, Машенька, жалкое ничтожество и самозванец! Я – тщеславный и глупый человек, выдавал за правнука протопопа Аввакума!

– Николай Алексеевич! Вы же сам знаете, что это не так! И все умные читатели поймут, что родство ваше с Аввакумом чисто духовное, – стала горячо переубеждать поэта его томская муза, но Клюев вошел в раж и стал ещё строже разоблачать своё самозванство:

– Гордыня меня тогда искушала, вот что. Я знал, кто я. И пусть в деле у меня записано, что я невежественный сектант, что де у меня низшее образование, но историю раскола я знал хорошо. Читал труды Есипова, дружил с историками. Так вот, сын знаменитого протопопа Аввакума Иван Аввакумов умер в крепости в декабре тысяча семьсот двадцать первого года. Он не имел ни жены, ни детей. В первый раз был арестован по доносу священника как ярый раскольник, был допрошен самим Стефаном Яворским в Приказе церковных дел, там же слабодушно отрёкся от старой веры и от своего отца. Иван дважды давал клятву верности святой церкви и дважды проклинал и предавал анафеме старообрядцев как еретиков.

О чём думал я тогда, когда жил в Петрограде и выдавал себя за поборника старой веры и благочестия, за духовного наставника!? Слепой и глухой поводырь вот кто я. Какой из меня духовный наставник? Я корчил из себя поцелуйного брата, пестуна и учителя Серёжи Есенина, не зная искреннего человеческого языка и чувства. Я оставил его одного в самый страшный для него час, когда стал он своих грехов весь чёрный. Я звал его в свой мужицкий рай, а он в это время ходил в лубянские подвалы смотреть, как дружки-чекисты расстреливают узников и узниц. Я плохо увещевал его, боялся взять все его грехи на себя, боялся, что на меня самого его чернота перекинуться может. Виршеплёт, недоучившийся интеллигент, бездельник, вероотступник и сектант – вот кто я на самом деле. Я наследник носитель семи смертных грехов. Siligia – вот имя моё!

Я плохой поэт, Машенька, лживый, надуманный, юродствующий. Я не поэт с большой буквы, не гражданин и не пророк, я – всего лишь мастер-стилизатор, выбравший себе поэзию в качестве литературного заработка. Я – гнусный предатель своего народа.

Я подло изменил всему крестьянству, когда в восемнадцатом году славил в своих стихах советскую власть, Я прославлял сатанинский «красный террор», называл большевиков святыми мучениками, писал кощунственно: «убийца красный – святей потира». Восторженно принял приход к власти большевиков-чекистов, этих душегубов и великих грабителей России, я считал, о, ужас, началом духовного обновления русского общества, наступлением на святой Руси мужицкого рая.

Я, как Серёжа Клычков и Пимен Карпов, воспринял кровавую революцию как наступление Царства Божьего на Земле, радостно приветствовал свержение самодержавия. Равнодушно воспринял злодейское убийство последнего монарха и его семьи! Дураками мы были, дураками и помрём. А мне, главному дураку, мне нет прощения нигде и никогда, ни на земле, ни на небе!

Машенька, ведь когда я пел осанну большевистским вождям Ленину и Троцкому! Вы думаете, Машенька, я не знал, о том, что они вытворяют с бедным моим народом, и крестьянами? Знал, я прекрасно знал об изуверских убийствах и насилии, об их кровавых мессах и свальном грехе, о половых извращениях, которые оказались намного ужасней походов деторастлителя Гедеонова!

Я знал, как и многие в Петрограде, что зверей в Зоологическом Саду кормили свежими трупами расстрелянных, благо Петропавловская крепость находилась рядом. Я знал, что комиссары скормили зверям в зоопарке труп расстрелянного в ЧК профессора Никольского, и сообщили об этом с хохотком его семнадцатилетнему сыну. Жена «скормленного зверькам» профессора сошла

с ума, его изнасилованная в ЧК дочь повесилась, а сын четыре дня пролежал в бреду, а когда очнулся, то его под угрозами направили во Всеобуч, на всеобщее воинское обучение!

Я знал, что тела своих жертв комиссары пускали, извините меня... на фарш. Знал, как чекисты расстреливали царских офицеров-заложников в присутствии их жён, а после расстрела мужей, молоденьких вдов насиловали в своих кабинетах, а потом «милостиво» отпускали их домой к своим деткам. Я многое знал о комиссарах времён революции. Я знал, что деятели Коминтерна вывозили из России драгоценности в чемоданах и саквояжах, ведрами на вес вывозили в западные банки драгоценные камни! В стране был голод и людоедство, а большевики грабили народ и открывали золотые счета в Лондоне и Цюрихе. Но вместо того, чтобы кричать об этом на весь мир, я писал стихотворный бред и всякую глупость. Я кропал стишки о «беседной избе», разного рода хлыстовских богоматерях, о кормчем мужицком уме, о кряжистой тайге с попугаями и гориллами, вяжущими лапти на купальских берёзках! Господи, Господи! Неужели, Машенька, это я такую чушь накропал?

–Успокойтесь, милый! Они ни одного вас соблазнили и оболгали!

–А мне, что с этого? Я за себя сегодня отвечаю. Я спрашиваю себя, как я смог так глупо, наивно по-мальчишески обмануться?! Кто я сегодня? Выходец из народных низов? Сын сидельца винной лавки, одолённый жаждой «чистой и благородной» литературной работы и жертва тщеславия? Трусливый жалкий графоман? Стихоплёт? «Благочестивый» паразит жизни, обделённый талантом, или честный художник-летописец, живой человеческий документ, способный в ярких формах зафиксировать навек жуткую историю новой России? Кто я? А? Очарованный грёзами келейник или юродивый псалмопевец на сектантском корабле с его радениями и свальным грехом?

Я ни тот, ни другой и ни третий, ибо во всяком моём деле и служении не было истинного самопожертвования. Не было! Была игра в народничество! Грешен я безмерно. Нет мне прощения, мне нечем искупить грехи свои! Не знаю, искупил ли я их своими последними трудами, «Погорельщиной» и «Песней о Матери». Не мне судить, но мне кажется этого мало, слишком мало для того, чтобы войти в число известных последних плакальщиков по поруганной России.

Не могу я причислять себя к числу честных свидетелей эпохи. К летописцам-плакальщикам, ибо язык мой надуманный, сусально-стильный, салонно псевдонародный, лицемерный язык символистов с их идеями мифотворчества. С таким языком только сидеть в лавке дешёвой лубочной литературы и пугать невежд Апокалипсисом. Не впрок пошли мне песенные уроки и грамота маменьки моей Прасковьи Дмитриевны, истинной сказительницы и плакальщицы! Не в толк пошла мне великая мудрость Соловецких старцев! Не в толк! О нашем времени надо писать кровавыми и мучительными словами с великим яростным гневом от своего имени и от имени всех невинных жертв. От имени всех убиенных невинных младенцев. От имени исколотого красными штыками наследного царевича Алексея, от имени расстрелянных за веру в Бога двух двенадцатилетних мальчиков-юнг...

У меня нет, Машенька, таких слов. У меня нет таких нужных художественных средств, чтобы сполна выразить боль всей России и всю боль её больного народа! Я никогда не был посланцем народа и тем более не был правнуком Аввакума. Я не способен на его духовный подвиг. Меня нельзя считать пророком и поэтом, ибо судьба настоящего писателя-пророка – это борьба со своим временем! Я прожил чуть больше полувека, а по сути ничего толкового не сделал, а то, что сделал, оказалось сущим пустяком.

–Довольно, Николай Алексеевич! Не надо ложно обвинять себя! Мы лучше никогда не были, но вполне возможно, что станем. Душа растёт, приобретая опыт. Для таких людей, как мы, давнишняя боль всегда свежа. Вы очень много сделали для русской литературы. В последние годы вы пели песни в неволе на своей, и в то же время, чужой земле. Боже мой, как жизнь прекрасна! Как трудно жить в ней человеку! А взять ваш последний цикл стихов, таких трагических, провиденных, таких пророческих? Это же памятник великой народной боли! Что может быть лучше? Вам грех жаловаться...

– Это всё не то! Не то! Мне уже никогда не написать лучше Ремизова, с его «Словом о гибели русской земли» и «Заповедным словом русскому народу»! Ах, Машенька, скажите, пожалуйста, неужели всё напрасно? Неужели, и я, и все мы, всё наше поколение, вся наша жизнь и наши труды оказались напрасными? Что мне сделать в конце жизни, чтобы отомстить пришлым и доморощенным инородцам за поруганную Родину? Что сделать, чтобы искупить своё предательство, которое хуже Иуды во сто крат? Молюсь перед иконой пресвятой Богородицы, лью

слёзы, каюсь, вопрошая Сына Божьего: «Не я ли, Господи?» Неужели труд души моей был напрасным? Не я ли, Господи, предал себя? Не я ли, Господи, погубил себя?

–Нет, не напрасно. В этом мире ничего не делается само по себе, слепо, безрассудно и напрасно, здесь имеет свою цель и назначение. Пройдёт время, и вас вспомнят. Когда? В конце нашего века. Вы же сами недавно написали: «В девяносто девятое лето заскрипит заклятый замок, и взбурлят рекой самоцветы ослепительно вещей строк».

Меня к тому времени уже не будет, но мои дети доживут до тех дней, когда будет издано полное собрание ваших сочинений. Да! И никакой вы ни трус и ни предатель! Все имеют право заблуждаться. Господь не таких грешников прощал.... Вы смелый поэт, Николай Алексеевич! Это вы не побоялись, находясь в ссылке, в заточении, написать смелые строчки о том, что «Великороссия промокла под красным ливнем до костей и слёзы скрыла от людей, от глаз чужих в глухие топи». Не корите себя, дорогой мой, напрасно, всё будет хорошо. Вам только надо освободиться от мрачных предчувствий и чёрных мыслей, отдохнуть, погулять на свежем воздухе, набраться сил для новой работы.

– Я болен, Машенька, я на грани психического безумия, я давно болен плохо скрываемой гневливой манией. Я давно схожу с ума от этих ужасов. Как можно писать о мерзостях Нарыма, и оставаться при этом ненавязчиво целомудренным? Как можно живописать изнанку жизни высоким слогом, всячески избегая грубого натурализма солёного словца и крепких чёрных слов? Как писать, чтобы не навредить хорошему вкусу?

–А вы об этом не думайте, Николай Алексеевич! Пишите так, как велит вам ваше сердце, оно само найдёт нужный язык. Пишите об эпохе на языке эпохи, и ни капельки не жалеете своих читателей, большинство из них не заслуживают вашей жалости.

–Как же так, Машенька? Как быть теперь нам с традициями нашей изящной словесности, с её примерами и уроками нравственности и морали?

–Вы не в той ситуации, Николай Алексеевич, чтобы об этом думать. О любви пишите на языке философа-поэта, о красном терроре пишите на языке писателя Бабеля, и всё у вас получится. Там будет и жертвенность любви, и плач о поруганной России, и там будут свидетельства о красном Зле, разоблачающие радужные мифы и легенды чекистского владычества.

Вы пишите, а я постараюсь ваши труды сохранить до иных времён. На старую краску ваших икон ещё лягут новые краски, и вместо пугающего беспамятства и загробной мглы, обязательно наступит ваше духовное обновление. Преображение наступит, все мы изменимся. Вы это непременно увидите, Николай Алексеевич, сами увидите!

– Машенька, я боюсь выходить на улицу, я стал бояться людей. Особенно чекистов... и вообще... всякое советское начальство. Это же не люди, это же нелюдь, шайка алчных грабителей, убийц и насильников! Мне страшен этот сатанинский интернационал, я не знаю, куда мне от него спрятаться, – закричал Клюев и отчаянно навзрыд заплакал жалостливо, по-бабьи.

.....
Его арестовали в доме Балакиной в начале июля 1937 года. Волна большевистского террора достигла Сибирского края, и особо уполномоченные местных карательных органов рьяно бросились обеспечивать выполнение указаний «железного» наркома Николая Ежова об усилении репрессий. К моменту ареста Клюева Генах Гиршевич Ягода сам уже сидел в тюрьме под следствием и давал показания по множеству предъявленных ему обвинений, начиная от контрреволюционной троцкистской деятельности, попытки отравить секретаря ЦК Николая Ежова до шпионажа в пользу фашистской Германии.

Новому наркому внутренних дел, «кровожадному карлику» Ежову было поручено повысить эффективность работы органов внутренних дел в проведении массовых операции в отношении бывших кулаков, белогвардейцев, жандармов и чиновников царской России, членов антисоветских партий, участников антисоветских организаций, церковников и сектантов. При Ежове значительно возросла деятельность так называемых «троек», значительно упрощалась процедура осуждения. При Ежове скорый суд вершили не только «тройки», но и «двойки», значительно возросло число смертных приговоров.

Теперь каждый очередной список осужденных «врагов народа» направлялся на утверждение Сталину не позднее чем через день. При Ежове суды «троек» и «двоек» стали соревноваться в эффективности работы, судьбы людей решались с пулемётной скоростью, число осуждённых приговорённых к высшей мере наказания стремительно росло. Расстрельные команды работали с огромной нагрузкой, приходилось прибегать к услугам «добровольцев» из числа материально нуждающихся внештатных доносителей.

На местах, в провинции возникла даже проблема индустриализации методов уничтожения, нужен был «конвейер смерти», инструментарий и новые формы утилизации трупов. И она при Ежове была успешно решена. Она ярко проявилась позже накануне войны с Гитлером в операции по массовому уничтожению в Куропатах граждан, обвиняемых в контрреволюционных преступлениях.

При Ежове ужесточился лагерный режим. Отныне каждый заключённый знал: за три отказа от работы – расстрел. Такая беспощадная кара теперь утверждалась только лагерной администрации и приводилась в исполнение в самой зоне без какого-либо участия судебных органов. В стране в одночасье возник отдельный класс узаконенных палачей, вершителей сотен тысяч чужих жизней. Времена изменились, и то, что можно было при Ягоде, не допускалось при Ежове. «Качать свои права» в лагере для осужденных стало смертельно опасным. За оскорбительные действия, нелицеприятные устные или письменные высказывания о представителях власти, плевки и ругательства в адрес носителей власти, осужденные стали предаваться суду и переводиться в тюрьму с более строгим режимом или в «лагерь смерти», которые значительно снимали резко возросшую нагрузку с расстрельных команд.

.....
В день своего ареста Клюев был тихим и благостным, ничего в эти минуты его не угнетало, он сидел в плетеном кресле-качалке мечтательно смотрел на уходящую в даль Обь. Мария Алексеевна подошла к нему, положила свою тёплую ладонь ему на голову и спросила участливо:

–Как вы себя чувствуете, Николай Алексеевич?

– Отлично себя чувствую, Машенька! Только вот ножками сегодня сильно скорблю! Левая совсем онемела. Но на сердце мне легко, на душе покойно. Вот смотрю сейчас в окно, в даль, смотрю за горизонт в никуда, и вижу там, на краю ойкумены любовь и надежду. И знаете, Машенька, о чем и о ком я думаю? О вас, Машенька, о вас, моя голубица ясная! Вот смотрю я сейчас в даль, и мне хочется от радости заплакать, клянусь вам, люблю вас нездешней светлой любовью, моя божественная...

–Да будет вам, Николай Алексеевич!

–Ах, Машенька, чувствует, чувствует моё сердце, скоро кончится эта Красная Смута и настанет Жизнь. Скоро вернётся тот мир, который у нас когда-то украли красные вороны, и никто не будет преследовать людей за их мечты, мысли и думы...

.....
В томской тюрьме НКВД, которая тогда находилась на улице Пушкина, Николай Клюев в ожидании расстрела промучился четыре месяца. Почему его, как «злостного и стойкого контрреволюционера», сразу же не расстреляли на другой день после ареста? Да потому, что томским чекистам нужны были раскрытия новых антисоветских заговоров, нужны были новые громкие дела. Клюева нельзя было судить дважды по одному и тому же делу, он ещё продолжал отбывать ссылку, срок которой истекал только в ноябре 1939 года.

Больной, парализованный старик категорически отрицал свою «активную сектантскую деятельность и своё непосредственное руководство контрреволюционной деятельностью духовенства и церковником в Нарымском крае». Он без конца твердил о том, что, находясь в ссылке, вёл одинокую, полную лишений жизнь, избегал знакомств с людьми культуры, боясь им навредить, чтобы такая близость и общение не были превратно поняты властями. Чекисты мучили его частными допросами, он стойко переносил тюремные унижения, презрение и хамство своих мучителей. Есть все основания полагать, что не последуй этот последний арест, несмотря на все свои болезни, он мог бы ещё работать и творить, завершить задуманное и выстраданное – мог бы написать поэму о Великом голодоморе на Украине и Дону, запечатлеть в стихах любовную трагедию на «острове людоедов».

В первом протоколе допроса, где он честно признавался в своей острой неприязни к советской власти за её насилие над народом, истекающим кровью и огненной болью, он твердой рукой поставил чёткую подпись: «К сему Н.Клюев».

В последнем протоколе допроса, после четырех месяцев заточения, в подписи поэта нет ни одной прямой линии. Таковую подпись мог поставить любой человек, даже малограмотный мальчик. Такими «подписями» полны многие расстрельные дела времён «ежовщины». Для палачей оставался один выход, пустить Клюева в расход раньше намеченного срока, благо для этого он дал своим палачам удобный случай, когда на последнем допросе проклял поимённо своих палачей вместе с их местными и московскими начальниками – Басовым, Веледерским, Батыном,

Абрамчиком, Кагановичем, Молотовым, Ягодой и Ежовым. Да! Да! Смиранный и богобоязненный христианин не побоялся бросить последний вызов всему воинству Антихриста:

– Вот и настал мой звёздный час, пришло моё время, время отмщения и справедливого ярого гнева. Вот сейчас поставлю свою последнюю корявую подпись, которую может подделать даже ребёнок! Вычеркну из протокола имена невинных людей и прокляну вас, поганых, на вечные времена! Прокляну вас и всё ваше семя гнилое! Предам вас всех заклятию, поставлю вам на лбы вместо ваших масонских красных звёзд свою печать смерти!

Выжгу своим проклятием ваш день сегодняшний и день завтрашний и лишу вас и потомков ваших радости жизни! Прокляну вас и ваших начальников и вождей, живых и мёртвых, ваших людоедов Ленина и Троцкого, и вашего главного бандита и грабителя Сталина и подручных его кровавых чекистов! Всех, всех назову по имени и поставлю свечку за упокой ещё живых...

– Вот гад, как заговорил! Во как ожохла, паскудина старая! Ожохла на вдовьих харчах, осмелел под юбкой у Балакиной! Сколько лет скрывал свою кулацкую суть, вражина! Как его там, в Москве, проморгали? Почему не ликвидировали?

– Молчать, душегубы! Допросы закончились! Хватит убивать во мне человека! Теперь моё слово! Теперь я вас проклинаю, теперь я вас лишаю звания человека! Сдохнете все подлой смертью, все будете жрать кровавую землю! Скоро сожрёте друг друга и подавитесь друг другом! – кричал тонким голос обречённый поэт.

– Товарищ Выгузов! Товарищ Выгузов! Давайте я заткну его вонючую глотку! Что эта старая гадина себе позволяет?! Разрешите, я этого сектанта прихлопну прямо здесь в кабинете?! Какая наглость, совсем оборзела эта старая контра!

– Прокляты душегубы русского народа в домах своих и за порогом! Прокляты красные бандиты людьми и Богом! Проклято семя Сталина и семя Кагановича и семя прочих красных убийц, утробы их матерей, дочерей и внуков! – продолжал бросать в пространство Клюев страшные слова проклятия.

– Зачем грязь разводить? Сверни ему шею, чтобы заглох, а пулю ему в затылок выпустим в подвале. Когда приговор будет написан...

– А ну заткнись, старое падло! На! Получай! Заглохни навек, писака! Мешок вонючий...

.....
В отношении осужденного Клюева томские чекисты приводили приговор в исполнение в течение трёх суток, в справке так и написано: «Приговор приведен в исполнение 23-25 октября 1937 года». По рассказам томских чекистов, расстрелы в тюрьме проводились с часу до четырех часов ночи. Тех, кого везли на расстрел за город, в сторону Каштаковского кладбища, вывозили на телегах или санях по пять человек. Их укрывали рогожами, чтобы не было никому видно, и везли в Каштак, к ямам, где и расстреливали.

Одна яма заполнялась по нескольку дней, справку об исполнении приговора оформляли после того, как зароят заполненную трупами яму. Поэтому Клюев после расстрела ждал своего захоронения двое суток. Двое суток его труп валялся в глубоком, сыром подвале тюрьмы. А потом сбылось его пророческое предчувствие: «...стащат безгробное тело мое в мёрзлый Нарымский торфяник, бросят в общую могилу, зароят в яму, ибо нет живому человеку большей боли и поругания».

Рытьё могильных ям и закапывание трупов было выгодным делом всегда и всюду. Во времена томской ссылки Клюева в ходу была частушка:

Я поеду на Каштак,
На зелёную горку.
Заработаю пятак
Себе на махорку.

Так зарабатывали себе на рытьё общих траншей-могил и на закапывании ям с трупами, а потом пили по-чёрному и веселились...

Через полгода после смерти Клюева, в марте 1938 года будет расстрелян Ягода и многие его сподвижники по «красному террору». Ежовская чистка 1937 года унесёт жизни трёх тысяч сотрудников НКВД, среди которых окажется много руководящих сотрудников «наркома смерти». Пройдёт ещё год, будет арестован в своём кабинете на Лубянке «железный нарком» Николай Ежов, ещё недавно «любимый сын советского народа, верный рыцарь революции, нестигаемый большевик, ближайший соратник великого Сталина».

На рассвете четвертого февраля 1940 года его расстреляют в глубоком сыром подвале Сухановской тюрьмы по приговору закрытого заседания Военной коллегии Верховного Суда СССР. Маленький тщедушный человек будет долго метаться меж четырёх стен, ловко увёртываясь от пуль, визжать и пронзительно ойкавать при каждом выстреле...

Но не все палачи станут жертвами своего режима, многие останутся в живых, будут процветать, делать стремительную карьеру по службе. Многие дослужатся до генеральских погон, станут кавалерами воинских орденов и наград после второй мировой войны. Некоторые «несгибаемые большевики и пламенные борцы» со своим безоружным и покорным народом будут награждены боевыми Орденами Красного Знамени и даже орденом Суворова I степени «за образцовое выполнение специального задания правительства», точнее за тайные и явные убийства инакомыслящих людей, за выселение целых народов.

Орден Суворова – за слёзы обездоленных стариков, детей и женщин, что может быть циничней в отношении памяти великого русского полководца? Почему у такого рода душителей своего народа был такой благостный конец? Почему они до сих пор пользуются уважением и почётом наравне ветеранами-фронтовиками Великой Отечественной войны? Да потому, что в своё время не нашлось таких людей как Клюев, невинно пострадавших и способных мужественно проклясть их, своих убийц и мучителей, хотя бы перед смертью.

Я уверен, что многие чекисты-ветераны не согласятся со мной, назовут эти вопросы риторическими, а ответы на них банальными и наивными. Ну, что же, это их право защищать сомнительную честь забрызганного невинной кровью чекистского мундира. На нём, к сожалению, очень мало крови профессиональных воров убийц и насильников. Но всё же на этом мундире больше крови, таких как Клюев, и ему подобных беззащитных, оболганных и необоснованно репрессированных интеллигентов.

Пройдёт полвека со дня убиения Клюева в Томской тюрьме, и почти все крестьянские поэты будут реабилитированы, в том числе и Клюев. В конце восьмидесятых годов будет полностью опубликована «Погорельщина», а в начале лихих девяностых годов проклятого двадцатого века – поэма «Песнь о Великой Матери».

Пророчество Клюева в отношении своего творчества сбудутся, а вот настоящие читатели и ценители его творчества, увы, исчезнут с лица земли, кто по возрасту, кто от тоски и нищеты, кто от усталости и безысходности, от омерзения к эпохе Золотого Тельца.

Некому будет читать поэмы Клюева, неактуальной станет патриархальная избяная, религиозно-мистическая лирика бывших «кулацких» поэтов, у новой российской элиты войдет в моду салонная, томно-расслабленная, аполитичная поэзия Серебряного века с её изысками и вывертами, красивыми греховными страстями и нигилизмом.

Наследники кровавого троцкизма и большевизма в очередной раз перекарасятся, и примут те ценности русской культуры, с которыми они так беспощадно боролись в течение семидесяти лет. Как хорошо, что Клюев никогда не узнает судьбу общественно-политического строя, который убил его!

Видимо, очень трудно даже после смерти разочаровываться в своих надеждах на лучшее общественное устройство. В самом деле, легче изобрести экологически чистый вечный двигатель, чем справедливое общество, демократический Китеж-град нового типа!

И всё-таки, и всё-таки, чего же не успел из задуманного завершить Клюев? Поэму о трагической любви на острове Назине? Почему эта история его так взволновала после всех испытанных на себе ужасов советского режима? Что там произошло на самом деле, и нужно ли нам сегодня об этом знать?

Как оказалось, кому-то нужно знать страшную правду, а кому-то её знать очень даже не хочется, особенно тем, кто поныне находится в родстве с теми, кто творил когда-то обыденное, каждодневное, пошлое зло, ставшее формой советской социальной нормы.

Видимо пришла пора сказать им прямо в глаза: знайте и запомните навсегда – тот, кто нагадил на стол с яствами на пиру жизни, тот должен обязательно съесть это кровавое гуано, если не сегодня, так обязательно завтра. Хотя бы ради исторической справедливости. Авгиевы конюшни должен чистить только сам Авгий или же его наследники.

Назинская история оставила неизгладимую мету не только у чувствительного фантазёра и романтика поэта Клюева, но и у всех оставшийся в живых, даже у отъявленных, отмороженных рецидивистов-уголовников, выдавших виды на своём веку, а также всех тех, кто являлся невольным свидетелем великого голодомора в 1932-33 годов.

Они прозвали его островом людоедов. Местные остяки усвоили это название, а слух о том, что произошло на этом острове смерти, пошел вниз и вверх по рекам Сибирского края и по всему белу свету. Власть эти слухи расценивала как злостную контрреволюционную клевету и всячески преследовала разносчиков этих слухов, заключала их в концлагеря и в тюрьмы. Поэтому люди неохотно свидетельствовали о Назинской трагедии, никому не хотелось повторить свой лагерный опыт.

Но были и те, кто вполне осознанно и даже умышленно не хотел оказаться в ряду честных свидетелей, ибо часть из них сами принимали прямое участие или косвенное соучастие в творящемся когда-то здесь inferнальном зле. Кто-то был палачом, кто-то помощником и слугой палачей, кто-то сам в ту пору попробовал сладковатой на вкус человечины и навсегда приобрёл странный взгляд...

Ах, какая полная Луна! Как близко приблизилась она сегодня к нашей Земле! Господи, как болит душа и как мучительно не хочется сегодня жить и как трудно быть человеческим.

* * *

Агнешка Нарымская

Это было давно, в Тридцать третьем голодном году. «Это было весной в зеленеющем мае», как поётся в одной лагерной песне. А точнее, согласно архивам НКВД, эта история началась восемнадцатого мая тысяча девятьсот тридцать третьего года, когда на остров Назин прибыла огромная баржа, в трюмах которой находилось около пяти тысяч человек, называемых в сопроводительных документах «элементами городского типа». Эта была первая партия «деклассированных элементов» из Москвы, Ленинграда и Минска, задержанных милицией как беспаспортные граждане, которые были отловлены сразу же после введения СССР в 1932 году паспортной системы. Были на этой барже и отпетые уголовники-рецидивисты, выпущенные на поселение из тюрем по окончании срока бандиты, грабители, убийцы и насильники, подобранные по пути следования эшелона из тюрем Екатеринбург, Златоуста, Тюмени и Омска.

Как потом выяснилось, поселенцев не так измотал сам долгий этап, как жуткий производил уголовников-рецидивистов, творимый ими в трюме баржи по пути следования из Томска. На поселенцев, выползающих из трюмов и бредущих по шатким трапам на берег жутко было смотреть. Особенно на стариков и женщин, самую незащищённую часть насельников великого советского заточения.

В тот год с голодной Украины и Северного Кавказа толпами бежали люди в центральные города страны и на большие стройки, в поисках работы и куска хлеба. Откуда у беглых могли быть паспорта? Даже справок ни у кого не было. А у тех, кто не имел паспорт, живя в городе, тоже были веские причины его не получать. Далеко не каждому хотелось раскрывать свою биографию, родословную и социальное положение, и сразу же и становиться изгоем в новом социалистическом обществе.

Когда их отправляли на сибирское поселение, перед погрузкой в эшелоны, им обещали трудоустройство и относительно сытую жизнь. Но когда они высадились на полупустынный остров, когда вдохнули в себя таёжный влажный и плотный воздух, когда огляделись, то поняли, что их зло и крепко обманули. Вскоре выяснилось, что в Томске, где их из эшелонов загнали в глубокий мрачный трюм, работники хозяйственного НКВД забыли погрузить на баржу продукты питания.

Люди заволновались, стали требовать пищу, но охранники их быстро успокоили ударами прикладов и выстрелами в воздух. На второй день после прибытия первого эшелона, 19 мая, на нежную первую траву выпал снег, поднялся северо-восточный ледяной ветер, к утру ударил мороз. Голодные, истощённые, измученные долгими этапами люди, без крова, без плотницких инструментов, без лопат, кирок и ломов, не имеющие трудовых навыков, очутились в безнадёжном и безвыходном положении. К голоду добавился холод.

Они, как овцы, стали сбиваться в отдельные группы, прижиматься друг к другу, каждый старался попасть в тёплый центр человеческого роя. Чтобы не погибнуть от холода, они стали жечь костры, сидеть, лежать и спать у огня. Кто был нормально и тепло одет, тот бродил по острову, искал под ногами что-нибудь съедобное, ел мох, гнилушки и кору... Трое суток никому никакого питания не выдавалось, продукты питания были только у начсостава и у охранников. За хлебом в Александрово-

Вахтовскую участковую комендатуру был отправлен катер «Быстрый», но путь его был нелегким и долгим, ибо на Оби лед едва тронулся.

Люди стали умирать. Они заживо сгорали у костров во время сна, умирали от истощения, от разных болезней, особенно мучительными были страдания от холода. Один из поселенцев, в прошлом гимнаст и канатоходец бродячего цирка разулся и ловко как обезьяна взобрался на самой высокое дерево в огромное дупло и вскоре погиб там от холода, на глазах у людей, которые не могли достать его, у них не было ни топоров, ни лестницы. Ссылные монашки-катакомбницы за этот самоубийственный поступок нарекли его вторым святым Симеоном Столпником...

Когда на третьи сутки выглянуло солнышко, бригада могильщиков смогла закопать только триста трупов, остальные полторы сотни оставили на другой день...

И не потому, что похоронная команда выбилась из сил, а потому, что не хватало кирок и лопат. Для рытья могил пришлось снять весь шанцевый инструмент с общего пожарного щита, а также пожарное ведро, в котором можно было кипятить воду. За кипятком выстраивалась длинная очередь, чтобы за определённую мзду пригубить несколько глотков прямо из ведра. У спецпоселенцев не было кружек, мисок, фляжек, не было ни ведер, ни кастрюль, ни бачков. Все ёмкости, фляги и бочки из-под краски, керосина и бензина, железные консервные банки были давно подобраны на свалке и стали собственностью уголовных авторитетов.

Вся рухлядь, ветхая и негодная, всё выброшенное за ненадобностью на свалку, приобрело вдруг особую ценность. Нашли применение даже разбитые деревянные ящики из-под махорки и дегтярного мыла, а также дубовые и берёзовые бочки из-под солёдки и солёных огурцов. Даже ржавые гвозди, обрывки тонкой стальной проволоки и крепёжные полоски из жести – всё нашло себе применение в скудном хозяйстве рачительного поселенца.

Обладание любым металлическим предметом, колющим и режущим инструментом давало некоторые шансы на выживание. Те, кто остался ни с чем, самые сообразительные и находчивые, пытались сделать инструмент из острых камней, найденных на берегу Оби, и оленьих рогов.

Эти примитивные орудия труда, острые кости животных, каменные рубила, топоры и мотыги плохо держались на деревянных ручках, верёвочные крепления рвались во время рытья нор в глинистых обрывах восточной стороны острова. Каменные орудия приходилось держать в руках, ломая ногти и сбивая в кровь пальцы. Многие, кому удавалось вырыть в плотной глине свою нору, обессиленные изнурительной работой в ней и умирали. Вскоре на острове началась настоящая война за жильё, побеждали, конечно же, сильные индивиды.

Поэтому похоронная команда острова изначально была на особом положении, ибо она имела шанцевый инструмент, а значит постоянную работу и положенный за это один килограмм хлеба. Кроме этого, работник похоронной команды, за которым был персонально закреплён шанцевый инструмент, лопата, лом или топор, мог рассчитывать на прибавку к пайку, сдавая свою лопату, лом, или кирку-мотыгу в аренду на ночь тем, кто хотел обзавестись собственной норой, или удобной землянкой.

Лето в Западной Сибири было коротким и прохладным, в июне ночи были ещё холодными и росными, по утрам часто случались даже заморозки, а днём, когда воцарялась влажная жара, неистовствовали комары и слепни, таёжный гнус и оводы. Единственным спасением от холода ночью, а днём от кровожадных насекомых была землянка или рукотворная пещера.

Ржаную муку в мешках и молотую каменную соль в двух кулях на остров привезли только на четвёртый. Её начали раздавать по несколько четырёхста грамм в одни руки. Люди тут же бежали к реке и в шапках, фуражках, галошах разводили болтушку. Многие глотали одну муку, задыхались и тут же умирали от удушья. Заходясь в страшном кашле. Лежавшую в мешках под открытым небом муку, комендатура острова приказала зарыть в землю, ибо много её испортилось во время дождей, много было разворовано, много муки было затоптано в землю во время штурмов голодных людьми мучного склада. Охранники разгоняли голодных людей выстрелами в упор, но на следующий день всё повторялось снова, люди опять шли на штурм мешков, не боясь ни ран от пуль, ни смерти.

Официально раздача муки велась один раз в сутки, ровно в полдень, но раздавать её в порядке живой очереди даже не пытались. Сваливали мешок на землю, и голодные люди набрасывались на него как на тушу убитой свиньи, раздирая мешковину в клочья.

В жуткой давке, завываниях и оре, слабых затаптывали насмерть и калечили, выдирая друг другу глаза и раздирая рты и уши. Но и здесь жизненно важную роль опять сыграл интеллект и практическая жилка «деклассированных элементов» – те поселенцы, кто вместо муки сумел в шапку или в подол платья набрать много соли, те в скором времени выиграла, ибо скоро соль

стала дороже золота. Соль стали менять у блатных на хлеб, на обувь и одежду, на ту же самую махорку и хозяйственное мыло.

Но всё равно, хотя жизнь стала налаживаться, входить в своё русло, смертность на острове оставалась высокой, одной из причин были крайнее истощение, дизентерия и другие болезни. Участились побеги, скоро они приняли массовый характер, люди бежали, в чём были, в тайгу, плыли на плотках, тонули в болотах, погибали или возвращались назад. Кто-то из поселенцев пустил слух о том, что в Москве решено истребить в срочном порядке весь деклассированный элемент под корень, всех до одного. Ситуация стала неуправляемой.

На острове возникла анархия. Нужно было срочно наводить порядок и дисциплину, ибо наступила «трудовая вахта», высшее руководство требовало выполнения и перевыполнения утверждённых производственных планов и трудовых рекордов. Весь контингент из десяти тысяч человек был разбит на трудовые ударные бригады, во главе которых непременно стояли бригадиры, все из отъявленных уголовников. Был определён режим работы поселенцев по отрядам, но реальный режим и распорядок трудового дня складывался не по утверждённому расписанию, а в зависимости от выполняемой работы.

Несмотря на расстрелы нарушителей режима на месте, и показательное перевоспитание «элементов городского типа» палками и прикладами винтовок, на острове продолжали возникать мародёрские банды и шайки.

В конце мая началась «разгрузка» острова от излишков рабсилы, началась отправка людей на «производственные участки», точнее в места, отведённые под посёлки по реке Назина за двести вёрст от устья, куда надо было подниматься против течения на лодках. В связи с этим остатки ржаной муки были розданы бригадирам-уголовникам, которые присваивали мешки с мукой, прятали её в лесу, а бригада оставалась без пищи.

Вначале изредка и украдкой, в укромных и глухих местечках острова, а затем повсеместно и открыто началось людоедство, предваряемое мародёрством. Началась охота за девушками и молодыми женщинами, появились тайники, в которых хранились мешки с мукой, бочки и ящики с человеческой солониной.

.....
Двадцать шестого мая в Назино прибыла вторая партия спецпоселенцев, весьма разношёрстная по составу. В ней был довольно странный контингент, в основном, лица, осужденные на поселение за антисоветскую агитацию и за распространение клеветнических слухов об ужасах коллективизации и о голодоморе, нарушители паспортного режима, беглые кулаки и середняки, лица без определённого рода занятий, скупщики краденого, спекулянты и около трёх десятков монахинь русской катакомбной церкви.

По документам во второй барже было всего одна тысяча сто семьдесят человек, в четыре раза меньше, чем в первой партии, но люди в ней выглядели также чрезмерно измученными. Каждый этап осужденных бывает по-своему трудным и мучительным, ибо нет, и не может быть, лёгких этапов в товарных вагонах и в тёмных, наглухо задраенных, трюмах барж.

Но в этом далеко не лучшем из миров иногда бывают исключения из мрачных правил, которые иначе как чудом не назовёшь. Бывает иногда, разорвется на миг над головой серый небесный, низкий полог, и вспыхнет земля под ослепительным лучом живительного солнца, и отляжет тоска от сердца и мелькнет светлая мысль: жить ещё можно!

Так и на сей раз. Мелькнула над чёрной баржей белая голубица. Из чёрной, угрюмой людской ленты, змеёй сонно сползающей на берег, встречающим аборигенам бросилась в глаза стройная фигурка рослой девушки в белых одеждах. На ней была суконная, отрезная по талии белой свита, бежевого цвета овчинный, приталенный кожух, зимние изящные ботиночки на стройных ножках и полотняная вышитая намётка, искусно завязанная на русой головке. Девушка была ослепительно красива своей славянской красотой. Таких красавиц Сиблаг давно не видал, такие дивы не бывали здесь ещё со времён восстания декабристов.

Поражало её лицо, светящееся, доверительное и немного наивное, улыбка не сходила с её светлого личика, но улыбка её была странной. Это все заметили, заметил эту странную улыбку и юный конвоир островной охраны Костя Веников, и сразу же потерял голову. Он твердо решил, что эта девушка будет его, что он никогда не позволит ей умереть здесь от холода и голода, не позволит ей стать на острове обычной «марухой» и «шалашёвкой».

Настоящая, целеустремлённая, неведомая раньше страсть охватила молодого крестьянского парня. Страсть, которая у многих его сослуживцев пахла кровью и влекла к насилию и грязному, слепому поруганию, у Костика стала сочетаться с теплом и нежностью к девушке, от которой

исходило какое-то волшебное сияние. Её манящая улыбка сводила его с ума и, конечно же, являлась верным признаком божественной красоты.

Во время распределения новичков по рабочим бригадам, Костя постарался зачислить эту девушку в «хозобслужу», в самую крепкую и относительно благополучную восьмую бригаду. Там он около бригадных шалашей и познакомился с ней:

– Эй ты, девка! Эй ты, краля, в белой свитке! Иди ко мне!

– Уже приплыла. Чего тебе надо, солдатик мой оловянный? Что так острым взором меня пронзаешь?

– Откель будешь, красавица? Как зовут?

– Вчера была Агнешкой Новогрудской, а ныне стала Агнешкой Нарымской. Вчера у меня родной маткой была Польша, а крестной матерью Беларусь, сегодня же злым отчимом мне стал Нарым. Вот так, солдатик!

– А я Костик Веников. Рязанский я. А здесь служу по заданию партии. Через полгода уеду отсюда на учёбу в Москву. Скоро курсантом буду, потом офицером стану...

– Веников, Веников – объелся вареников. А чекист Банников – объелся драников, – звонко рассмеялась Агнешка.

– Ты чё все время лыбишься? Ты чё всё ржёшь как нежеребая кобылка? – обиженно спросил Костик.

– А, зачем мне, солдатик, кручиниться, зачем слёзы лить? Я никого не убила, хлеб ни у кого не отбирала? Это меня ограбили, сиротой сделали. В чём же мне каяться, за что страдать? Каждая слезинка, солдатик, отнимает у человека одну неделю жизни. А у насильников от невинных слёз только жила пухнет и ярость прибавляется. Улыбаюсь, оттого, что пока живу, пока свет божий вижу. На том свете будет только плач и скрежет зубовный...

– Тебе сколько лет от роду?

– Семнадцатый годок пошёл, солдатик. А чего?

– А того, что ты, хоть и зрелая девка, а на самом деле форменная дура. Глупая ты, Агнешка, глупая овечка. Скоро ты услышишь на этом острове и скрежет зубовный, и хруст костей. Давай лучше дружиться-любовиться, я не позволю никому обижать тебя. Буду подкармливать тебя...

– Мне выгодней, Костик, с твоим начальством миловаться-целоваться, у начальства паёк больше твоего будет...

– Ещё раз, дура! К моему начальству, таких овечек как ты, к заходу солнца целая очередь стоит. Всем кушать хочется, они на всё согласны. Они согласны дать даже за две горсти муки, за две щепоти махорки. А у тебя, скажи овечка, у тебя, что она, твоя хава, с золотой каёмочкой? Да?

– А может и так. Может я заговоренная. Вот на барже пока плыли сюда, урки над всеми бабами молодыми надругались, а меня и моих двух этапных подружек не тронули, даже подкармливали всякой всячиной, какую у мужиков-кулаков отняли...

– Урки, Агнешка, ничего не делают человеку просто «так», за спасибо. Они из тебя скоро вышибут должок. Это у них до тебя и твоих подружек очередь не дошла. Берегут урки тебя, Агнешка, оставили тебя в целости и сохранности на завтра-послезавтра как сладкую загладочку. Как самую лакомую конфетку...

– Может и так, Костик, но я себе цену знаю. Полная тарелка драников на масле и со сметаной – вот моя цена! И чтоб так было каждый день...

– Какая же ты дура, Агнешка! Да кто же тебе на этом острове нажарит полную сковородку драников?! Здесь даже сковородок ни у кого нет! Здесь люди умирают с голоду уже третий день! Завтра тебя любой урка силой возьмёт и по кругу пустит. И никуда ты не денешься. А пожалуешься начальству, так оно само тебя вечером на вахте тоже по кругу пустит! Здесь не любят жалобщиков и тех, кто права качает, – занервничал Костя Веников.

– Мне надо осмотреться, Костик, надо подумать, прикинуть, что к чему. Завтра приходи сюда опять, может у нас кой что получится, заварим с тобой любовь-морковь по-сибирски. Только с едой, Костик, не жадничай, ладно? Приходи ко мне, серебряный ты мой! – наконец, сдалась Агнешка, и звонко рассмеялась.

– Поцелуй меня, Агнешка, – робко попросил Костик и потянулся к девушке, пытаясь её обнять за талию.

– Э, нет, золотой мой, солдатик! Завтра, завтра, – тихо проговорила Агнешка, на лице её играла та же неизменная странная, нездешняя улыбка.

Но девушка не стала дожидаться следующего дня, она пришла к Костику в этот же день вечером. Она была напугана, на её лице блуждала растерянная жалкая улыбка. Ей достаточно было двух

часов, чтобы узнать истинное положение дел на острове. Ей хватило одного рассказа поселенки из первого эшелона Таисии Меньшиковой, чтобы трезво осознать своё истинное положение, а когда она лично увидела людей, которые ползали по земле и щипали траву подобно скоту, когда увидела висящие на деревьях тряпки с вяленным человеческим мясом, у неё не осталось никаких иллюзий.

Да, к сожалению, Костик был прав. Он не врал, когда рассказывал Агнешке о быте и нравах, царивших на острове Назине, о беспредельном терроре уголовников и охранников поселения. Оказавшись на острове, люди, нарушители паспортного режима, попали под двойной пресс, избежать которого могли только единицы, способные забыть всё божье и всё человеческое.

Уголовники терроризировали людей ещё в баржах, насилуя женщин, срывая с них украшения, отбирая у трудпоселенцев хлеб, одежду, избивая их и убивая. Здесь же, на поселении, открылась настоящая охота за теми, у кого были деньги или золотые зубы, коронки из жёлтого металла. Их владельцы становились жертвами бандитов, могильщики не успевали зарывать трупы с развороченными челюстями, на острове всё чаще находили мёртвых с открытыми ртами и полными предсмертного ужаса глазами, устремлёнными в небо...

Алчное мародёрство захватило некоторых охранников, в том числе и взводного, отличника боевой и политической подготовки Костика Веникова. Он сам и его сослуживцы скупали за хлеб и махорку золото и одежду, а при случае, во время облав и преследований беглых поселенцев, сами выдирали золотые коронки у смертельно раненых или уже убитых людей. Для этого каждый уважающий себя добытчик-«старатель» всегда имел при себе столярные кусачки.

Скоро на острове возник «чёрный рынок» и установились свои цены, которые росли с каждым днём. Новое платье или костюм стоили полбуханки хлеба или пачка махорки. Пачка моршанской махорки стоила триста рублей, два золотых зуба или четыре коронки. Сексуальные услуги девушек, молодых женщин и вдов были очень дешёвыми, или ничего не стоили. Их оплата зависела от щедрости клиента: это мог быть один ржаной сухарь, или одна мармеладная конфетка в сахаре, а чаще всего – покровительство на ближайшую перспективу, защита от посягательства других агрессивных самцов, любителей дарового свального греха.

Очень плохо пришлось тем поселенцам и поселенкам, которые оказались на самых дальних по реке Назине производственных участках. Так, из сотни поселенцев тринадцатого участка остались в живых к началу июля только бригадир и его двое подручных уголовников. На пятом участке из восьмидесяти поселенцев осталось двенадцать, и всё потому, что там были съедены все молодые девушки.

В конце концов, отдалённые участки были признаны «неперспективными», и трудовых переселенцев стали перемещать на новые места, вниз по той же реке, ближе к устью, в места впадения её в Обь. Теперь при формировании новых бригад, начальство старалось не включать в их состав девушек и молодых женщин, чтобы не портить и без того мрачную статистику «естественных трат».

К строительству на острове полуземляных бараков, вошебок, прачечной, уборных и бань приступили только во второй половине июля. Именно тогда когда на катере «Быстрый» был доставлен шанцевый инструмент, продукты питания и несколько четвертей спирта, купленных в Нарыме за снятое с мертвых золото. Спирт и два ящика водки предназначался в «лечебных целях» для начальства поселения и конвойной команды, а также для бригадиров ударных бригад в качестве поощрения. Для хранения и выдачи инструмента приспособили старый покосившийся сруб времён царя Петра Великого и почему-то называли этот обычный хозяйственный блок «спецмастерской», может потому, что там вскоре наладили ремонт старой посуды и разных емкостей и на куске старого рельса выпрямляли гнутые гвозди?

Общественную баню построили где-то в конце июля, тогда же на остров были завезены, шайки тазики и корыта, но в ограниченном количестве, был установлен также график помывки поселенцев. Баня нужна была в первую очередь, без неё нельзя было соблюдать на поселении необходимые санитарные условия, от людей и исходило стойкое зловоние, особенно страдали женщины. Помывочно-банный день считался выходным – один раз в десять дней. Первыми баню приняли поселенцы из похоронной команды и хозобслуги, бригадиры рабочих бригад, женщины-прачки и девушки из солдатского борделя, а за ними пошла в баню остальная рабочая сила поселения. Монашки в графике помывки оказались последними, их баннным днём оказался четверг. Увы, их первая помывка, первый «чистый четверг» был омрачён налётом бандитов.

Шайка урок ворвалась в баню и стала срывать с голых монашек золотые и серебряные крестики и драгоценные медальоны с ладанками. Воровской улов уголовников оказался на их взгляд

незначительным, и они озверели. Некоторые из них стали насиловать монахинь после помывки на глазах у девушек из солдатского борделя.

С тупым безучастием смотрели девушки, уставшие от лагерной жизни, и от жестоких ласк звероподобных мужчин, на мерзкие сцены насилия над сёстрами во Христе.

Конвоиры, охранявшие баню, не препятствовали этому налёту, они давно относились к насилию над женщинами как к чему-то неизбежному и привычному. Никто не вступился за монашек. А жаль. Жаль потому, налёты и надругательства над молодыми монашками приобрели регулярный характер, и стали главной забавой уголовников-рецидивистов. Ко всему прочему, начальство поселения смотрело на эти «забавы» сквозь пальцы, оно не поощряло их, но и не препятствовало им. И случилось то, что и должно было случиться. Случилось ЧП. А жаль. Жаль потому, что это дело получило огласку и дошло до самого товарища Сатановского. Костя запомнил этот случай на всю жизнь, сделал после этого для себя вывод, что во всём надо знать меру и соблюдать границы дозволенного, что есть вещи, которые в любом случае недопустимы, например, святотатство, кощунственное надругательство над верой. Костик помнил ещё с детства, что при царе за осквернение храма святотатцев заковывали в кандалы и отправляли на каторгу на целых двадцать пять лет без права помилования...

Что скрывать, охрана поселения так же быстро одичала на острове, как и деклассированный элемент городского типа, точнее, его «элитная», уголовная часть. Конвойную команду, как и урок, отъездивших на пельменях и пирожках и с человечинной, стала одолевать беспросветная скука, жажда острых ощущений и забавных зрелищ. И это закономерно. Это характерно для любого людского сообщества. Требование плембса: «хлеба и зрелищ!» стало актуальным и на острове Назине. А как можно жить полноценно без хлеба и зрелищ? Ведь культурная жизнь на острове полностью отсутствовала. Кроме газет недельной давности, здесь не было никакой печатной продукции – ни книг, ни журналов. Единственное карманное Евангелие, изъятое охраной у одной монашки, активной пособницы членов религиозно-монархического заговора, и то было прилюдно сожжено на площади у здания комендатуры ротным командиром Фёдором Выгузовым.

За всё время существования поселения на остров ни разу не приезжала кинопередвижка, и никогда не стоял у причала агитпароход Томского отделения культпросвета. Может быть, поэтому вечерние помывки монахинь в бане стали главным видом досуга, как охраны, так и скучающего уголовного элемента, так сказать весомым довеском к игре в карты под деньги и под кружку венозной крови. Как бы там ни было, но скоро просторный предбанник стал своеобразным клубом со своей сценой, без реквизита, своими актёрами в костюмах Адама и Евы и своими зрителями, сидящими на длинных скамьях в обнимку с винтовками. Помывку «божьих овечек» ждали с нетерпением.

Накануне очередной помывки монахинь, урки в ожидании очередного спектакля оживлялись и дурашливо спрашивали самозванных актёров-любовников: «Ну, что, корешки, вы готовы монашкам мочалки мылить?». «Всегда готовы!» – бодро отвечали исполнители главных ролей, старожилы Златоустовской тюрьмы Ванька Хряк и Петрик Колтун.

Оживлялись и свободные от несения службы и конвоиры, смеялись задорно: «Айда, ребята, на бесплатное кино сеансы ловить! Сегодня сам Ванька Хряк выступать будет!». Смеялись сытно и шли в баню в предвкушении острых ощущений. Пошёл в баню и Костик Веников, а почему бы ему не пойти вместе с товарищами по нелёгкой службе. Смотреть на забавы урок никому не запрещено, главное в этих забавах не участвовать, не опускаться до уровня преступников и отморожков! Костик не такой, у Костика настоящая любовь, и Агнешка не такая как все эти шалашовки-поселенки, и эти тёмные и постные монашки, у которых, так сказать, ни кожи, ни рожи! И притом, убеждал сам себя Костик, Агнешка оказалась здесь случайно, по злему доносу, из-за недоработки минской милиции.

В тот злосчастный четверг ничто не предвещало беды. Всё шло по хорошо накатанному сценарию. Герои-любовники, как всегда были в ударе и в подпитии. Как и в прошлый четверг, они, с весёлой руганью, вытолкнули из моечной залы в предбанник четырех самых молодых и приятных на внешность монашенок, и расставили своих невольных партнёров на исходные позиции. Одна пара, как всегда, должна была начинать первой этот очередной шабаш, а другая пара – исполнять церковное песнопение в ожидании своей очереди во втором акте. Но на этот раз Ванька Хряк решил внести в свой спектакль новое, так сказать, идеологическое содержание с ярко выраженными мотивами антирелигиозного содержания. Для этого Хряк, кроме роли героя-любовника, взял на себя роль конферансье, методиста и лектора.

– Уважаемые зрители, ласково просимо вас на наш вокзал! – обратился Хряк к сидящим на лавках конвоирам, сделав низкий поклон, – Уважаемые зрители, посмотрите, пожалуйста, на этих вот квёлых и несознательных гражданок! Скажите мне, кто сейчас маячит перед вами?

Балдырки и бики, шумели и борохи, забавы и зажигалки, вороны и гагары из клёвой бухты, от которых нам всем один сплошной бахт и балдёж? Или перед нами стоят на цырлах безули, кале, жиронды, ласточки, писанные ракли, ярые зашелки, способные любого замарьяжить, стать вшендячкой, в которых можно въебуриться, втюхаться, ловить кайф и тащиться всю ночь?

Нет, перед вами, граждане ни, ни сё, перед вами невесты христовы. Перед вами жмутся сухие воблы, молодые Дуньки сознательно ставшие по своей дури корзинами на тонких ластвах, с паклями на кумполах, сухими матрасами и вислым гузном, и блеклыми максимами, с хилыми бугорками вместо сисек. Кто из дубаков, фраеров и кротов земляных позарится на них? А? Кто? Никто! В этом вся хитрость наших монашек, как только дотронешься до мочалки, так у них всегда находится любая откорячка. В то время, когда все советские женщины доблестно сражаются на трудовом фронте, умудряются ублажать своих мужиков, рожать и растить детей, эти, извиняюсь, лахудры и лентяйки, отказались от своего женского счастья, от чадородия, всячески умерщвляя свою плоть, организм так сказать, ради какого-то небесного жениха! Это форменное безобразие и дремучая классовая несознательность! Сейчас мы займёмся перевоспитанием этих несознательных гражданок через постановку антирелигиозного спектакля в двух актах, извиняюсь, в двух частях, потому, актов, ха-ха-ха! – будет много! Это я с моим верным корешем Петрухой вам гарантируем. Этим чувырлам надо помочь ощутить жизнь как радость. Сейчас мы вам, граждане, покажем процесс сотворения довеска, так сказать, момент зачатия кавы, а опосля, во второй части, покажем обряд причастия через вкушение плоти...

Вступление Хряка сразу же настроило зрителей на весёлый лад, и они громко захлопали в ладоши, застучали по полу подошвами сапог. И Хряк принялся за работу. Он приказал двум запасным монашкам петь молитву «Богородице Дева радуйся... благодатная...» Но монахини не стали петь, а продолжали мелко и часто креститься и чуть слышно шептать спасительные молитвы. Тут Костику стало ясно, что действие начинается не так, как надо, не так, как замыслил его главный режиссёр Хряк. Но тот был настроен решительно, выдернул из четвёрки голых монашенок одну, светленькую, хрупкую похожую на подростка, и спросил грозно:

– Тебя как звать, овца?

– Раба божья Ольга, – прошелестела чуть слышно та, стыдливо прикрывая своё лоно.

– А меня Ванькой кличут. Сейчас Ольга я буду для тебя в трёх лицах, буду твоим бугаем, братом и богом! – загоготал Хряк и ловко разделся, обнажив все свои диковинные татуировки с изображением Ленина, хищных животных на груди и животе, куполов церквей с крестами, змеями и драконами на спине.

– Сколько лет тебе, Ольга?

– Осьмнадцатый годок пошёл...

– Ништяк, в самый раз! Небось, ещё ни разу не зрела голого пахана? Тогда смотри, смотри на мой штопор без винта! Распахни свои зырки, готовься к первому заходу, губася! Что обхезалась? Смотри только не вольтанись!

– Ради Христа, отпусти меня, добрый человек...

– Отпустить? Куда? В клюкву к попам? Так их тут нету, а в бордель тебя конвой не отпустит! У меня не соскочишь, в динамо не сыграешь! – взвизгнул Хряк и схватил Ольгу за мокрый пук волос: – Повернись ко мне задом! Раздвинь ластвы! Быстро нагнись к полу, сделай низкий поклон! Стой раком и не трепыхайся! Раздвинь своё гузно, чтоб люди твоё лукошко увидели! Покажи свой ландыш. Щас я тебя иметь буду! Радуйся раба Ольга, благодатно чрево твое. Ну, сука, давай молись, Молись громче, сука! Проси свою богородицу о чадородии. Радуйся вместе со мной. Я кому сказал, не трепыхайся, кому сказал не соскакивать, не увёртываться. У меня такие зехера не проходят. Граждане, вы посмотрите, как она сачкует, не хочет давать мне благодать, пускать в свой рай!

Публика в предбаннике одобрительно рассмеялась, она полностью разделяла возмущение бывалого рецидивиста, а Хряк, видя эту поддержку, буквально сатанел от ощущения своей неограниченной власти. Этим же ощущением проникся и его напарник по забавам. Насильники не получив от монашек достойного отпора, поняли, что сейчас им положено всё что угодно.

– Что телишься, лизуха! Не сжимай свои максы! Ещё не было таких крепостей, которых бы я не взял! Ори громче, сука, ори громче, я кому сказал? Прогни спину? Да что же это такое?! Тупая!

Прогни спину, тупая тварь! О, да ты я вижу, целка? Вот, как кровянка льётся по ластвам, скоро здесь целая льва будет! Как же мы тебя, невесту христову, упустили?! Бардак!

–Да, ну?! А моя телка, век свободы, уже порушена, видно ещё на барже прошла первый курс военной подготовки, – весело отозвался Петруха, переводя дух. Он и раньше всегда насиловал женщин весело, шлёпал одной ладонью монашку по спине, пыхтел как паровоз: пых! пых! пых! и дурашливо гудел: У-у-ух! У-у-ух!

Предбанник грохнул от смеха, и это вдохновило Колтуна, он старался, как мог, и дальше подыгрывать Хряку. Пристроившись к белоснежному заду своей чернявой монашки, он, с помощью ритмических телодвижений и звуков, стал подражать стремительно летящему вперёд паровозу, ногами передавал стук колёс на стыках, тяжело пыхтел и пронзительно гудел.

Входя в раж, на каждом выдохе он дурашливо декламировал: «Наш паровоз – ха! Вперёд лети – ха! В коммуне – ха! остановка – ха! Другого нет – ха! у - ха! нас пути – ха! Нам больше – ха! некуда войти – ха! ха! ха! В руках у нас – ха! винтовка - ха! винтовка - ха! винтовка - ха! Наш паровоз – ха! быстрее лети, быстрее, сука – ха! быстрее, сука! – ха! Нам очень – ха! очень – ха, хочется войти – ха! в дупло девчонки – ха! ха! ха! Вот так, девка, работай! Вот так! Работай моя хорошая, работай!

Это была, по-своему творческая находка, яркий экспромт, который пришёлся публике по душе, она пришла в дикий восторг, и конвоиры и стоящие вблизи них шестерки, посредники блатного мира смеялись до слёз. Не смеялся только один. Им был комсомолец Костик Веников, который увидел в этой выходке зэка Колтунова идеологическую диверсию. Прерывая хохот и сальные реплики зрителей, Костик вскочил со скамейки и закричал:

– Прекратить! Немедленно прекратить! Поселенец Колтунов, я кому сказал?! Прекратить глумление над лучшей песней Революции! Под суд захотел?

Но все, кто был в предбаннике, все, кроме голых монашек, не поняли слов Костики, многие смотрели на него недоумённо и осуждающе. Возмутился и зэка Колтунов, не отпуская из рук монашку-чернавку, он обернулся и съязвил:

– Не мешай ловить кайф, начальник! Мы тебя сюда не звали! Все идейные могут уходить к себе в штаб, в ленинскую комнату газетки читать.

Костик не ждал такого отпора и растерялся, в самом деле, сюда, «на вокзал», в баню, его никто не звал, он сам пошёл. Костик огорчённо махнул рукой, ах, черт с вами, и снова сел на скамью, а герой-любовник стал доигрывать прерванную сценку, но уже молча, зло и агрессивно. Чернавка стала громко стонать, скоро её стоны перешли в утробные крики. Кто-то стал от восторга громко стучать ногами, кто бил прикладами по полу, вдохновляя криками усердие импровизатора:

– Давай, Колтун, жарь! Давай жарь! Быстрее! Быстрее! Поддай жару!

– Граждане я выстрелил! Мы приехали! Пора выходить из тёплого вагона! – первым сообщил о своей победе взмыленный Хряк, за ним натужно выкрикнул Колтун, дергаясь тазом и выдавливая остатки спермы на спину теряющей сознание женщины:

– И я выпустил свою пулю, граждане! Пуля попала в цель! Век свободы не видать, моя Ирка точно захватила! К новому году у неё будет довесок, бутуз и рожей весь в меня! А пока, я выхожу из вагона, сейчас будет пересадка. Представление ещё не закончено, граждане! Сейчас будет пересмена, будет второй акт нашего антирелигиозного спектакля! Сейчас будет обряд святого причастия наших грешных Магдалин!

То, что стали творить урки дальше, Костик запомнит на всю жизнь, будет рассказывать об этом всякий раз, когда зайдёт речь об истинной сути человека. Изнасилованные монашки Ольга и Ирина были отпущены к своим сестрам в мочную залу, настала очередь запасных партнёрш, которые продолжали все это время стоять в углу предбанника и неистово молиться о спасении своих душ. На этот раз их решили изнасиловать прилюдно в извращённой форме четверо уроков во главе с Хряком.

Вполне возможно, что и в этот раз всё сошло бы гладко, без сучка и задоринки, ведь смирению монашек перед гнусным насилием не было границ, если бы не одна рыжая монашка! Если бы ни это дурацкое «причастие». Если одна монашка, боясь быть искалеченной, быть с разорванными до ушей губами и выбитыми зубами, всё-таки приняла «плоть» и пригубила «кровь» Хряка, то вторая, рыжая Настю, не хотела покорно открывать рот. Она всячески отбивалась от Колтуна, вырвавшись на секунду из цепких объятий насильника, выла по-звериному и звала на помощь все силы небесные. Но никто не вступился за монашку Настю, только один человек решил заступиться за несчастную, но не успел. Им снова оказался Костик, который почему-то верил в рыжую монашку, что она не прогнётся под Колтуном и примет от него «причастие». Однако всё

произошло неожиданно, Настя вдруг прекратила сопротивления, как-то сникла, обмякла, опустила на колени перед Колтуном и запрокинула лицо.

– Вот так бы давно, сестричка Настёна, крошка едрёна! Открой своё едало, разожми свои кусалки! Прими плоть мою, сестричка, вкуси её, пей кровь мою, слови кайф, утоли сосаловку! – торжествующе, по праву победителя, заорал во всю мочь Колтун, схватил за уши Настю и притянул её рот к своей плоти. Публика была разочарована стойкостью рыжей монашки, публике хотелось продолжения антирелигиозного спектакля, и она стала требовать от Колтуна и его помощника более жесткой и жестокой игры.

Костик же решил прекратить это глумление над верой предков. И в самом деле, пусть, как говорил товарищ Ленин, религия и опиум для народа, но всё же надо знать меру, пору и время. И дело тут не в мешанской жалости к какой-то монашке, а дело в принципе. И Костик решил прекратить обряд «причащения». Но как только он стал приподниматься со скамьи, как вдруг раздался рев смертельно раненого зверя, и в сторону зрителей ударила мощная струя алой крови. Это орал Колтун, корчась от боли, и медленно оседая на пол, он сжимал пах двумя руками, а из-под его пальцев фонтанчиками била кровь. Настя продолжала стоять на коленях, лицо её было всё в крови, она сплёвывала изо рта кровь и неистово крестилась...

.....

Агнешка исчезла, когда Костик поехал в остяцкий посёлок помыться в настоящей бане и раздобыть вкусной домашней снеди для своей возлюбленной. Целые сутки он с Федькой Котюховым искал Агнешку. Искали они свидетелей, тех, кто видел её в последнее время, но таких не находилось. Сначала Костик думал, что Агнешка с кем-то бросилась в бега, что греха таить, побег с острова приобрели массовый характер, или кто-то из начальства отправил её на дальний участок, в гиблые болота. Но две пачки моршанской махорки и полбулки хлеба развязали языки двух очевидцев, которые и вывели Костика на одну блатхат, обитатели которой ещё продолжали свой кровавый пир при участии своих шестёрок-скоморохов, с их убогим уголовным репертуаром. Из одной благоустроенной по высшему разряду землянки крепко несло жареным мясом, и кто-то из самых голосистых певунов во всю горланил известную всем песенку об отъявленном душегубе:

Я мать свою зарезал,
Отца я застрелил,
А младшую сестрёнку
В сортире утопил!
Я родом из Одессы,
Ростов меня крестил,
Со старшею сестрою
Как муж с женой я жил.

Никто из людоедов не стал отпираться, все признались, что использовали Агнешку вначале как женщину, а потом как добротную пищу.

Когда с помощью людоедов была найдена голова Агнешки, с навечно застывшей страдальческой улыбкой на устах, Костик чуть было не потерял сознание...

Но когда он ещё узнал, что его Агнешку съели при всём честном народе, он пришел в неистовство, и решил одним махом покончить с людоедами из второго отряда. Одному ему это сделать было не под силу, и он бросился за поддержкой своему ротному командиру, но тот быстро охладил его пыл.

– Ты, с ума сошёл, Веников! Ты, что себе позволяешь?! Развёл здесь, понимаешь, любовь! Ты, что забыл, кто ты есть? Ты здесь несёшь воинскую службу и должен соблюдать устав внутренних войск. Ты не в богадельне служишь, а несёшь охрану деклассированного контингента на спецпоселении. Вместо того, чтобы быть строгим и бдительным в отношении этих паразитов трудового народа, ты вошел в близкий контакт с ними! Зачем ты ходил в баню, когда там мылись монашки? Тебе, что мало наших прачек? Или ты считаешь их заразными? Ты почему, как комсомолец, не пресёк зека Хрекова, когда тот начал глумиться над революционной песней и стал поганить в таких формах наши светлые идеи? Как ты мог потерять свою партийную бдительность? Что молчишь? Думал, что мне не донесут? Ошибаешься, брат! Мне давно известно, что ты даже делишься с некоторыми поселенками своим пайком! Размазня ты, Веников, а не чекист! Безобразие! Ты, что забыл секретную инструкцию от 1932 года? Она касается не только

работников райкомов и крайкомов партии, но и нас, работников НКВД и служащих внутренних войск, всех тех, кто служит в системе управления лагерей и тюрем.

–Какая инструкция? Честное слово, товарищ командир, не знаю. Меня с ней никто не знакомил?

–Не валяй дурака, Веников! Знал, прекрасно знал! Знал, что незнание закона не освобождает от ответственности. Эту инструкцию знают наизусть все служащие нашего ведомства. Особенно ту часть, которая касается таких мягкотелых, жалостливых и влюблённых, как ты Веников. Вот она: «Самое страшное, если вы вдруг почувствуете жалость и потеряете твердость духа. Вы должны научиться есть, даже когда кругом все кулаки и их семьи будут умирать от голода. Иначе некому будет вернуть урожай стране. Не поддавайтесь чувствам и думайте только о себе». Ты понял меня, Веников? До тебя дошло? Ты, что захотел попасть в штрафные конвойные части и погибнуть вместе с эсками где-нибудь на Колыме или в Норильске? Ты знаешь, что там уже несколько этапов замёрзло вместе с конвоями и служебными собаками. Там, на Колыме, где роют золото, контингент заключенных вместе с охраной меняется полностью через каждые полтора месяца?!

– Ей богу, товарищ командир, не знал. Откуда мне знать? Слухи разные ходят, но разве можно верить слухам.

–Эту инструкцию мало знать, Веников, её ещё нужно правильно понимать. Не все были способны это понять. А те члены партии и руководители, кто её понимал неправильно, кто во время коллективизации закатывали пиры и оргии с красивыми девками типа твоей Агнешки, кто сжирал за вечер жареного барашка нашпигованного перепелами и купался с голыми бабами в шампанском, те уже давно ликвидированы. Они лежат в земле за то, что на свой лад истолковали инструкцию ЦК партии: «Даже если вы увидели, что кто-то рядом упал и умер, не обращайтесь на это внимание, наслаждайтесь жизнью и веселитесь». Вот такая гнилая буржуазная мораль сидит в некоторых из нас, и в тебе тоже, Веников!

–Любовь у меня к Агнешке, товарищ командир! Виноват, люблю я её очень! Виноват, но я от этой любви голову потерял. В первый раз в жизни у меня такая любовь. Агнешка не такая как все! Она другая, светлая, ясная и добрая. А те, кто съел, кто пил её горячую кровь, это не люди! Нет, это не люди, их надо всех истребить.

–Любовь, говоришь? Дурь это, Веников, а не любовь! Это у тебя кровь играет от сытого пайка, меньше жрать надо, Веников, и больше сил нужно отдавать службе. Учиться тебе нужно, Веников, а чтобы поступить на Высшие курсы НКВД, нужно иметь хорошую характеристику за подписью комиссара Нарымского окружного отдела товарища Сатановского. А таких Агнешек, поверь мне, у тебя будет по горло. Даже здесь такого добра полным-полно. Это, во-первых, а во-вторых, кто тебе дал право вершить суд над людоедами? Их будет судить советская по всей строгости закона! Не смей подменять своим самосудом наш народный суд! Ты понял меня, Веников?

В конце приснопамятного Тридцать третьего года на остров из Новосибирска пришло сразу два парохода с пустыми баржами. Сиблаг решил эвакуировать уцелевших назинцев. Половина из них не могла пройти по трапам на баржи, настолько они были истощены и измучены. Их несли крепкие физически людоеды на носилках и складывали рядами в трюмах. Катер «Быстрый» на малых баржах подвозил с ближних посёлков оставшихся в живых поселенцев и чудом уцелевших беременных женщин, которые тоже были крайне измождены и продолжали умирать уже в трюмах. Из десяти тысяч поселенцев, осталось в живых, и было эвакуировано две тысячи восьмьсот пятьдесят шесть человек. В тот год зима в Сибири была поздней, лед на реке был ещё тонким, выдерживал средний вес человека, но легко ломался под брюхом парохода. За месяц до ликвидации спецпоселения, прекратились побег, люди поняли, что бежать бессмысленно, что побег из Назино – это один из вариантов ухода из жизни. Все кто решился на побег, остались лежать в близлежащих болотах, или утонули в Оби, далеко уплыли по течению за Полярный круг, или частично вернулись на остров в полумёртвом состоянии..

Очевидцы вспоминают, что тот день над Обью низко завис белый полог, то ли туман, то ли морось – сразу и не поймёшь, какая-то белая густая мгла, в которой быстро тонут любые звуки, предметы и видения. Казалось, что весь мир объята густая дневная мгла небытия. С носа баржи чуть видна была её корма, и чёрная полоска берега, и старая пристань, покидать которую людям было тоскливо, может быть, из-за страха перед возможным худшим грядущим. Странно, но почему-то люди предпочитают умирать на месте, в своей норе, чем в пути.

Погрузку на баржи живого груза производили неспешно и организованно, строго по отрядам и рабочим бригадам, строго по живому списку, составленному на основании недавней генеральной поверки всего контингента, включая сюда безнадежно лежачих больных и женщин на последнем

месяце беременности. Но и здесь не обошлось без осечки. По закону подлости, произошли некоторые неувязки, упал с трапа в воду и был затёрт насмерть льдинами зэк Иван Хреков. Его смерть списали по статье «естественной траты», как погибшего «по личной неосторожности во время производственных работ». Другое упущение обнаружилось вскоре после погрузки, когда были отданы концы, снят с огромного пня причальный канат.

Когда вторая баржа лениво отчалила от назинского причала, и когда за её кормой меж колотых льдин обозначился чёрный кильватерный след, стоящие на палубе конвоиры уловили едва слышимый в белой мгле крик, а самые зоркие заметили некоторое шевеление на берегу. Кто-то остался на острове, черт возьми! Кто-то не смог явиться на генеральную поверку! Кого-то не заметили в спешке и не внесли в эвакуационные списки добросовестные и шустрые прежде учётки! Командир второго отделения второй роты Веников перебежал с носа на корму и стал всматриваться в чёрную полосу уходящего берега, но и ему молодому и зоркому было трудно определить, кто остался там, в своей норе и кто там так горько звал на помощь...

Это были вопли крайнего отчаяния, предсмертные крики, переходящие в сплошной вой. На светло-коричневой глинистой полосе крутого берега Костик разглядел сначала большое пятно, похожее на чёрную кляксу, которая потом раздвоилась, одна из них вскоре превратилась в фигуру человека держащего в руках какой-то белый свёрток.

Костику всё стало ясно: этим человеком была женщина, одна из тех несчастных, изнасилованных урками и забеременевших от них ещё в феврале-марте этого года девушек из первой партии. Скорей всего это была одна из тех чудом уцелевших, которые предпочитали рожать подальше от людей в своих норах-землянках без посторонней помощи, перекусывать зубами пуповину, как делают это многие самки животного мира.

– А-а-а-ау! Лю-ю-ю-ю-ди! Куда вы?! Вернитесь! Меня забыли... А-а-а-ау! А-а-а-ау! ...ю-ю-ю-ди! ...ю-ди! ...юди! ...нитесь... уда вы? ...уда вы! ...мите ...ня! ...уда вы... били... у-у-убили... мя! ..мя...мя! А-а-а-ау! О-о-о-оу! Вуао! оу-оу-оу...

Костик повернулся спиной к берегу и стоял так до тех пор, пока не стихли окончательно в белом морозе вопли молодой матери, сделал вид, что ничего не видел и не слышал. То же сделали и конвоиры. Ну, в самом деле, не поворачивать же транспорт обратно из-за какой-то глупой бабы? Да и ничего с ней, с этой горе-рожалкой не случится! Не на пустом острове её бросили. Остались на Назинской пристани несколько речников, бакенщиков и мотористов, к кому-нибудь из них она и прилепится, кто-нибудь пожалеет мамку-одиночку, подкормит и приголубит. Мир не без добрых людей, авось всё образуется. А нет, так нет! Знать не судьба, знать так надо. Знать кранты младенчику и его мамке на этом острове! Такое время наступило, игра по-крупному, и вопрос на повестке дня стоит самый серьёзный: кто кого?

И притом, для Костики это уже не имело никакого значения, ведь именно с этого дня, дня эвакуации остатков элементов городского типа и начнётся его успешное продвижение по службе. Прав был ротный командир товарищ Выгузов, который не раз говорил ему, что с прошлым надо расставаться легко и решительно, никогда ни о чём не жалеть, ни о сгоревшей любви, ни о своих ошибках! Прошлое надо забывать как плохой сон, сплунуть его как горькую слюну и забыть. Почему? Да потому, что в карете прошлого далеко не уедешь, так пишет пролетарский писатель Максим Горький, потому, что на старом рыдване нет пути в коммунизм, так говорит начальник Александровского ГПУ товарищ Сатановский...

Кто знал, что остров Назин окажется островом ненужных людей, что элементы городского типа как рабочая сила не оправдают надежд высокого начальства? Кто знал, что любой из этих так называемых трудпоселенцев и мизинца не стоит самого ленивого раскулаченного! Кому нужен этот человеческий мусор, который ничего не умеет делать? Сегодня партии нужны миллионы крепких мужиков, нужны умельцы, мастера на все руки, они нужны на великих стройках страны, на Урале, в Нижнем Тагиле, в Хибинах, в Сибири, в Заполярье, в Дмитровлаге на рытье канала «Москва-Волга».

Пора наладить эффективную, мало затратную фильтрацию человеческого материала, освободить советское общество от разного рода социальных паразитов и религиозных трутней. Об этом не раз говорили славные чекисты-строители великих каналов сам Генеральный комиссар государственной безопасности товарищ Ягода и товарищ Лазарь Иосифович Коган. Об этом не раз говорил на собраниях партийного и комсомольского актива товарищ Сатановский, и он, Костя Веников, с ними согласен и полностью их поддерживает. Бездельникам, неумехам и лодырям нечего делать на земле мечтателей и героев. Никого из числа умерших поселенцев, кроме Агнешки, Костику не жалко, а зачем и за что их, этих никчемных двуногих существ, жалеть?

.....
Сколько всего их было, сколько человек пошли на «естественную убыль», сколько из четырёх тысяч пропало без вести, сколько ушло в бега, и сколько из этого числа было съедено, сказать трудно. Также трудно сказать, кто они, кто из них был в своё время задержан за нарушение паспортного режима, а кто за тунеядство, асоциальное поведение и за распространение «клеветнических слухов» о коллективизации, её страшных последствиях.

Известно, что только в первом эшелоне беспаспортных поселенцев было четыре тысячи девятьсот человек, которые к зиме погибли почти все. Известно также, что из второго эшелона выжили только те, кто имел запасы муки, соли, много вяленой и солёной человечины. Неизвестно сколько людоедов выжило и дало потомство. Это очень важно. Даже если их, этих человекоподобных существ со *странным взглядом*, осталось в живых около двух тысяч, то это очень большое число антропофагов, способных оказать существенное негативное влияние на генофонд так называемого советского человека.

Известно только, что почти все молодые женщины и девушки были съедены, осталось в живых только несколько женщин, которые работали в солдатской прачечной при комендатуре и те, кто находился в солдатском борделе острова, или кто был любовницами местного начальства посёлка. Неизвестны их имена, неизвестны имена тех, кто был отправлен из Назинского поселения в концлагерь в Норильск и Магадан, потому что документы элементов городского типа отбирались чекистами при аресте, изымались на курение махорки уголовниками в эшелонах и на баржах. То, что осталось, было уничтожено частично на острове, а позднее органами безопасности для устранения следов преступления против человечности.

Остались косвенные, хозяйственные документы, накладные на разного рода инвентарь, заявка Александровской комендатуры о выделении сорока палаток для Назинского поселения, но переадресованные почему-то в Нижний Тагил. Остались накладные на двадцать девять ящиков свиной тушёнки, которые тоже почему-то уехали по другому адресу. Осталась самодельная записная книжка-дневник, изъятая солдатами у одного из беглецов, у неизвестного элемента городского типа. В ней записи первых дней пребывания на острове лишних людей, предположения о возможном массовом расстреле спецпоселенцев или их медленном умерщвлении через голод и болезни. Здесь же в записной книжке несколько неизвестно чьих стихотворений. То ли это стихи Полежаева, то ли Туроверова, а может и самого Николая Клюева из его томского уголовного дела? Попробуй сейчас узнай.

«Весь мир – тюрьма с цветами на фасаде,

где водку пьют из черепа отца,

где все убийцы ждущие награды,

смеясь, порочат замысел Творца.

В узилище, ютятся и умирая,

съедая друга в честной тишине,

я расскажу, ничуть не привирая,

всю правду о поруганной стране.

Про свой маршрут до дантовского ада,

до тех иных зияющих высот.

Я уйду, судьбу не проклиная,

читатель честный, вспомни обо мне.

Я уйду в ничто... по нечистотам вброд,

здесь человеку доброму не рады,

здесь дочерей имеют для услады,

здесь гибнет окончательно народ,

здесь нет закона сердцу моему.

Ах, темно, мне тошно, безотрадно...

не пойму: куда, зачем и почему

менять Нарым... на новую тюрьму?»

Ещё одна запись: «О, для чего судьба меня сгубила? Зачем из цепи бытия меня навек природа исключила, и страшно вживе умер я? Вживе умер я, я жив, но мёртв. Меня уже нет в этой жизни, и никогда не будет! Вот в чём дело!»

Далее уже другой, слабеющей, дрожащей рукой написано:

«С рождения – ни веры, ни креста, с рождения вся жизнь была пуста, как этот колос лёгкий и пустой, поднявшийся над праздной бороздой. И не пора ль его теперь сорвать, и бросить в прах и в прахе растоптать, растущий без единого зерна, когда о хлебе молится страна».

Остались лишь крохи архива, касающиеся деятельности участковых комендатур и «хозобслуги», а также скудные свидетельства оставшихся в живых участников этой трагедии. Остались воспоминания выживших в Назине двух женщин, доживших до середины «лихих» 90-х годов двадцатого века, живые свидетельства Меньшиковой Таисии Михайловны, 1908 года рождения и Себровой Марины Николаевны, 1917 года рождения.

Таисии Меньшиковой в ту пору было двадцать пять лет, ей крупно повезло, её сразу же после этапа взяли в прачечную бригаду стирать солдатское бельё, устраивать быт офицеров. Когда она рассказывает об острове людоедов, то тихо плачет:

«... Был у нас на острове конвоир, мальчик ещё, Веников Костя, молоденький, добрый парнишка лет семнадцати. Ухаживал он на острове за одной бедовой девчонкой полячкой Агнешкой, а его друг за её подружкой Дарьей Спиридоновой из Минска. Костик всё караулил Агнешку, чтобы тюремные урки из Златоуста не надругались над нею и не съели. Вздумал раз Костик поехать в остяцкую деревню, в бане помыться, тогда у нас ещё на острове бани не было, её только начали строить. Так вот перед отъездом, наказал Костик своему товарищу Фedyке Котюху, чтоб тот за Агнешкой приглядывал. А он, Федька, и не уследил. А как уследишь, когда столько народу на острове шляется, и за каждым нужен пригляд...

А её, Агнешку, урки сначала привязали к козлам, на которых брёвна пилят, и надругались над ней всем скопом. А потом эти вампиры привязали её к тополи, руки назад, вены ей порезали, и кровь живую в кружки сливали и пили у всех на глазах. И груди отрезали ей, икры отрезали ягодицы, мускулы, и даже чрево вырезали – всё, что можно съесть, всё-всё. Голодные они, есть надо. Парню не повезло, жалко его. Вот такие были зверства. Человеческое мясо резали, солили, вялили, привязывали в тряпках на деревьях...».

А вот что рассказывает о своих мытарствах Марина Николаевна:

«... Я плакала тихо по ночам и проклинала тот день и час, когда сошла с баржи на этот остров. Проклинала свой день рождения, свою судьбу и убийцу моего папеньки, из-за которого начался мой крестный путь, но видно не всех прокляла. Видно не всех. А жаль. Ведь те душегубы, кто не был проклят по имени и отчеству, прожили сытую и долгую жизнь и с почётом похоронены. А тех, кто всю жизнь горбатился на коммунистов, мучился, не доедал, тех под старость ограбили, унизили и зарыли в землю, как скотов... А теперь мне говорят: не будем ворошить прошлое, не будем говорить о грустном, зачем сыпать соль на раны, жизнь такая прекрасная...

Я долго старалась никому не рассказывать о Назине. Тогда запрещалось об этом рассказывать. Впервые я поведала об острове людоедов своей младшей сестрёнке Катерине, когда та приезжала к нам погостить из Франции. Когда это было, дай припомнить. Кажется тогда, когда Брежнев стал терять силу, стал шамкать и трудно говорить...

С Катериной я рассталась ещё в тридцать втором году, когда началась повальная коллективизация, в тот год был убит наш папа своим пьяным другом детства, уполномоченным по хлебозаготовкам дядей Стёпой прямо из нагана, в лоб, в упор. Пьяные они были, почти полчетверти самогона выпили и поспорили крепко о колхозе. Помню, папа стал ругать Сталина чёрными словами, обозвал его бандитом, а дядя Стёпа, как ярый коммунист, встал на защиту вождя, обозвал папу «гидрой контрреволюции» и в прямо за столом пристрелил его, прямо у нас на глазах.

К тому времени мама наша умерла, так что остались мы с Катюхой сиротами. Правда дядя Стёпа вскоре опомнился, повинулся, и устроил нас в сельскую коммуну имени Дзержинского за Батайском. Там было нам с сестрёнкой неплохо, кормили хлебом вдоволь, и работа была нам по силам. Оно бы сидеть мне там в этой коммуне тихо, а я, дура, стала искать правды, убежала из коммуны в Батайск, а оттуда с перекладными, на разных поездах рванула в Москву жаловаться на самочинство местной власти, о её «перегибах» самому всесоюзному старосте Михаилу Ивановичу Калинину. Но вместо приёмной Калинина попала в лапы ГПУ, а оттуда за нарушение паспортного режима и распространение клеветы на коллективизацию была прямо отправлена на поселение в Сибирь, на остров Назин.

Из Сибири я вернулась на Дон уже после войны, но к тому времени на хуторе Манычском никого из близких родных не осталось, а дальним родственникам, например, двоюродной тётушке

Феодоре Лопатиной, я, бывшая зэчка, да ещё с ребёнком на руках, была бы обузой. Посмотрела я на разорённый свой хутор и уехала жить в Подмоскowie, в Салтыковку, к одному знакомому по ссылке мужику.

Там и нашла меня Катька через Международный Красный Крест. Написала сначала письмо, а потом и сама ко мне прикатила с мужем и детьми из Прованса. Она меня сразу не узнала, уж больно состарил меня остров Назин, почти съел мою прежнюю красоту, а я Катьку сразу же узнала! Ей тогда уже пятьдесят годочков стукнуло, а по виду ей лет тридцать, холёная, ухоженная, вся разодетая, красивая причёска, маникюр, ажурные чулки, туфли-лодочки на тонких шпильках. Смотрю на неё и не верю глазам своим, смотрю и плачу. Дети её и муж по-французски что-то лопочут, и Катька с ними точно также по ихнему быстро и часто гундосит: гр-р-р-э, гр-р-р-ас, гр-р-р-э, гр-р-р-ас!

Она тоже плачет, плачет и жалеет меня, что так долго порознь жили мы, что нищая я, и так быстро поблекшая в вечных заботах и тревогах. Вот так судьба нами распорядилась: меня коммунисты в Сибирь отправили, а Катьку фашисты угнали в Германию на свой рейх работать. Катьке повезло, в Германии она к одному доброму бауэру в семью попала Там, на ферме, она своего французика Мишеля встретила, вышла после войны за него замуж, и укатила с ним в его родную провинцию Прованс.

А я, видная и здоровая телом девушка, здесь и до войны и после войны только одним местом и нужна была! Неужели для этого родилась я на белый свет? А? Чтобы всякий скот, любой советский начальник со мной блуд чесал? Вот как судьба играет человеком! Ведь, если здраво рассудить, это Гитлер спас мою Катьку от сталинского острова смерти! А наш любимый вождь и учитель меня, целомудренную невинную девочку туда загнал!

И когда Катька стала плакаться мне в жилетку и лепетать о своей тоске по отчому краю, «родному тихому Дону», я отвела её в сторонку, усадила на скамеечку под яблонькой и рассказала о себе всё-всё. Про Нарымскую ссылку, про назинское спецпоселение, про массовое людоедство, про эту распятую на тополе, изнасилованную и съеденную прилюдно польскую девочку, про тамошний солдатский бордель и про издевательства урок нами, девушками, в банные дни. И про непосильные работы, голодные обмороки и выкидыши, и как после амнистии зэчки на рельсы выбрасывали из поезда младенчиков, плоды своего лагерного греха...

Когда Катерина выслушала мою исповедь, то вся изменилась в лице. Она очень тогда испугалась, ведь она не испытала всего того нечеловеческого унижения в немецком рабстве, которое испытала я в советской неволе. Я понимала, как трудно ей было поверить во всё только что услышанное от меня, от её старшей сестры! Мне даже на миг показалось, что Кате стало неловко из-за того, что именно она, а не я по праву старшей, оказалась баловнем судьбы. Я заметила, что после моего рассказа она стала испуганно озираться по сторонам, видеть в каждом человека доносчика, сексота и чекиста. Видно было, что Катюха стала видеть в каждом советском человеке потомка сталинских зэков-людоедов. Одним словом, я напугала её своими воспоминаниями до смерти, и уезжала она во Францию от нас, из подмосковной Салтыковки, без сожаления, и как мне показалось, даже с огромным облегчением. Я думаю, что излечила её раз и навсегда от ностальгии. У каждого из нас свой Бог и своя родина, для кого Родина-мать, а для кого – мачеха, для кого жизнь – рай, а для кого – хуже ада. И эту правду должны знать все, чтобы не произносить всеу запоздалые проклятия...».

Вот, пожалуй, и все сведения о тех далёких трагических событиях. Но мне кажется, что и этого вполне достаточно для развития в себе способности воображения, о которой когда-то говорил Иммануил Кант.

А как же Костик Веников? Как сложилась судьба Нарымского Ромео? Костик прожил долгую и относительно благополучную жизнь. После ликвидации Назинской участковой комендатуры, он накануне войны окончил высшие курсы НКВД, стал офицером, великая война обошла его, вся его служба прошла в тылу. После войны работал начальником фильтрационного лагеря, который направлял на тяжёлые работы бандеровцев, власовцев и прибалтийских «лесных братьев», их близких и дальних родственников, а также всех активных пособников оккупантов.

Куда только не кидала его судьба. Служил Костик и в системе Карлага, близ Караганды – самого большого города в Центральном Казахстане. Отсюда на тысячу километров на север и на юг, на запад и восток, от Жарыка до Джезгазгана, от Джезды, Карсакпая и Шенбера простирались по степи и полупустыне странные поселения из длинных барачков, огороженных колючей проволокой, с шатрами сторожевых вышек.

Здесь Костик охранял и перевоспитывал трудом совершенно другой контингент. Здесь он познакомился с таким уголовным конгломератом, что те прежние «элементы городского типа», нарушители паспортного режима, спецпоселенцы с острова Назин и даже предатели и враги народа, власовцы и «лесные братья» из фильтрационного лагеря под Ухтой, показались ему невинными ангелами в белых одеждах.

Здесь Костик по-настоящему столкнулся с социальной и националистической ненавистью ссыльнопоселенцев, которые, чтобы выжить в чуждой среде вливались в тесные ряды блатного мира. Здесь Костик впервые узнал, что такое чеченская мафия, что такое подпольный бизнес и торговля живым товаром под крышей правоохранительных органов.

Беспощадные законы «зонь», ограждённой проволокой, вышли за пределы её строго охраняемого периметра и стали негласными законами вольных городов и посёлков. Их жителями были сосланные сюда после войны и поставленные вне закона чеченцы, балкарцы, немцы, корейцы, азербайджанцы, калмыки и дети этих ссыльных народов. Для них, чтобы выжить, была одна дорога – это примкнуть к уголовному сословию или самим создать своё кастовое уголовное сословие.

Для местных коренных жителей они были исчадиями ада, предателями и врагами советской власти, с которыми было опасно даже дышать одним воздухом. И взрослые спецпоселенцы, особенно чеченцы, и их дети отвечали местным жителям и властям злобой и ненавистью, вызывающим поведением.

Среди криминальной элиты оказалось несколько знакомых Костику ещё по Назин-острову лиц, стойких людоедов из числа тех, кто двадцать лет назад ходил в шестёрках у «главных в натуре» вампиров. Что интересно, людоеды-уголовники не узнали в начальнике лагеря Веникове прежнего конвоира Костика, а он их всех до одного узнал, через столько лет узнал всех в лицо и даже вспомнил клички некоторых! Вот сила памяти любви, светлой любви к Агнешке!

Таков был лагерно-ссыльный конгломерат, оседавший с тридцатых годов по шестидесятые в шахтерских и заводских «вороньих» слободках Караганды. Такого сорта люди жили тогда в Михайловке, известной всему уголовному миру своими притонами и борделями, и в других значных местах Караганды, во всех этих нахаловках, копаях, шанхаях, рыгаловках, мелькомбинатах.

Здесь Костик впервые узнал о существовании наркотической империи СССР. Отсюда, из Караганды шли три главных потока наркотиков – на запад в Москву и в большие города Урала, на север в Петропавловск и Омск и на восток и северо-восток в Новосибирск и Томск. Здесь, в Карлаге, на стыке железных дорог, ведущих из Караганды на запад к Целинограду, Павлодару, Барнаулу, Магнитогорску, до Тюмени, до нефтяных городов-трущоб давно сложился оптовый наркотический рынок.

Здесь Костик впервые увидел открытую продажу марихуаны в известных всей округе квартирах и частных домах, очереди как в магазине молодых людей за очередным башем или косячком. В той же Караганде и близлежащих городах, в более или менее людных местах, где собираются просто подростки, просто мужики, никто ничего не таит и ни от кого не прячется. Достать дурь, пыхнуть дурью и снять тринадцатилетнюю девчонку на приход было так же обыденно как достать водки или пива, выпить и снять после этого с ней излишнее давление в тёмном углу.

Уровень проблемы уже тогда был примерно один и тот же, ну, может быть, чуть выше. Но уже тогда, в карагандинских притонах пошёл в ход дешёвый первинтин, или «винт» от которого обостряются в человеке все чувства и инстинкты, уже тогда стали практиковаться вызовы девчонок на приход и использование их «в хороводах». Одним словом, Костик о наркомании в СССР знал больше других работников МВД, даже тех, кто сидел тогда в Москве в высоких креслах и вёл незримую и безуспешную борьбу с наркоманией.

Был даже у Костика по службе эпизод, когда он сам вынужден был использовать анашу как стимулятор производительности труда. Это было в начале шестидесятых годов, незадолго перед выходом на пенсию, в отставку на заслуженный отдых. Он тогда был начальником областного ЛТП, и чтобы выполнить производственный полугодовой план, он лично сам ездил в соседний город и привёз оттуда три килограмма анаши. Лишь бы пахали подопечные. На всё он был готов, лишь не сгорел производственный план, черт его подери! И они пахали, чёрт их забори, точно так же как пахали когда-то за пачку махорки трудпоселенцы на острове Назине.

Но, это его был единственный грех, как говорится, вынужденный, по долгу службы, но зато с тех пор, уйдя из органов в отставку, он сделался ярким врагом дельцов от наркобизнеса. Он продолжал

эту неравную борьбу почти до конца жизни, когда окончательно поселился близ Москвы, в области, в посёлке «Дружба», в частном секторе...

Он вёл свой «прицельный огонь» по двум «чёрным квадратам», расположенным обе стороны Ярославского шоссе. Один социальный «чёрный квадрат», в котором Костик жил сам, был обрамлён с запада улицей Коммунистической, с востока улицей Красина, с севера улицей Клары Цеткин, а с юга, со стороны Москвы, улицей Карла Либкнехта. Здесь располагался один из центров наркоторговли и торговли живым товаром, оптом и в розницу.

Другой «чёрный квадрат» располагался по ту сторону Ярославского шоссе, между Ленинской улицей на западе и самой автострадой на востоке, между 1-ым Ленинским переулком с юга от Москвы и 10-м Ленинским переулком на севере. В этом квадрате ещё с середины 90-х образовался рынок самой дешевой рабочей силы и сексуальных рабынь со всех регионов русского Севера, Поволжья и Сибири. По существу, здесь возник один из крупнейших центров современной работорговли. Сюда Костик старался не совать свой нос, ему вполне хватало дел в своём квадрате, в котором был самый дешёвый и доступный первентин и самые дешёвые девочки на «приход».

Здесь, в частном секторе, в трёхстах метрах от МКАД, возник особый мир, где под каждым забором теснятся «эксперсс-такси» для безденежных девочек-наркоманок и с десятков «газелей» с оказанием «скорой сексуальной помощи по самым смешным и доступным ценам».

Здесь Костик как рядовой пенсионер столкнулся с властью силы и беззакония в законе, с миром, где барыги, наркобароны, рекетиры, владельцы притонов, сутенёры и альфонсы являются самыми уважаемыми людьми общества и находятся под надёжной защитой «своих ментов» и самых высоких московских боссов...

Здесь Костик впервые в жизни получил возможность заняться самостоятельным изучением истории Московского региона и всей России...

Здесь Костик впервые понял, как трудно быть настоящим отчизнолюбом, патриотом не на словах, а на деле...

Судьба и родители подарили Костику долгую жизнь и относительно здоровую и бодрую старость. Он умер на стыке двух веков и двух тысячелетий, не дожив до своего девяностолетия всего полтора года...

Похоронен Костик на Волковом кладбище, на четвёртом участке, в глубине кладбища, ближе к Пироговскому лесу, где через дорогу уже возник дачный посёлок. Современные дачники не боятся кладбищенских вурдалаков, их не тревожит по утрам горестные плачи родственников умерших и траурная музыка...

Им, биодам-роботам, всё по барабану, им, татарам, всё по Приапу...

* * *

О себе как плохом Человеке (фрагмент из романа «Княж-Погост»)

Нет, нет и нет! Никогда не стать мне совершенным человеком, да я по правде этого и не хочу. Почему? Да потому, что совершенство – это проклятие умного мужчины, твёрдо уверенного в том, что испражнения культурного героя и демиурга никогда не станут прополисом и душистым гречишным воском. Но и быть середнячком, гением социальной мимикрии, примитивом тоже избавь, Господи! Почему? Да потому, что вскоре, под конец жизни, станет так тошно на душе, что не захочешь жить вообще, потому, что примитив – это существо, проклятое в квадрате, а иногда и в кубе.

Неинтересно и безнадежно жить среди людей, которые ещё передвигаются, но их тела, образно выражаясь, уже наполовину присыпаны могильной землёй, тошно жить среди тех, завтра которых умерло ещё вчера...

О себе скажу даже больше. Я – плохой человек, очень плохой. Почему? Да потому, что предъявляю людям весьма высокие требования, всё подвергаю сомнению и категорическому отрицанию. Я давным-давно никому и ничему не верю, считаю многие христианские идеи хоть и высокими, но далеко не бесспорными, и даже вредными.

И, наконец, самое главное – в последнее время я категорически стал отрицать христианскую «милость к падшим» злодеям и мучителям своего народа. Моя больная и измученная страданиями душа сегодня на дух не приемлет христианское смирение и благословение, ставшие альтернативой библейского возмездия, отмщения и проклятия. Я – плохой человек потому, что мне давно претит

рабская и трусливая позиция тех человеческих существ, которые стремятся скрывать имена авторов смертельных политических доносов, имена палачей, участвовавших в преступлениях против своего народа. Я считаю эту позицию глубоко противоречащей человеческой нравственности, я считаю её лицемерно безнравственной, плохо скрываемым издевательством над памятью невинно загубленных жертв.

Нельзя уводить от суда истории и общества тех, кто совершал злодеяния, прикрываясь интересами их ныне живущих людей. Имена палачей должны быть названы вместе с именами их жертв. Палачи должны быть названы, взвешены, прокляты, каждый по своему кровавому злодеянию, прокляты и вторично навечно убиты до шестого колена. Это необходимо сделать и ввести в практику социально-политической жизни в назидание тем, кто продолжает бездумно лезть во власть, попирая божьи и человеческие законы. Это также необходимо сделать во имя светлой памяти нескольких чекистов, отказавшихся участвовать в репрессиях и погибших в годы большевистского произвола. В этом отношении я всегда солидарен с теми, кто стоит за применение в информационных войнах психофизического оружия, «неконвенционного оружия» библейских пророков – иудейского херема, древнеславянского заклятия-проклятия и церковной анафемы. В этом отношении я стою и буду до конца стоять на стороне русского поэта Николая Клюева, который проклял поимённо всех бесов большевистской революции вместе с их палачами.

Я – плохой человек, очень плохой. Мне стала чужда и омерзительна безграничная и слепая любовь ко всему человечеству. Я способен не любить, а только сострадать тем, кто не вынес страданий от человека. Я не могу любить всех и всем сострадать. Это не возможно. И тот, кто к этому призывает, тот страшно лукавит и лжёт. Я могу лишь сострадать невинным жертвам жирующих «хозяев жизни», и больше никому.

Я – плохой человек, очень плохой. Я – божья тварь неблагодарная. Я не довольствуюсь тем, что имею, не радуюсь как все жизни, не считаю как все жизнь прекрасным и бесценным даром Божьим. Я – тварь неблагодарная, мнительная и никому не верящая. Я быстро разуверился в авторитетах и разного рода идолов своей эпохи. Крушение живых культов было столь частным и столь разоблачительным, что в людях умирала последняя вера в Легенду о совершенном человеке. Я отношусь к тому слою интеллектуалов, которые сомневаются во всём на свете, которые берут под сомнение даже государственную официальную статистику, академические исторические опусы, официальные отраслевые справочники, учебники и учебную литературу. Я полностью разделяю формулу статистиков Российской империи: «Цифры не знают партий, однако все партии должны знать цифры». Я даже перестал доверяться государственным архивным документам, ибо давно знаю, что в Советской России архивные исторические документы изготовлялись в специальных лабораториях документоведения НКВД! Я давно знал, что с помощью «компетентных органов» ЦК ВКП(б) успешно делала нужные цифры по всем сферам человеческой деятельности, в том числе в истории войны и мирной социально-экономической и хозяйственной деятельности. Я всегда был плохим советским гражданином.

Я – плохой человек, очень плохой. Я не верю государству, которое дало мне слишком дозированное образование и дало весьма ограниченное право на познание мира. Я – социальная тварь неблагодарная! Я стал верить только себе и тем свидетелям эпохи, которые стали её заложниками и жертвами. Я верю только себе и своим родным и близким. Я верю только честным и главным свидетелям, тем, кто сполна испытал страдания от хищного человека эпохи.

Я не боюсь заявить, что советская статистика самая искажённая и подлая, лживая на свете, она печальная и трагическая. Хоть сейчас меняю несколько неопубликованных документов Кирилла Мазурова по истории немецкой оккупации в Западной Белоруссии на весь архив Центрального штаба партизанского движения под руководством маршала Тимошенко. Не задумаваясь жертвую партийным архивом Нарымского окружного комитета ВКП (б) ради сохранения несколько писем административно высланного поэта Клюева и двух свидетельских показаний спецпоселенков посёлка Назино Александровского района Нарымского округа. . .

Вот какой я плохой человек, вот какая я тварь неблагодарная! Мне говорят: успокойся, живи, как все, тихо и достойно. Оно тебе это всё нужно? Все эти ужасы прошлого? Зачем теребишь нам души, мешаешь нам спокойно наслаждаться жизнью. Будь, как все, радуйся, что ещё жив и здоров. Что тебе ещё нужно, тварь неблагодарная?!

Как позднее оказалось, я никогда не был таким, как все, я и не мог быть таким, как все, как ни старался всю жизнь, ибо не каждому дано то, что дано было мне. Именно это обстоятельство даёт мне, жалкой и ничтожной двуногой твари, некое моральное право на исповедь в форме беспощадно жёсткого и жестокого романа, в котором кроме мотива к сопротивлению эпохе, кроме

бескомпромиссной борьбы со своим временем за истину, не было бы ничего поучительного и развлекательного. Не выразить себя, не для самовыражения обещал я написать своим друзьям-философам свой роман-исповедь, а для того узкого круга читателей, которые ещё не разочарованы до конца Легендой о совершенном Человеке и до сих пор убеждены, что вести свой род от павиана бесхвостого – это что ни на есть самый оптимистический вариант антропогенеза.

Анатолий Апостолов